

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

1987

ИСКАТЕЛЬ 2

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА
1987

В ВЫПУСКЕ:

Юрий ПЕРЕСУНЬКО

3

СХОД НА ДЫМ

Повесть

Иван ФРОЛОВ

35

ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Фантастическая повесть

Валерий МИГИЦКО

65

НЕПРИЯТНОСТИ
НАЧНУТСЯ В ПОЛДЕНЬ

Повесть

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 158

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

Юрий ПЕРЕСУНЬКО

СХОД НА ДЫМ

ПОВЕСТЬ

Тигр не мог знать, что сумасшедший шквал дождя и ветра, который вскоре обрушится на его охотничьи угодья, люди называют тайфуном. Не мог он этого знать, однако опасность почувствовал сразу же, как только в тайге воцарилась недолгая тревожная тишина. Воздух словно застыл, а на вершине старой пихты замолчала болтливая сорока. Он добрался до своей надежно укрытой лежки и тяжело опустил на подстилку сильное тело. Теперь даже вблизи трудно было разглядеть тигра, положившего лобастую голову на вытянутые лапы.

Тайфун бушевал двое суток. Он с гулом обрушивал на Кедровое урочище шквалы свирепого ветра и проливного дождя, вымывая в сопках протоки, с корнями выворачивая ели и сосны, заставляя тяжело стонать необхватные кедры.

Двое суток тигр не покидал лежки, и теперь, проголодавшись, осторожно обходя доверху наполненные водой бочажки, рядом с которыми лежали вывороченные с корнями деревья, брезгливо отряхивал лапы. Он вышел к своей излюбленной тропе, которая вела к пологой сопке. Это место привлекало кабанов, но в последнее время здесь стал появляться одинокий изюбр. Прихрамывая, изюбр поднимался на вершину сопки и подлогу лакомился листьями лимонника.

До вершины он добрался быстро — уж очень сильно хотелось есть, да и незачем было осторожничать на тропе, которая принадлежала только ему. Где-то неподалеку раздраженно цвиркнула белка. Почти перед самой мордой вынырнул бурундук, свистнул и мгновенно скрылся. Тигр, мягко ступая по влажной земле, двинулся к поваленным деревьям, среди которых пасся изюбр.

Зверь был на месте. Видимо, он чувствовал себя в полной безопасности, и поэтому лишь чуть вскинул голову, когда едва слышно хрустнула ветка. Тигр замер, и только глаза его забле-

Художник Юрий СЕМЕНОВ

стели. Но вот изюбр опять зачавкал сочными листочками, тигр сделал едва заметный шаг и прыгнул...

Уютно было на этой вершине, среди огромных деревьев, которые надежно укрывали тигра. И поэтому, как всегда обходя владения, прямоком направился к задранному изюбру. Он уже чувствовал сладковатый запах свежего мяса, как вдруг увидел незваного гостя. Молодой медведь принюхивался к его добыче.

Забыв про голод, тигр сбавил шаг, спружинился и с раскатистым рыком взвился в воздух...

«Аннушка» сделала короткий разбег и мягко оторвалась от взлетной полосы.

Артем Шелихов, инструктор парашютно-пожарной команды, прикрыл глаза и поудобнее привалился к потертой обивке откидного сиденья. Спину и грудь надежно облегал два парашюта, колени упирались в огромный брезентовый мешок, куда были сложены палатки и спальные мешки на случай выброски в лес.

«Ну вот и кончились золотые денечки», — подумал он.

«Золотыми денечками» парашютисты называли те короткие периоды среди палкого дальневосточного лета, когда на тайгу обрушивались проливные дожди и забивали большие и малые пожары. А лето это было хоть и не самое страшное, но и не такое уж легкое, чтобы нагулять лишний жирок. Начиная с мая им приходилось целыми днями патрулировать отведенный участок тайги — чуть больше миллиона гектаров.

Шелихов невольно вспомнил, какой скандал закатила жена, пригрозив, что подаст на развод, если он не бросит эту «проклятую» работу.

Внизу медленно проплывала тайга, бугрящаяся невысокими, заросшими кедровым стлаником сопками. Чуть в стороне змеилась речка Кедровка. Этот участок принадлежал леспромхозу, и поэтому тут и там высвечивали проплешинами квадраты вырубленной тайги с расползающимися от них просеками, извилистыми дорогами.

Артем стал было прислушиваться, о чем рассказывает первые летевшему с ними Мамонтову Сергей Колосков, но из-за шума двигателя ничего не разобрал и снова принял к иллюминатору. Теперь под крылом стелился зеленый ковер, местами побитый августовскими красками. Более сочная и зеленая в низинках, редколесьем разбросанная по каменистым гребням, тайга перемежалась участками вечнозеленого стланика, который парашютисты не любили больше всего. Когда пожар захватывал поросшие стлаником склоны, тушить эти места было бесполезно.

Неожиданно показался мертвый остров — старая, заброшенная, вовесть не потушенная гарь. Гниль здесь уже вошла под кору, забралась в сердцевину обугленных, торчком стоящих стволов. Из таких мест и зверь уходит, и птица улетает, и даже муравьи не скоро появятся здесь. Хорошо, если лес вновь сможет набрать силу, ну а если ветер повалит остатки деревьев, защищающих гарь, тогда пиши пропало — быть здесь болоту.

Он прикрыл было глаза, собираясь прикорнуть, как вдруг резкий голос летчика-наблюдателя заставил его вздрогнуть:

— Сход на дым!

Артем, сотни раз слышавший эту команду, поднялся со своего места выпускающего, подошел к летнабу Курьянову, который переносил координаты показавшегося сизого столба дыма на патрульную карту.

Горел пологий, заросший смешанным лесом склон сопки, одной стороной упиравшейся в Кедровку.

— Ну вот, Мамонт, — толкнул новичка Венька Рыжий, — а ты боялся, что пожара не увидишь.

— Разговорчики! — оборвал ехидного парашютиста Шелихов. — Сам-то, поди, каждый раз при этой команде мыслишку на «авось» имеешь.

— Ну уж скажешь, командир, — обиделся Венька и начал поправлять лямки парашюта. Причем делал он это с таким видом, будто прыжки в горящую буреломную тайгу, где, приземляясь, можно сломать не только ноги, но и шею, были для него самым обыденным занятием.

Теперь уже был отчетливо виден фронт пожара, который занялся у подножия сопки и медленно полз вверх по склону, одновременно захватывая флангами низинки. Прильнул к иллюминатору бывший десантник Владимир Мамонтов, словно на всю жизнь хотел унести с собой в памяти черное, выгоревшее пятно тайги и живую, страшную ленту огня.

— Управитесь сами? — на всякий случай спросил Курьянов.

— Управимся, — кивнул Артем, прикидывая мощность пожара. — Мы его с флангов зажмем, а на гребне встречный отжиг дадим.

— Годится, — согласился летнаб и тут же спросил: — Как там новичок твой? Отказчика не будет?

— Не должно, — ответил Артем. — Все-таки в десанте служил.

«Отказчиками» они называли тех, кто не мог пересилить себя, чтобы прыгнуть с парашютом в горящую тайгу.

— Ну и ладно, — сказал летнаб и подал Шелихову пристрелочную ленту. Тот открыл дверцу, и в салон тут же ворвался отдающий гарью вихрь. Артем приготовился и, когда Курьянов махнул ему рукой, выбросил в люк разноцветную трехметровую ленту.

Он даже не стал смотреть, попадет ли она в центр площадки, на которую решил сбрасывать парашютистов летнаб. Знал, если не «десятка», то уж «восьмерка» будет точно.

«Аннушка» сделала разворот, и под ними огромной, страшной стеной встал фронт огня. Даже опытные парашютисты-пожарные не любят этот момент, а тут «перворазник»... Артем хотел уж было отвлечь внимание приникшего к иллюминатору Мамонтова, как вдруг прямо под ними длинный язык пламени, добравшийся до кедрового островка, змеей потянулся к темно-зеленой кроне, замер на какой-то точке, и вдруг огонь со страшной силой крутануло красным вихрем, и пошел, пошел гулять огненный смерч, пожирая кедрач.

Все это длилось не больше минуты, пока «аннушка» выравнивала крен.

Шелихов ободряюще подмигнул Мамонтову и начал осмотр приготовившихся к прыжку парней. По очереди зацепил за трос карабины вытяжных веревок, проверил замки основных парашютов. Сделал знак летнабу, что все в порядке, и занял место выпускающего.

Первым прыгнул Сергей Колосков. Он спокойно подошел к открытому люку, попробовал, не елозит ли под ногами резиновый коврик — тоже не последнее дело при прыжках с Ан-2, посмотрел на красную сигнальную лампочку. И потекли только парашютистам известные секунды ожидания, когда внизу зияет пропасть, подсвеченная красными бликами огня, пробивающегося через завесу сизого дыма. Наконец загорелась зеленая лампочка «Внимание!», через несколько секунд красная — «Пошел!», и Колосков исчез в проеме люка.

Курьянов кивнул пилоту, чтобы тот делал новый заход, «аннушка» легла на левый борт, и вновь под ними вздыбилась горящая тайга, проплыла утыканная черными деревьями гарь, ярко блеснула зеркальная гладь реки, и, наконец, Артем увидел на небольшой полянке цветное пятно распластавшегося парашюта и фигурку Колоскова, подбирающего стропы.

Вторым прыгнул Венька, после него приготовился Мамонтов. Артем заметил, как побледнело его лицо, и, прошептав «пошел!», он легонько подтолкнул его к проему.

Парень почти классически отделился от самолета и, мягко выбросив руки, по скользящей наклонной пошел вниз.

«Одна... две... три... четыре, — машинально отсчитывал про себя Артем, стоя в проеме и ухватившись рукой за скобу. — Пять...» — Над маленькой летящей к земле точкой дернулся, наполняясь упругим воздухом, шлейф парашюта, распустился огромным цветком. Артем вздохнул с облегчением: на следующем заходе он сбросит мешок с лагерным имуществом, а потом выпрыгнет и сам.

Это были его секунды, когда в предчувствии парящего падения, которое нельзя сравнить ни с чем в жизни, он стоял в проеме.

Коротко рывкнула сигнальная сирена, и он бросил себя вперед.

...Плавно опускаясь, Артем мог спокойно определить границы пожара. Видимо, тот еще не успел набрать полную силу, когда, словно бомбы, рвутся смолистые деревья, выбрасывая тяжелые снопы огня. Правда, и с этим порядком придется повозиться, заливая водой выгоревшие до основания пни и хвойную подстилку.

До земли оставалось метров сто. Артем потянул правый клевант, его снесло немного в сторону, и секунды за три до приземления он вышел в намеченный им круг. Сгруппировался и, как в тренировочном прыжке, мягко приземлился около Сергея Колоскова, который только руками развел:

— Ну, командир, ты прямо как в цирке...

Пристрельщик Сергей Колосков, который прыгал первым, зачастую не зная ни силы ветра у земли, ни того, чем встретит

при приземлении выбранная летнабом площадка, конечно, шутил, но то, что Артем Шелихов прыгал лучше всех в авиаотделении, знали все. Он был рожден прыгать с парашютом: и на коварную кромку выгоревшего леса, когда приходилось совершать акробатические трюки, и в болотистую топь, где зевать тоже нельзя: накроет куполом — пиши пропало.

Вот таким он был, инструктор комсомольско-молодежной пожарной команды Артем Шелихов, любивший немного прихвастнуть перед «лопушками», и на которого сейчас восхищенно смотрел недавний солдат Владимир Мамонтов.

Увидев распластавшийся на поляне парашют Шелихова, Курьянов включил радиостанцию.

— «Кедр», я — «Воздух». Как меня слышите? Прием.

— «Воздух», слышу нормально, — раздался голос Шелихова.

— Как приземлились? — спросил Курьянов, не меньше Артема переживавший за «перворазника».

— Нормально, — понял его Артем.

— Груз?

— В порядке.

— Справитесь сами? — спросил летнаб.

— Думаю, да.

— Тогда счастливо оставаться, — попрощался летнаб и, кивнув пилоту, чтобы брал курс домой, вложил схему пожара в планшетку.

Долог в дальневосточной тайге летний день. С первыми солнечными лучами начинают кричать сороки, да и утренний комар особо не дает поспать. Вроде и выкуривают его на ночь из дощатого вагончика, а к утру опять полным-полно. Вот и приходится вставать чуть свет, завтракать наскоро и, надев накомарники, брести на дальний участок лесосеки.

Иван Бельды сделал очередную ходку к штабелю неделовой древесины, куда он стаскивал порубочный мусор, остановил трактор. Было начало двенадцатого — как раз время обе-
дать.

Двое рабочих, которые растаскивали завал из подроста, завидев трактор, дружно вонзили топоры в ствол осины.

— Что, бригадир, шаша? — спросил Васька Антоненко и расплылся в радостной улыбке. — А то мы уж тут подумали, не хочешь ли ты в один день всю лесосеку подчистить.

— Будет тебе, балабол, — обрезал парня Семен Рекунов и первым зашагал к коротким прицепным саням.

Жилье — небольшой деревянный вагончик — бригадир поставил на высоком речном обрыве: все-таки ветерком от комаров обдувало, да и вода рядом. И пока они шли к нему, мысли бригадира то и дело возвращались к недавней нахлобучке, которую он получил от директора леспромхоза. С одной стороны — вроде бы и за дело, а ежели копнуть глубже... Разве ж один он, Иван Бельды, виноват в том, что на его деляне осталось столько мусора? Разве он оставил бы лесосеку в таком состоянии, если б его со всей бригадой не отправили на новый участок?

А там ведь надо ставить жилье, мастерить навесы для техники, вот и пришлось всех рабочих забрать отсюда.

Иван посмотрел на шагавших впереди него Антоненко и Рекунова, которых ему выделили для подчистки деляны. Вроде бы внешне и похожи один на другого: в одинаковых робах, в накомарниках с опущенными сетками. А возьми каждого в отдельности — разные люди, хоть и прибыли в леспромхоз с одной группой оргнабора. Васька — наивный, добрый парень. Семен Рекунов — рассудительный сорокалетний мужик, про каких говорят — справный хозяин.

Разморенные, они уже заканчивали обедать, как вдруг Васька задрал вверх голову и показал поверх пихтача.

— Смотри, бригадир... Чего это он кружит?

Бельды, сидевший напротив Антоненко, недоежливо повернулся. Над недалекими сопками заходила на разворот «аннушка». Вот она сделала «коробочку», набирая высоту, от самолета отделилась черная точка и стремительно полетела вниз.

— Тю... парашютист! — выдохнул Антоненко.

А самолет уже делал новый заход, и вскоре из него вывалились еще четыре точки, которые через какие-то секунды распустились куполами.

— Чего это они распрыгались, бригадир? — уставился на Бельды Антоненко. — Учения, может, какие?

— Какие учения, дура... — веско заметил Семен. — Пожар, видно, где-то.

— И чего ж они... прямо в лес? — не отставал Антоненко, впервые видевший парашютистов-пожарных.

— Ну а куда ж еще?

Иван раньше видел, как прыгают в тайгу парашютисты, и еще до того, как от «аннушки» отделилась первая черная точка, понял: где-то поблизости пожар. Пожалуй, в Кедровом урощице, где прошлой зимой охотился его старший брат.

Он засуетился, поставил кружку, сказал громко:

— Тайга горит! Надо помочь ребятам.

— Чем же мы им поможем? — рассудительно спросил Семен, спокойно допивая чай. — В городах пожарные машины с квартирным пожаром порой справиться не могут, а тут... тайга горит.

— Топоры, лопаты есть, — осадил его Иван. — А главное — трактор. Нож нацепим, и вперед.

Когда парашюты и снаряжение оттащили подальше от кромки ушедшего вверх по склону пожара, Артем приказал разбивать лагерь, а сам пошел вдоль пожарища, чтобы более четко наметить план предстоящей работы, определить скорость продвижения огня. Проваливаясь в заполненные водой бочажки, он кромкой бежал пожар, поднялся на гребень сопки. Отсюда хорошо просматривался весь фронт огня и даже на расстоянии чувствовалось его дыхание, слышался гул бушующей коловраты. За годы работы он вроде бы и освоился с огнем, к которому иной раз и подступиться нельзя было, но привыкнуть к тому, что на глазах гибли тысячи деревьев и все живое, что не успело уйти, не мог, и всякий раз с ожесточением тушил боль-

шие и малые очаги, злостью наливаясь к виновнику пожара. Впрочем, здесь могло загореться и от молнии — синоптики сообщали, что в этом районе широким фронтом прошли сухие грозы.

Артем прикинул, как они будут тушить этот пожар. В общем-то, он не представлял ничего сложного. Стояло почти полное безветрие, и огонь полз по склону, заглубляясь в подстилку и успевая одновременно нагреть не охваченные пламенем деревья. Сейчас важно отрезать заросший кедром распадок от фланга пожара, ну а чтобы огонь не перекинулся через гребень сопки, опередить его отсюда встречным отжигом.

А гребень был размашистый, густо заросший пихтой и березовыми островками. Буйные заросли лимонника опутывали деревья, и среди них то тут, то там возносились на тридцатиметровую высоту столообразные кроны дальневосточного кедра, издали похожие на сторожевые башни. Под легким ветром едва покачивались мохнатые ветви с крупными, еще не созревшими шишками.

Артем любил это дерево. С детства, по зимнику, почти каждое воскресенье он уходил с дедом шишкарить. А под одним стариком кедром он как-то установил собственный рекорд: собрал более четырех сотен шишек. Да каких! Их потом даже жалко было сдавать на заготпункт.

Он чуть спустился на другую сторону гребня. Отсюда началась широкая каменистая осыпь. От нее-то и надо будет пускаться к вершине встречный пал. Когда встретятся две стены огня, стараясь задавить друг друга, пожару настанет конец.

В лицо дохнуло смолистым жаром надвигающегося огня. «Лишь бы на верховой не перекинулся», — тревожно подумал Артем и, обойдя буреломные завалы, зашагал по гребню, решив заодно осмотреть и левый, наиболее безопасный фланг пожара.

Если на склонах тайфун поработал «так себе», то здесь, на самой вершине сопки, он наверстал упущенное. Вонзив в землю сломанные сучья, застыли вывороченные с корнем деревья. Но больше всего Артема поразили огромный, подмявший под себя молодую поросль кедр. Дерево было старое, но все еще плодоносило, и теперь по его огромному стволу, звонко цвиркая, бегало несколько белок. Он и сейчас продолжал кормить тяжелое зверье, и кормил бы его и впредь, если бы не этот проклятый пожар.

Артем обошел вывороченный с корневищем кедр, покачал головой, рассматривая наполненную дождевой водой, похожую на огромную рваную воронку яму, которая всего лишь несколько дней назад прятала в себе эти сучковатые корни, как вдруг остановился. Напротив, под высохшими корнями вывороченной ели, лежали останки изюбра. А чуть в стороне бугрилась туша медведя. Трава вокруг была залита кровью, чернели комья выдранной земли. Артем внимательно осмотрел вытоптанную траву, и взгляд его остановился на багровой полосе, уходящей к чорявой березе. Дерево было опутано зарослями лимонника, и поэтому он поначалу не сразу заметил то, отчего, испу-

гавшись, отпрянул: в воздухе непонятно как висел громадный тигр...

И только спустя мгновение Артем понял, что тигр мертв и висит он на коротких веревках, подтянутый за передние лапы к большому суку березы.

— Вот оно, значит, что... — пробормотал Артем и подошел к полосатому зверю. Даже рваные, с запекшейся кровью раны, оставленные когтистыми лапами медведя, не могли изуродовать его красоту.

Шелихов невольно погладил шкуру полосатого красавца. Качнул его, удивленно поцокал языком на манер нанайцев. Весил зверь не меньше центнера, и надо быть сильным и сноровистым мужиком, чтобы так вот, за лапы, подтянуть зверя к сучьям.

— Аккуратный, гад... — неизвестно кого ругнул Артем, невольно оглядываясь. — За шкурой, видно, охотился. Как же он достал тебя? — нашепывал Артем, рассматривая раны. И вдруг почти у основания шейного позвонка увидел пулевое отверстие.

— Вот, значит, как... Сверху стрелял... — определил Артем и стал внимательно осматривать кроны деревьев. В одном месте, чуть в стороне от вывернутого корневища, ему что-то показалось подозрительным. Он подошел ближе, задрал голову. Точно — это была хорошо сделанная на дубу засидка, откуда стреляли в измотанного дракой с медведем тигра.

— Вот гад... — выругался Артем.

Он еще раз осмотрел то место, где был убит тигр, и быстро зашагал к лагерю.

Пока Шелихов обходил пожар, его парни времени зря не теряли. Мамонтов устанавливал палатку, а Сергей с Венькой таскивали в одно место сброшенный Кириллом Курьяновым аммонит. По идее, именно Мамонтов, фамилия которого вполне соответствовала его комплекции, должен был таскать двадцатикилограммовые бухты шланговой взрывчатки, однако Артем моментально оценил тактику парней. И похвалил в душе. Хоть и силен Мамонтов, но может не выдержать — это его первый в жизни пожар. Оттого и давали новичку возможность сэкономить силы на главную работу. Правда, пожар вроде бы нетрудный, суток на двое, не более, но все равно махать топором, растаскивая завалы, а потом, в горячем чаду, заливать водой и затапывать дотлевающие пни и головешки — «для этого нужна сноровка и двужильность», как сказал когда-то их командир Артем Шелихов, подписывая обходной лист огромному, под два метра парню, который «сломался» на четвертом пожаре. А ведь хотел он работать в команде, хотел, да не смог, хотя и был сильнее многих. Не каждый мог выдержать ту дикую нагрузку, когда в иное лето, измотанные на пожарах, парашютисты теряли пятую, а то и четвертую часть своего веса.

— Ну что, командир, задавим пожар? — спросил Колосков, когда Артем вышел на поляну.

— А куда он денется, — ответил Шелихов и тут же добавил: — Зови ребят, Серега. Разговор есть.

Колосков, не первый год прыгавший вместе с Шелиховым, насторожился.

— Случилось чего?

Артем кивнул хмуро.

— Случилось, Серега...

Подошел Венька Рыжий.

— Ну, командир, — затарахтел он, — нельзя нам давать такие передышки. А то... тайфун, тайфун. А я несколько килограммов лишнего веса набрал. Представляешь, как оно на этом пожаре будет?

— Да помолчи ты, балаболка, — осадил Веньку Колосков. Спокойный и уравновешенный, был он на первый взгляд полной противоположностью своему двадцатипятилетнему товарищу. Но за три года совместной работы, когда приходилось прикрывать друг друга от наседающего огня и порой делиться в тайге последней краюхой хлеба, сдружились крепко. И когда в прошлом сезоне Венька, неудачно приземлившись, сломал ногу, именно Сергей после каждого пожара, даже не забежав домой, спешил к нему с таежными подарками. То орехов кедровых, то брусники насобирает, а то, глядишь, и глухарешку притащит.

— Молчу, Серега, молчу, — успокоил Колоскова Рыжий и тут же заорал: — Мамонт, десантник! Ты что ж это, и на учениях столько с палатками возился? Быстро иди сюда, командир зовет.

— Готово, Артем, — подходя, сказал Мамонтов. — Теперь их никакой ветрюга не сорвет.

— Молодец, — съехидничал Венька. — Будешь всегда палатки ставить.

— Кончай базар, — чуть резче обычного оборвал Веньку Шелихов.

— Есть, командир! — блеснул глазами парашютист, однако, почувствовав неладное, быстро спросил: — Случилось чего?

Артем молча кивнул на клубы дыма, сквозь которые прорывались языки огня.

— Наверху кто-то тигра завалил...

И он коротко рассказал о своей находке.

— Вот умельцы пошли!.. — удивился Венька. — Прямо как в кине.

— Помолчи, — коротко бросил Сергей и повернулся к Шелихову: — Ну и что ты предлагаешь?

Артем пожал плечами.

— Я, конечно, и сам грешен, но чтобы тигра... Охотники на это не пойдут. Значит, пришедший. Так что неплохо бы улики все оставить.

— Ну а конкретно, что ты предлагаешь? — начиная заводить себя, напирал Колосков.

Шелихов покосился на пристрельщика, и лицо его стало жестким.

— Однако, ты глухой стал, Серега. Или мозги после тайфуна разжижились. Так что, мужики, давайте решать. Вам последнее слово. Если мы сейчас пожар с флангов зажмем и, как положено, погоним его вверх, встретив отжигом от каменной осыпи, у нас на это уйдет не больше двух суток.

— Да, но он же тогда и тот скрадок, откуда в тигра стреляли, сожрет, — вскинулся Венька.

— Точно, — согласился Артем. — Но есть еще один вариант.

Он замолчал, долго, с прищуром смотрел на клубящиеся столбы дыма, потом перевел взгляд на широченный, протянувшийся на много километров распадок.

— Есть и другой вариант, мужики, — тихо повторил он. — Чуть выше фронта огня по сопке небольшой ручей сочится, и берега березняком поросли. Так вот вдоль него надо срочно прокладывать опорную полосу, пускать встречный отжиг, а потом уже отрезать фланг пожара от распадка.

Какое-то время все молчали, оценивая предложение Шелихова.

Наконец Венька произнес:

— Дело говоришь, командир. Однако повозиться придется.

— А если упустим пожар в распадок? — спросил Колосков. — Его ж там своими силами не остановить. Ты подумал об этом?

— Подумал.

— Ну и что?

— А то, что упустить мы его в распадок не должны. Так что решайте, мужики.

— Тогда мы за, — сказал Венька, покосившись на Колоскова,

— Только смотри, командир, — вздохнул он, — упустим пожар... Тебя за это по головке не погладят. И замыслы наши благородные насчет браконьера никто во внимание не возьмет.

— Знаю.

— А что, если снять тигра с дерева и перетащить в безопасное место? — неожиданно подал голос Мамонтов.

— Молодец! — восхитился Венька. — Только понимаешь, десантник ты мой дорогой, браконьера надо брать с поличным! Огонь, пущенный вверх, сожрет и скрадок того гада, откуда он стрелял. Понял? Ну ладно, объясняю подробно... Наш славный участковый, храни господь его пистолет, возьмет браконьера. А Лаптев его обязательно возьмет. Но он не сможет доказать, что это убийство было умышленным актом, — перешел на казенный язык Венька, имевший прошедшей весной малоприятную для него беседу в милиции «по поводу набития двух лиц, которые были в нетрезвом состоянии». — И понимаешь, Мамонт, почему он этого не сможет доказать? — посерьезнел Венька. — Да потому, что тот будет твердить, что тигр, мол, бросился на него, вот он и выстрелил с испугу. То есть защищался. И все. А наши славные показания о скрадке, веревках, которые мы, мол, сами ему на лапы намотали, можно будет отнести в одно место.

Артем, рассчитав скорость продвижения головы пожара, вместе с парнями прокладывал опорную линию, подстраховав ее небольшим ручьем, который наискось сбегал по склону. Надо было торопиться, и он, хватая ртом горячий воздух, методично валил деревья.

Наваливаясь на раму бензомоторной пилы «Дружба», он изредка оборачивался, наблюдая, как работает Мамонтов. Хоть и

крепок парень, но может не выдержать. Этого-то и боялся Шелихов — уж больно Мамонтов пришелся по душе. А бывший десантник старался изо всех сил. Вместе с жилистым и хватким Венькой он врубался топором в непроходимый кустарник, сбрасывал ветки в сторону пожара, расчищал буреломные завалы, любой из которых мог оказаться мостиком для огня. Чуть в стороне раскладывал бухты шланговой взрывчатки Сергей Колосков.

Каждый делал свое дело молча и сноровисто, и даже Венька приутих, также изредка посматривая на Мамонтова.

Артем подумал о том, что наконец-то и у них ввели шланговую взрывчатку — знай себе раскладывай ее по земле, а раньше... Лопатами и ломиками рыли полуметровые ямки под будущую полосу, заряжали их аммонитом, отводили бикфордовы шнуры... В общем, мороки было много.

Одним касанием срезав березку, Артем перехватил поудобнее «Дружбу», подошел к огромному, в три обхвата, кедр. Можно было бы, конечно, и оставить его на внешней стороне, но уж очень велика была опасность. Сухой от горячего воздуха, со смолистыми потеками, он широко раскинул темно-зеленые ветви, на которых висели большие шишки. Хорошо просохшая крона могла вспыхнуть, когда подойдет фронт огня, и они дадут встречный отжиг.

— Прости, старик, — словно живому существу, сказал Артем, обошел кедр, прикидывая, куда он должен упасть, навалился на раму пилы заставляя полотно вгрызаться в неподатливое дерево. Сделав надпил, он обошел кедр с другой стороны, и опять завизжала остро заточенная цепь, выбрасывая из-под себя струю опилок. Вроде бы и нехитрое это дело — расчистить полосу от деревьев, знай себе вали направо и налево, да это только так кажется. Дерево должно упасть в сторону надвигающегося пожара. Опорная полоса потому и называется опорной, что за ней должно быть практически чистое место.

Увидев, что Артем замешкался, Венька подхватил специально вырубленную лесину-вагу, подбежал к нему, уперся ею в ствол. По тому, как легче пошла цепь, Артем понял, что кедр поддался, наконец что-то хрустнуло в его сердцевине, он быстро вытащил полотно из надреза и, помогая Веньке, схватил другую вагу.

Дерево вдруг поддалось, раздался тягучий треск, Шелихов с Венькой отскочили в сторону, в этот момент, ломая зеленый подрост, кедр рухнул.

— Еще года три попрыгаю и в лесники пойду, — глухо обронил Венька, и Артем не узнал его голоса. — Ну, что смотришь? Я потому и в парашютисты подался, что лес больше всего на свете люблю.

— Да я ничего, — устало улыбнулся Артем. — Я, может, к тому времени лесотехнический кончу. Вместе работать будем.

— Не-е, — миролюбиво протянул Венька. — Ты летнабом будешь. Это твое призвание, командир. А я в лесники пойду. Деревья сажать стану. А как кого в тайге с непогашенным костерком застукаю, так сразу...

Венька не договорил, но и так было ясно, что хлопот местному участковому инспектору Лаптеву прибавится.

Теперь Артем все чаще и чаще посматривал на Мамонтова, который, похоже, работал из последних сил. Было видно, как он то и дело смахивает заливающий глаза пот. Несколько раз промахнулся топором по тонкому стволу березки и в какой-то момент бессильно опустил руки, хватая открытым ртом горячий воздух.

«Как бы не сломался», — озабоченно подумал Артем и, залив «Дружкой» очередное дерево, подошел к парню, на ходу придумывая, куда бы его поставить, чтобы дать хоть небольшую передышку.

— Слушай, Володька, ты со взрывчаткой дело имел? — спросил он.

— Само собой, — отозвался тот, вытирая грязным рукавом когда-то зеленой энцефалитки лоснящееся от пота лицо.

— Тогда так. Ступай к Колоскову. Поможешь ему взрывчатку растаскивать.

Он уж было пошел обратно, как вдруг его остановил голос Мамонтова:

— Командир...

— Ну?

— Командир, — повторил бывший десантник. — Спасибо тебе, конечно... Но я хочу в твоей группе работать. И понимаешь... Не надо меня слабаком выставлять.

Артем внимательно посмотрел на тяжело дышащего парня, отвел глаза и зашагал к провонявшей смолистыми опилками и бензином «Дружке».

Часа в три пополудни, когда уж и солнца не стало видно от навалившегося дыма, Колосков сделал последнюю отпалку. Громыхнул взрыв, и над тайгой взметнулся развалистый сноп земли, перемешанный с рванными корневищами и обломанным кустарником. Артем и Венька, взяв по сигнальной свече, разбежались по выбитой до минерализованного слоя полосе, чтобы с двух сторон одновременно дать встречный отжиг. Когда огонь распластался по всей линии, начиная схватывать заваленные деревья и постепенно набирать силу, Шелихов перевел парней на окарауливание — не дай бог какая головешка перекинется за полосу. А еще через час они всей командой побрели к разбитому у подножия сопки лагерю.

От усталости подкашивались ноги, бил кашель от вьезшегося в легкие дыма, да и руки стали словно ватные. И только Венька, как будто все это время не махал топором, не растаскивал завалы, подначивал Артема:

— А чего это ты, командир, вроде как с лица спал? Че? Не слышу... А-а, — продолжал он, — устал, значит. Это ж надо, — вскидывал он руки к Артему, — с таким загревком и устал. Не-е, тут что-то не то. Вон Серега не устал. Ишь, какой вид цветущий, будто только что с баньки выполз и в гости к будущей теще намылился. А вывод? — спрашивал он и тут же отвечал: — Серега-то неженатый... Так что, смотри, Мамонт, не женись и с девками не гуляй, а то всю свою силушку порастеряешь.

— Во балабол! — удивился Колосков. — Как с ним Ашютка жить будет?

Наконец добрались до лагеря, и Венька споро развел небольшой костер, над которым приспособил треногу. Пока Артем с Мамонтовым стаскивали сапоги и развешивали на колышки портянки, Колосков успел открыть три банки тушенки, бросил в ведро с водой пшено, соль, пару больших луковиц и уже прилаживал над огнем огромный прокопченный чайник, который умельцы из поселка сварили специально по его заказу.

Артем подошел к Мамонтову. За те годы, что приходилось тушить таежные пожары, ему доводилось видеть всяких новичков, и поэтому он по достоинству оценил бывшего солдата.

— Ну-ка покажи руки, — взял он его за кисть, внимательно осмотрел широкую ладонь. Что и говорить, натер ее парень лихо. — Почему без рукавиц работал?

Мамонтов неожиданно покраснел, выдернул кисть из хваткой ладони Шелихова, пробормотал виновато:

— Да... не думал я, командир, что может так выйти. — Может, не надо? — замылся парень. — Обойдется... А то, сам понимаешь, ребята смеяться будут.

— Ну ты даешь! — уставился на него Артем. — Смеяться... Да ты спроси у них, кто попервоначалу руки в кровь не стирал?

Когда пообедали пшенной кашей с заправленной в нее тушенкой и запили горячим, отдающим дымком костра чаем, со стороны распадка послышался нарастающий звук. Поначалу подумали, будто вертолет летит. Спустя какое-то время рокот приблизился, и на взгорке появился заляпанный грязью трактор. С ревом подминяя низкорослый кустарник и высвечивая на солнце блестящими гусеницами, он шел прямо к лагерю.

— О! — первым опомнился Колосков. — Курьянов вроде бы подмогу нам прислал.

— Бог ты мой! — подхватил Венька. — А тракторишка-то леспромхозовский.

— С чего это ты взял? — удивился Мамонтов. — Может, из лесхоза?

— Вот что значит салажонок, — укоризненно покачал головой Венька. — Смотри и запоминай. Вишь, машина будто из танкового побоища вышла: стекол нет, капот покорежен, да и вообще ее только в музей вторсырья выставлять — это значит леспромхозовская. Причем сезона три на лесоповале проработала. А теперь ее, видно, на подчистку делянок бросили.

ДТ-74, действительно похожий на только что вышедшую из боя машину, взревел последний раз, чихнул и остановился недалеко от лагеря. С него спрыгнули на землю двое рабочих в одинаковых черных хлопчатобумажных робах. Последним из кабины вылез тракторист и направился к костру.

— Иван? — удивился Колосков, живший по соседству с Бельды. — Откуда?

— От верблюда, — огрызнулся шагавший рядом с бригадиром Семен Рекунов. — Теперь-то уж точно в этом месяце ничего не получим. Вместо того чтобы план гнать, из-за вас заставили деляны чистить. Так мало этого, помогай еще тут вам.

Артем пропустил эти слова мимо ушей, и только Венька взвился:

— Ишь ты... «Помогай тут вам...» Будто ты мои подштанники приехал из огня вытаскивать.

— А что, нет, что ль? — зыкнул на Веньку глазами Семен. — Вам за это деньги платят, а нам — за кубики, которые, между прочим, комлем, а не вершинкой вниз растут.

— Ах ты! Не знаю, как тебя зовут, — скривился, словно от зубной боли, Венька. — Мне, конечно, в отличие от тебя, огромные деньги платят. Семнадцать рублей пятьдесят копеек за прыжок в тайгу и четыре рубля командировочных. Деньги платят... — передразнил он рабочего, зло сплюнул и, подхватив ведро, пошел за водой.

— Кончай, Венька, — скорее для порядка сказал вслед Артем и шагнул к Бельды. — Здорово, Иван. Курьянов прислал?

— Да нет, сами прибыли, — стиснув жесткую ладонь Шелихова, ответил бригадир.

— Спасибо, — благодарно толкнул его в плечо Артем и повернулся к рабочим: — Давай, мужики, перекусите и за работу. Вам придется минполосу по склону вести.

— Кого? — услышав незнакомое слово, в удивлении открыл рот Антоненко.

— Минерализованную полосу, деревня, — ответил Колосков и невольно засмеялся. — Не обижайся, это у меня поговорка такая — деревня. А минполоса — это такая широкая просека со снятым дерном. Понимаешь? Чтобы огонь через нее не смог перепрыгнуть.

— Ага, — понятиливо кивнул парень.

С ведром воды в руках появился Венька. Он хмуро покосился на примостившегося у бревна Семена, долил чайник, подправил начавший было затухать костерок. Венька был истинным дальневосточником, у которого первая заповедь — накорми гостя своего.

Шелихов повернулся к Бельды:

— Твои обедали?

— Успели.

— Тогда пускай чайком побалуются, а тебе фронт работы намечу.

Сейчас, когда на лязгающем, изношенном тракторе прикатил Иван Бельды с рабочими, у Артема даже сомнения не осталось, что они не дадут огню слизать вершину сопки.

Иван, с детства привыкший бесшумно ходить по тайге, когда он помогал охотиться старшему брату, легко шел спорым шагом тренированного человека. Артем, хоть и устал, наворочавшись с «Дружбой», однако старался не отстать, попутно объясняя, где надо будет прокладывать опорную полосу для отжига.

Бельды кивал согласно, делал ножом зарубки на деревьях.

— Погодь, Иван, — неожиданно остановил его Артем. — Извини, не хотел тебе говорить, но здесь такое дело...

— Чего ж сразу не сказал? — спросил Бельды, когда Артем рассказал, как он наткнулся на убитого тигра.

— Сам понимаешь, дело непростое. Особо трепать языком нечего. Когда пожар задавим, участковый с охотоведами разберутся, что к чему.

Бельды кивнул угрюмо.

— Тут недалеко зимовье Николая Одзяла. Уж, поди, он лет десять охотится в этом урочище. Места богатые: соболь, белка, колонок, на лису капканы ставит. Из года в год план по соболу дает. А этой зимой у него на участке тигр появился. Так, веришь — нет, Одзял ему как брату родному обрадовался. Друг дружку не трогали — уважали.

Пока разговаривали, незаметно поднялись на гребень, и Артем подвел Бельды к вывороченному корневищу, где первым нашел свою смерть изюбр.

Иван удивленно поцокал языком, подошел к медведю, наклонился над ним, сказал как живому:

— Мапа... Глупый.

Артем невольно кивнул головой в согласии: мапа-медведь действительно был глупышом, если сунулся на тигриную добычу. Артем слышал, будто медведь с тигром враждуют, но чтобы вот так...

— А что, часто они дерутся друг с дружкой? — кивнул он на медвежью тушу.

— Не знаю. Я впервые вижу. А вообще-то легенда одна есть. Старая-престарая. Будто давным-давно Север напал на Юг и начал теснить его. И уж совсем было захватил Приамурье. Землю на много метров в глубину проморозил, реки наледями покрыл. А мороза такого напустил, что деревья по ночам лопались, птицы на лету замерзали. С тех самых пор и появились у нас разные северные звери.

Однако пришел Юг, жарким своим дыханием растопил снега и льды, обвил виноградником и лимонником деревья. Многомного дней на землю падали теплые ливни, отогрели промерзшую землю, и от этого зазеленели леса, прилетели теплолюбивые птицы и бабочки. Тепло стало. А тут вдруг снова вернулся Север, принес с собой зиму страшную и говорит Югу: «Уходи с Амура, мои здесь владения». А Юг ему отвечает: «Нет, это моя земля, не уйду я отсюда. А чтобы тебе неповадно ходить было, охранять ее будет тигр. Царь всех зверей. А вдобавок ко всему, чтобы тебе, Север, не на чем ездить было, он съест всех твоих северных оленей».

Вот тут-то и позвал Север себе на помощь большого бурого медведя. Встретились на открытой поляне медведь с тигром, начали драться, да так, что смертью запахло вокруг. Ловок тигр, зато мапа силен да вынослив. Все его удары отбивает лапами и сам корежит его. То один на другого насаждает, то наоборот. В общем, как старики рассказывали, долго, очень долго дрались они, однако так никто никого и не смог победить. Вот с тех пор недружно, очень недружно живут тигр с медведем на Амуре.

Бельды замолчал, повернулся к разлапистой, с уходящими в сторону большими сучьями березе, на которой безжизненно висела туша полосатого зверя.

— Однако хватит сказки рассказывать. Пойдем посмотрим.

Они остановились у дерева, Иван тронул тигра рукой, нахмурился. Разбиравшийся в таежных следах гораздо лучше Шели-

хова, он неторопливо обошел истоптанный пятак, посмотрел на огромный дуб, в кроне которого был сделан скрадок, сказал удовлетворенно:

— Тот, кто стрелял, много следов оставил. Если милиционер не найдет его, охотники помогут.

Артем, все это время внимательно наблюдавший за нанайцем, кивнул:

— Именно на это я и рассчитывал.

Бельды все так же неторопливо вытащил самодельный нож, раздвинул густую, спекшуюся от крови шерсть. Сделав надрез, выковырял застрявшую в позвонке пулю. Аккуратно обтер ее о брюки, хотел было положить в карман, как вдруг лицо его напряглось, он внимательно осмотрел кусочек свинца, перевел взгляд на стоявшего рядом Шелихова.

— Однако... моя пулька-то.

— Чего? — не понял Артем.

— Пулька, говорю, моя. Из моего карабина. Ну, знаешь, ТОЗ-17. Пятизарядный.

— А у кого из охотников такого нет? — удивился Артем.

— Да, у всех есть, — заволновался Бельды, продолжая внимательно рассматривать деформированный кусочек свинца. — Но пулька — моя. Больше таких в поселке ни у кого нет. Мне сто штук брат из Москвы привез. Видишь, это экспансивная пулька. Сердечник свинцовый, а оболочка, стальная. Когда такая пулька ударяется во что-нибудь, свинец идет дальше, а оболочка разлетается. Понимаешь?

— Понимаю... — протянул Артем. — Постой, а как же она могла здесь оказаться? В этом... в тигре?

— Не знаю, — все так же растерянно произнес Иван. — Я карабин свой на участок взял и лодчонку резиновую прихватил. Сам понимаешь, консервы надоедают, а тут река под боком. Вот и ставили иной раз сеточку чуть выше по течению. По очереди ходили. А куда в тайгу без карабина? Вот и брали его с собой.

— Та-ак, значит, это кого-то из твоих мужиков дело?

Бельды кивнул виновато.

— И кто же это может быть? — вскинул на бригадира лесорубов опаленные брови Артем, и скуластое лицо его напряглось в ожидании.

— Кто?.. — переспросил Бельды. Он долго молчал, морща лоб, над которым, словно у мальчишки, торчали жесткие черные волосы, наконец, проговорил медленно: — Васька не мог. Я за него ручаюсь. Семен Рекунов?.. Не знаю. Правда, у нас еще двое на деляне были. Так я их вчера в поселок отправил — здесь работы на день-два осталось.

— Ну что ж, — хмуро произнес Артем. — Об этом деле своим ни слова.

Когда они спустились в лагерь, к Бельды тут же подошел Антоненко и дрожащим от волнения голосом спросил:

— Слухай, Иван, а шо, это правда парни сказывают, будто наверху тигра да медведяку убитых нашли?

Услышав это, Артем чуть не споткнулся о валежину, но тут же, опережая Ивана, сказал как можно бодрее:

— Правда, парень. Видно, браконьерिशко какой-то объявился.

— Ну и як же теперь? — не отставал Антоненко.

— Як же... Очень просто. Завтра летнаб наш контрольный облет будет делать, свяжемся с ним по рации, а там пускай милиция разбирается.

— Думаешь, найдут?

— А куда ж он денется! — со злостью ответил Артем.

Густо зачадив солярой, трактор Ивана Бельды тронулся с места и, медленно объезжая завалы и крупные деревья, пополз в обход пожарища. Ему надо было до темноты пробить хоть часть просеки по флангу, чтобы не пустить пожар в распадок.

Семен Рекунов и Антоненко остались с командой Шелихова, чтобы с вечера приняться за самую нудную и противную работу на добываемом пожаре. К обгоревшей кромке надо будет подтаскивать воду и заливать выгоревшие пни, валежины — все те места, где осталась хоть одна искра. В хлюпающих водой сапогах, в мокрых, провонявших гарью комбинезонах вместе с парашютистами придется лезть руками в выгоревшие пни, потрошить их до основания и, только убедившись, что очаг залит полностью, идти дальше.

Когда Артем попросил Бельды выделить для этой работы человека, первым отозвался Рекунов:

— Давай, что ли, я останусь, Иван. Дело знакомое. А в парники вон того щегла возьму, — кивнул он в сторону Антоненко.

— А что... приходилось тушить? — спросил Артем, внимательно рассматривая уже немолодого мужика.

— Не приходилось бы, не вызвался, — повернулся к Шелихову Рекунов. — Поди, уж лет пятнадцать, как древесинку нагора выдаю.

Шелихов, которого и Артемом-то называли в честь города Артема, где долбил когда-то уголек его отец, удивленно вскинул глаза, спросил, не удержавшись:

— На шахте раньше работал?

— На ней, — хмуро ответил Рекунов.

— И чего ж ушел?

— Ты, парень, прямо как отдел кадров, — недовольно шевельнул широкими плечами Семен. — Грустно, понимаешь ли, мне там стало. Солнца нету. Вот и подался в тайгу.

— Да ты не обижайся, — улыбнулся Шелихов. — Просто у меня отец когда-то на шахте работал — до сих пор забой вспоминает.

— Каждому свое, — пробурчал Рекунов и вскинул голову: — Ну так что, Иван, с тобой идти или здесь оставаться?

— Здесь, здесь, — обрадовался бригадир и повернулся к Антоненко, который всем своим видом давал понять, что хоть сию минуту готов приняться за любое дело. — Васька, ты тоже отдыхай с Семеном, а вечером ребятам помогать будешь.

Когда трактор Бельды скрылся в таежной зелени, Артем устал пошел к палатке — надо было хоть немного отдохнуть.

Чтобы не разбудить Колоскова с Мамонтовым, он неслышно проскользнул в свою палатку и почти без сил опустился на спальный мешок.

— Артем, — неожиданно раздался шепот Колоскова, — не спишь?

— Сплю.

— Да ладно тебе, — миролюбиво сказал Серега и, покосившись на всхрапывающего Мамонтова, произнес: — Посоветоваться с тобой хотел.

— О чем? — хмуро спросил Артем, зная, что от Колоскова так просто не отвертишься.

— Жениться хочу... На Наташке Пономаревой.

— Это что, из поссовета?

— Ну да.

— Нашел время для разговоров, — пробурчал Артем. — Конечно, женись. Можешь считать, я тебя благословляю.

— Ты-то благословляешь, — глухо сказал Серега, — а вот мамаша ее ни в какую. На порог меня не пускает.

— А Наташка что? — повернул голову Артем.

— Чего Наташка?... Говорит, что любит.

— Так женись. Куда она, теща твоя, денется?

— Легко сказать — женись... А жить-то где? Сам знаешь, мы с матерью да с братьями едва в нашей халупе размещаемся.

— М-да, — в раздумье протянул Артем. Жилищный вопрос у парашютистов самый больной. Вроде бы и нужен ты всем, но, если своего дома в поселке не имеешь, квартиру не получишь...

— Так ты тогда это... давай на первое время ко мне перебирайся, — неожиданно принял решение Артем. — Наташка твоя девка что надо, с Татьяной моей быстро общий язык найдут.

— Не шутишь? — гораздо веселее спросил Колосков.

— Переезжай, места всем хватит. У меня и свадьбу справим.

Колосков молчал, обдумывая предложение своего командира. Оно, конечно, у Артема пожить бы какое-то время неплохо. А что в поселке скажут? Да и сама Наташка как на это посмотрит? Все-таки, что ни говори, теща среди людей ославится — это ж надо же, единственная дочка с мужем непьющим к людям чужим жить ушла!

Молчал, думая о своем, и Артем Шелихов. У него тоже несколько раз чуть ли не до развода доходило, пока Татьяна не поняла, что мужа не сломать и со службы своей он не уйдет. А окончательно поверила в его дело, когда однажды вечером возвращалась с работы и из соседнего дома вдруг высунулась соседка и радостно затараторила:

— Татьяна, слышь... Слышь, говорю. Сегодня в обед про твоего Артема по радио рассказывали.

— Будет врать-то, — отмахнулась от нее Татьяна.

— Ты у людей спроси, — возмутилась та. — Говорю тебе — герой он, может, даже медаль дадут...

С этими мыслями он и заснул, забывшись коротким сном. Разбудил его Венька, спавший в другой палатке. Он долго щекотал хворостинкой голые ступни, торчавшие из-под полога, но, когда это не помогло, заорал, копируя летнаба Курьянова:

— Сход на дым!

Артем ошалело закрутил головой, пытаясь проснуться, и когда понял, что они вовсе не в салоне «аннушки», а в палатке, и ждет их не прыжок на лес, а добивка пожара по верхней кромке, устало приподнялся, посмотрел на зашевелившихся парней.

Всю ночь парашютисты добивали остатки пожара, заливая водой тлевшие валежины, растаскивая завалы, где мог бы спрятаться небольшой очажок, готовый перекинуться на оплывшие смоляными каррами деревья. Когда уж солнце поднялось над сопкой, Артем дал «отбой», и они, голодные, с красными, слезящимися глазами, спустились к лагерю. Усталость пересилила голод, и парни молча побрели к палаткам, мечтая об одном: как можно быстрее сбросить набрякшие от воды сапоги и вытянуться на спальных мешках.

Около костра, над которым висел чайник, Артем увидел поднявшегося навстречу бригадира лесорубов и Ваську Антоненко. Второго рабочего с ними не было, и Шелихов здраво рассудил, что тот, поди, уже спать завалился. Однако по встревоженному лицу нанайца понял, что здесь что-то случилось, и невольно ускорил шаг.

— Ну? — спросил он, подходя.

— Рекунов... Семен пропал, — выдавил из себя Иван.

— К-как пропал?.. — заикаясь, спросил Шелихов. — Он же на фланге был! Там же выгорело все к чертовой матери! — почти выкрикнул он, глядя на Бельды и переминающегося с ноги на ногу Антоненко. — Огонь же не мог перекинуться через него!

Почувствовав недоброе, подошли парашютисты. Кто-то сказал:

— Пропал... А как же этот остался жив?

— Да не погиб он, нет, — быстро заговорил Бельды. — Понимаете, сбежал он.

Какое-то время все молчали, потом посерьезневший было Венька протянул с ехидцей:

— Так бы и говорил. А то пропал...

— Значит, нервишки не выдержали, — констатировал Артем. — И выходит, он того тигра...

— Выходит, так, — понуро ответил Бельды.

— Как это могло случиться? Ты же вместе с ним на кромке был, — с неприянью в голосе спросил Шелихов, повернувшись к Антоненко.

— Н-не знаю, — робко произнес тот. — Мы с ним под вечер на пожар пошли. Он показал, как брызгалкой вашей пользоваться, куда за водой ближе бегать, и поставил меня на горе той чуток выше себя. Сказал, чтобы я так в горку и шел потихонечку, угли затушивал. Ну, когда светло еще было, я его несколько раз видел, а потом темно стало, и я уж толечко пеньки заливал. Несколько раз прокричал ему, а вин молчок. Ну, думаю, не слышит. А потом, когда рассвело, я сюды пришел. Увидел бригадира и говорю: «Шо, мол, Семен еще не приходил?» А он — нет, говорит. Ну, я подумал, шо вин на пожаре еще, и хотел

было спать ложиться, а тут глядь, в кустах брызгалка его валяется...

Парашютисты молча слушали сбивчивый рассказ, и, когда Антоненко закончил, Венька сказал зло:

— Значится, прав командир наш — вербованный тигра санданул.

Бельды, наблюдавший за реакцией парашютистов, повернулся к Шелихову.

— Артем, у вас ружье с собой было?

— Ну, — кивнул Шелихов и неизвестно для чего добавил: — Сам же видел — у палатки лежало. — Он говорил эти слова и чувствовал, что никакого ружья больше нет.

Бельды отвел глаза в сторону.

— Я-то видел, однако...

— Лихо, — процедил сквозь зубы Венька и бросился сначала к одной палатке, потом ко второй.

Когда он вернулся к костру и молча развел руками, Колосков сказал:

— Выходит, этот самый Рекунов ночью, втихую, вернулся сюда, забрал ружье и сбежал?

Шелихов молчал, лихорадочно соображая, зачем Рекунову понадобилась двустволка. Ведь тот же Иван Бельды мог спроситься и спросить, что он делает в лагере, когда должен быть на кромке пожара. Получается, для отвода глаз и ранцевый опрыскиватель с собой прихватил — если что, так сказать можно, сломался, мол.

Вывод напрашивался сам собой. В поселок Рекунов не пойдет, понимая, что они успеют сообщить о его бегстве. Скорее по реке уходить будет в другое, более надежное место, чтобы оттуда уже скрыться из этих краев.

— Делишки... — Артем повернулся к бригадиру лесорубов. — Как думаешь, куда он может сейчас двинуть?

— Однако, к нам на делянку.

— Зачем? — удивился Артем.

— А документы его там, в куртке.

— Интересно, — удивился молчавший Мамонтов. — А как же он ночью мог туда пройти?

— Проще простого, — махнул рукой Артем. — Шагай по тракторному следу, не ошибешься. — И снова обратился к Бельды:

— Ты этого Рекунова хорошо знаешь?

— Откуда? — отмахнулся Иван. — Его же мне на время дали. А вообще-то мужик расторопный, смекалистый. Хоть на «Дружбе» работать, хоть на тракторе.

— Во-во, — добавил Венька. — Хоть тигра завалить, хоть... Он неожиданно запнулся, хмуро посмотрел на Шелихова. — А ведь такой Рекунов, командир, ни перед чем не остановится. И как бы наша двустволка с Ивановым карабином нам боком не вылезли.

— Ты что, хочешь сказать...

— Именно это и хочу. Знавал я таких умельцев, ему что сабаку пристрелить, что человека жизни лишить. Набрал ты себе, Иван, работников!..

— Ну, это ты зря, однако, насчет всех-то, — хмуро ответил Бельды. — Васька вон не такой.

— Сегодня, может, Курьянов прилетит, — сказал Колосков. — Сообщим ему, а он по рации в поселок. Враз возьмут.

— А если не прилетит? — возразил Артем. — Или прилетит к вечеру, при втором облете? За это время Рекунов сумеет настолько в тайгу углубиться, что его потом черта с два найдешь. Отсидится, а потом любой посудиною уйдет по Амуру в Хабаровск или Комсомольск. Ищи-свищи его после этого.

— Что ж, прямо-таки и не найдут?

— А кто его искать будет, Серега? — возразил Венька. — Убийств и хищений он не совершал.

— А тигр? — спросил Мамонтов.

— А, — отмахнулся Венька. — Да и не доказано это.

— Получается, безнаказанным уйдет, — произнес бывший десантник.

— Получается, так, — в тон ему сказал Сергей. — Если по пути еще чего-нибудь не натворит. Рекунов этот — мужик, видно, решительный, ружья так просто не крадут.

— Это уж точно, — хмуро согласился Артем. — А пока он чего-нибудь не натворил, брать его надо. Думаю, он еще не дошел до лесосеки. По тракторному следу не очень-то прыгаешься. И если мы сейчас с Венькой сплавимся по реке, то сможем опередить его. Серега, — повернулся он к Колоскову, — остаешься здесь за старшего. Давай-ка, мужики, лодку срочно качайте.

Он уже было собрался уходить, как вдруг его тронул Бельды.

— Артем, а если Семенка уже на деляне и теперь в тайгу уходит? А я каждый куст в тех местах знаю. Так что мне надо идти.

— И мне, — неожиданно сказал Мамонтов.

— Это почему же тебе? — вскинулся Венька.

— А потому, Рыжий, — ответил Мамонтов, — что меня этому делу два года в армии учили.

Венька молча проглотил пилюлю, а Колосков дружески толкнул приятеля в плечо:

— Не дуйся, Вениамин. Прав Мамонт.

Вынужден был согласиться с предложением Бельды и Шелихов, хотя не представлял, как этот худощавый, невысокого роста нанаец, пусть даже с Мамонтовым, сможет взять вооруженного браконьера.

Давно уже Мамонтов не испытывал такого наслаждения, как сейчас. Даже ночная усталость прошла незаметно, когда он, загребая ладонями воду, несколько раз плеснул себе в лицо и на голову, смочил вихрастые волосы.

Когда-то, еще до армии, они с девочками ходили в городской парк и, заплатив тридцать копеек, катались на лодках. Эту же «резинку», как назвал ее Венька, даже лодкой нельзя было назвать. С тонким прорезиненным днищем, под которым стелилась вода, с надувными бортами, — казалось, ткни, и прорвется — она выглядела столь ненадежной, что Мамонтов даже боял-

ся сделать лишнее движение. Однако она свободно держала и его, и Бельды, а главное — была послушна любому движению небольших весел, которыми ловко подгрребал в особо опасных прижимах Иван.

А пологие берега то сменялись каменистыми отрогами, которые подступали к воде сплошной стеной, зажимая в иных местах речку настолько, что казалось, они непременно врежутся в какой-нибудь прижим, то отступали, и река разливалась вширь, умиряя свое течение, и можно было видеть намытые водой плесы, склоны небольших сопок, заросших пихтой, лиственницей, белоствольной березой, а то и небольшим кедровником.

Несколько раз из-под обрывов срывались небольшие стайки чирков. Мамонтов проводил одну из них взглядом, вздохнул:

— Ружьишко бы сюда!

— Зачем? — удивился Бельды.

— Уток-то сколько, — показал Мамонтов на заросший откос, из-под которого стремительно поднялся на крыло утиный выводок.

— Рано еще, — односложно ответил Бельды. — Утка жир не нагуляла, да и утят не подросли еще.

Бывший десантник недоуменно посмотрел на Ивана.

— Это что же — на реке живи, а пару уток убить не моги?

— Почему ж не моги, — откликнулся Бельды, выводя лодку из стремнины. — Чего ж селезня не убить? Можно и убить. А вот утку нельзя еще, погодить надо.

Мамонтов хмыкнул:

— А я, честно говоря, думал, что здесь охотятся в любое время.

— Многие так думают, — уклончиво ответил нанаец. — А кое-кто и браконьерствует в открытую. Вот и поубавилось рыбы в реке да зверя в тайге.

— Уж это ты, поди, загнул. Эвон махина какая. С самолета глазом не окинешь. А ты... поубавилось.

— А людей сколько понаехало, — в тон ему ответил Иван. — И почти у каждого ружье. Да и леспромхозы не сбрасывай со счетов. Вот и уходит зверь с насиженных мест.

Он замолчал, ловко заработал веслами, стараясь поближе держаться к берегу, под прикрытием подступившего к воде кустарника. Бывший десантник понял эту маленькую хитрость: если Рекунов еще не дошел до лесосеки и идет вдоль берега, то ему их легче заметить на середине реки.

Какое-то время плыли молча, и только хмурое лицо Бельды выдавало настроение нанайца. Мамонтов не стал тормозить его расспросами, однако тот неожиданно заговорил сам:

— Видишь рыбины? — спросил он, кивнув на берег, где валялось несколько тушек кеты.

— Ну?..

— Небось, думаешь, отнерестившаяся?

— Наверно, — недоуменно пожал плечами недавний солдат, которого, откровенно говоря, меньше всего заботил этот вопрос.

— Вот-вот, многие так думают. А я тут поднял одну такую рыбину, а у ней в жабрах мелкий-мелкий белый песок. Она даже икру не успела отметать — погибла.

— Из-за песка?! — не поверил Мамонтов.

— Из-за него, — хмуро ответил бригадир лесорубов. — Тут чуть выше по течению артель старательская стоит, они гидромониторами руду моют, так вот у них отстойники ни к черту. Еще прошлым годом об этом говорилось. Обещались исправиться. И вот...

— А что, разве за этим никто не следит? — удивился Мамонтов, рассматривая тушки больших, сильных когда-то рыб, бог знает из каких мест пришедших сюда на нерест.

— Как же не следят, — должны следить. Санитарно-эпидемиологическая станция... — делая ударение на последнем слове, с нескрываемой неприязнью протянул Бельды.

— Ну и...

— А чего «ну и...»? Дело ясное. Схимичили, видать, когда принимали отстойники да очистные сооружения.

И опять надолго замолчали, каждый думая о своем. Иван Бельды прикидывал, какой ему будет «разнос» от начальства, когда в леспромхозе узнают о побеге Рекунова, а бывший солдат-десантник, пожалуй, впервые задумался о том, что услышал от бригадира лесорубов. Вот она, оказывается, чертовщина какая. Какой-то мелкий белый песок, и от него рыба красная гибнет...

Теперь Бельды вел лодку вдоль пологого берега, от которого, казалось, разбежались лесистые сопки. И вдруг он запел — негромко, будто мурлыкая себе под нос:

Свадебные саночки, Чикченку,
Даренные мамочкой, Чикченку,
Мчите по льду, через реку Чикченку,
Полюбила я навеки, Чикченку...

Песня была длинная, вроде бы односложная, но какая-то очень теплая, напевная. А заканчивалась она словами — «верьте, сестры, верьте, братья, Чикченку, ждут меня его объятья, Чикченку».

Бельды посмотрел на Мамонтова, усмехнулся.

— Думаешь, с ума сошел? Рекунов-проходимец услышит? Не-ет. Ему в этих местах к берегу не выйти — топи. Так что он вон ту сопочку с другой стороны обойдет.

— А чего ж ты шепотом? — резонно спросил Мамонтов.

— Не знаю, — сам себе удивился бригадир лесорубов. — Привычка, наверное. Еще от деда да отца осталась. В тайге да на реке громко петь нельзя — Подю спугнуть можно. Они ж у меня охотниками были.

— А кто это — Подя?

— Подя? Ну, парень... даешь ты. Подя — это хозяин охотничьих угодий. Про него каждый охотник знает. Да-да, ты не смейся, — не на шутку обиделся Бельды. — Есть даже старинный охотничий обычай, его мой старший брат всегда соблюдает.

И замолчал, насупившись.

— Расскажи, Иван, — попросил Мамонтов. — Ей-богу, впервые слышу.

— Да чего там, — вроде бы нехотя начал Бельды. — В первый день, по нашим обычаям, в тайге не принято охотиться. Точно говорю. Если даже на кабанов наткнешься, не стреляй.

Сперва надо устроиться с жильем, познакомиться с Подей, крепко помолиться ему одному, если он, конечно, одинок, а если у него семья, то всей семье. Подя, хоть и хозяин определенной части тайги и невидим для простого глаза, но он, как и обыкновенный человек, имеет жену и детей. А если кому захочется видеть его, то он присниться может. А в своем владении Подя находится днем и ночью. Сидит с охотниками возле костра, в зимнике, слушает их беседы, ест вместе с ними. Если человек ему понравится, он будет гнать соболей к нему в капканы. А когда охотник подкрадывается к зверю, Подя закрывает им глаза и уши, чтобы они не видели и не слышали охотника. Каждый таежник стремится задобрить Подю, а для этого надо выбрать лучший кусок еды, бросить его на огонь и сказать: «Кя, Подя!»

Удивленный услышанным, Мамонтов, сидя на корме надувной резиновой лодки и загребая пальцами воду, старался понять Бельды. Буквально полчаса назад бригадир лесорубов с болью говорил о санэпидстанции, которая «схимичила», и вдруг какой-то Подя...

Вскоре Бельды подогнал лодку к берегу и, не доходя метров ста до заросшего березняком мыска, направил ее на небольшую отмель.

— Дальше пешком пойдем, — сказал он. — Лесосека близко.

Иван ловко выпрыгнул из зашуршавшей по прибрежной гальке лодки и, пока Мамонтов разминал затекшие от неудобного сидения ноги, вытащил ее на берег.

Рекунова они увидели сразу же, как только вышли к неровной кромке леса, за которой светлела поляна с небольшим деревянным вагончиком посередине. Чуть склонившись, он качал такую же, как у них лодку. Сбоку горбился большой, до отказа набитый рюкзак, на траве высвечивали на солнце стволами карабин Бельды и двустволка Шелихова.

— Ишь ты, основательно собрался, — пробормотал Бельды. — Все продукты забрал.

Мамонтов молчал, соображая, как без лишнего риска взять Рекунова. А мужиком тот был крепким, заматеревшим, да и весил, пожалуй, чуть больше Мамонтова. Главное — как-то отвлечь его внимание. Помешать спустить лодку на воду. Спустит — там его не возьмешь.

— Слушай, Иван, — повернулся он к Бельды, — я сейчас поляну леском обойду, а когда рукой махну, ты позови его. Понимаешь, надо как-то заговорить мужика.

— А вдруг стрелять начнет? — спросил Бельды.

— Не должен. Ты-то без ружья.

Иван помолчал, видимо, прикидывая возможность риска, кивнул согласно.

— Ладно. Только смотри, однако, чтобы сучок какой не треснул. Семен, как зверь раненый, настороже держится.

Бригадир притаился за массивным стволом ели. Заросли тут были густые, и он мог совершенно безопасно следить за Рекуновым. А тот, казалось, делал обычную, повседневную ра-

боту, методично качая насосом, и только изредка вскидывал голову, всматриваясь в свежий тракторный след, теряющийся в тайге.

— Спокоен Семенка, — изредка бормотал Иван, поглядывая на противоположную сторону поляны, где должен появиться Мамонов.

Впрочем, это только казалось.

Семен, стараясь успокоиться, думал, отчего ж ему так не везет. Уйдя с шахты, закончил курсы шоферов и устроился на дальние перевозки. Однажды, когда он поздней осенью вез неприходованный груз, на шоссе вдруг откуда-то появился мужчина с поднятой рукой. Семен едва успел мазнуть по нему светом фар, и, понимая, что уже не успеет затормозить, резко крутанул баранку в сторону. По глухому удару он понял, что задел «голосовавшего» и, едва не завалив машину на обочине, опять выскочил на безлюдное шоссе.

Надо было остановиться и отвезти пострадавшего в больницу, однако страх перед возможным наказанием оказался сильнее, и он погнал машину в город, чтобы освободиться от левого груза.

Уже потом, несколько дней спустя, он от шоферов-рейсовиков узнал, что пострадавшего доставили в больницу в тяжелом состоянии. Испугавшись ареста, Рекунов взял расчет и перебрался сначала в Сибирь, где с год проработал на лесовозе, а потом завербовался сюда, в леспромхоз. Он не знал, умер ли тот случайный прохожий, жив ли, и оттого до последнего дня страшился наказания.

И еще одно не давало ему покоя. Хотелось как можно больше, причем одним махом, заработать денег. И поэтому, когда он, в очередной раз поднявшись по реке, чтобы поставить там сетку, наткнулся на тигриные следы и тушу задранного изюбра, понял — вот он, его шанс разбогатеть, который он так долго ждал. За шкуру полосатого красавца кое-кто может отвалить приличную сумму.

Забыв об опасности, он на скорую руку соорудил засидку в кроне дуба и затаился, поджидая добычу...

Первым на вершину сопки, прямо под скрадок, неизвестно откуда вышел медведь-двухлесток. Семен увидел, как он потоптался около разорванной туши изюбра, тронул его лапой, принюхался, и Семен хотел уж было завалить медведя, как вдруг огромный полосатый зверь с яростным рыком взвился в воздух...

Пока буро-полосатый клубок катался под ним, вырывая из земли пучки красной от крови травы, Рекунов, словно загипнотизированный, не мог даже пошевелиться. Дрожали руки, сжимавшие карабин.

Спроси его, сколько все это длилось, он бы не смог ответить. И только когда на окровавленной, изрытой когтистыми лапами земле распласталась туша медведя, а израненный и измотанный дракой тигр сталлизывать раны, Семен вышел из оцепенения, тщательно прицелился...

Потом он спустился с дерева, подтащил тушу к сучковатой березе, сбегал к оставленной на берегу лодке, отрезал от сети

длинную капроновую веревку, вернулся обратно. Через сук подтянул за передние лапы тигра, чтобы муравьи да мыши шкуру не испортили, и решив, что до темноты он не успеет снять шкуру, лодкой сплавился на деляну.

...Наконец Бельды увидел, как из разросшихся вокруг поляны кустов жимолости высунулась голова парашютиста, и Мамонтов бесшумно перебежал к вагончику.

Иван Бельды вышел из укрытия.

От склонившегося над лодкой Рекунова его отделяло метров пятьдесят, не больше, однако тот продолжал все так же спокойно работать, и только отброшенный в сторону накомарник говорил о том, что он спешит.

— Семен, — тихо позвал Бельды.

Рекунов дернулся, словно осекся на полуслове, вскинул голову, оставаясь в полусогнутом положении. Потом вдруг резко выпрямился и наткнулся взглядом на бригадира. Видимо, от неожиданности он вздрогнул, как бы боясь удара в спину, всем корпусом крутанулся назад и вдруг совершенно спокойно поднял с земли карабин, передернул затвор...

Какое-то время он неподвижно стоял, широко расставив ноги, палец на спусковом крючке, ствол направлен прямо в грудь Ивана. Не шевелился и Бельды, оцепенело уставившись в темный кругляш дула, из которого в любой момент могла вырваться смерть. А то, что Семен может спустить курок, он не сомневался.

Наконец Бельды разжал ссохшиеся губы, проговорил, пытаясь перебороть страх:

— Зачем ружье украл?

Рекунов молчал, пытаясь разглядеть, нет ли еще кого-нибудь в темноте леса.

— Зачем украл ружье, говорю? — повторил Бельды.

Убедившись, что в кустарнике и за деревьями никого нет, Семен чуть опустил ствол карабина, долго, с прищуром, рассматривал бригадира, потом спросил, усмехнувшись:

— А они тебя что же, из-за этого дерьма сюда погнали?

— Однако, не они, — окончательно переборов страх, сказал Бельды и сделал шаг вперед. — Они еще не пришли, на пожаре были, когда Васька сказал, что ты пропал. Думали — сгорел. Искать стали. Огнетушитель нашли. А ружье пропало.

— Ну а тебе-то какое дело, паря? — с открытой неприязнью спросил Рекунов. — Ружье-то ихнее, пожарников.

Иван сделал еще один шаг, на что Семен предостерегающе поднял ствол.

— Боялся я, что ты глупость каку-никакую сделаешь. А мне потом... отвечай, однако.

И тут же, увидев, как появился из-за вагончика Мамонтов, спросил первое попавшееся, но, видимо, единственно правильное в этом положении:

— Это ты, Семенка, тигра завалил?

— Тигра, говоришь? — выдохнул Рекунов и, перехватив удобнее карабин, шагнул к бригадиру.

Он прищурился на невысокого Ивана, шагнул было еще, но

что-то задержало его, он резко обернулся, вскинул карабин и одновременно с выстрелом, сбитый сильным ударом, отлетел в сторону...

Когда он пришел в себя, то сначала даже не мог встать — к горлу подступала тошнота, как в глубоком тумане расплывался Иван Бельды, рядом стоял еще кто-то. Он попытался опереться на локоть и не смог.

Случилось именно то, чего больше всего боялся Артем. Утром ветер усилился, чуть развернулся и теперь надувал голову пожара в сторону основного массива Кедрового урочища. В сопках это было не в новинку: порой ветер крутило так, что парашютисты не знали, с какой стороны подступиться к пожару. Случалось, что основной фронт огня в течение часа резко менял направление, и то, что когда-то было флангом, становилось основным фронтом. К тому же при сильном ветре даже устойчивый низовик зачастую переходит в верховой пожар. В общем, забот парашютистам в сопках хватало.

Первым смещение и усиление ветра почувствовал Венька. Он прилаживал у костра на вбитые колья сапоги с портянками, как вдруг увидел, что языки пламени как бы нехотя качнулись и, прижатые сильным воздушным потоком, мягко легли на сторону. Венька хмыкнул, вырвал из-под ног пучок травы, бросил ее в огонь.

Поваливший дым четко показывал направление ветра: именно там сейчас готовил опорную полосу Шелихов.

«Однако», — почесал в затылке Венька и босиком зашлепал к палатке. И тут он увидел Ваську. Парень, обхватив прижатые к подбородку колени, сидел в тени.

— Ты чего это? — удивился Венька. — Не намаялся, что ли, ночью?

Антоненко поднял лицо, улыбнулся виноватой улыбкой. И только теперь поднаторевший на таежных пожарах Рыжий увидел, как измучился этот невзрачный, добрый парень, который и было всего лишь года на три младше его.

— Устал трохи, — признался тот.

— А чего ж не спишь? — удивился парашютист.

Антоненко пожал плечами.

— Да я пробовал заснуть, а перед глазами... Понимаешь, кружится все. Жутко аж.

— Жутко... — миролюбиво пробурчал Венька. — Шас еще жутче будет.

Но, увидев, как вскинулся парень, тут же добавил:

— Да ты не бойся — пройдет. А вообще-то первый пожар всегда запоминается. Даже снится. Я помню — проснешься иной раз, а сам будто в парилке побывал. Ты это... — почесал он в затылке, — мы сейчас уйдем, а ты поспи-ка крепенько.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся Васька. И тут же спросил с тревогой: — А куда вы, того... уйдете?

— За кудыкину гору! — оборвал парня Венька и полез в палатку.

Сергей Колосков страдал «профессиональным заболеванием» лесных пожарных. Как только выдавалась свободная минута, он

мог моментально уснуть в любом месте, будь то неудобное сиденье «анпушки», спальный мешок под открытым небом, небольшая палатка, облепленная изнутри комарами, ну а когда удавалось дорваться до любимого матраца с белой простынкой...

— Серега, — дернул его за ногу Венька. — Подъем! Ас-пристрельщик умел не только мгновенно засыпать, но и так же мгновенно просыпаться.

— Ну? — открыл он красные глаза, воспаленные от бессонной ночи, когда они давили верхнюю кромку, не давая разгореться отдельным очажкам.

— Гну! — огрызнулся Венька. — Ветер усилился, в урочище пошел.

Колосков, успевший обрасти щетиной, грозный от копоты и саж, сидел теперь на спальнике и, ловко наматывая не успевшие просохнуть портянки, говорил:

— Буди Ваську. Забираем с собой взрывчатку, сигнальные свечи — и на полосу.

— Слушай, — замылся Венька. — Тут такое дело... Может, парня этого, Ваську, оставим покемарить немного. Сам понимаешь, навыка нет, с ног от усталости валится. Ведь еще целую ночь придется на добивке пахать.

— Добре, — согласился Сергей, пробуя, хорошо ли сел сапог.

Смену направления ветра Артем почувствовал сразу же. ДТ-74, на котором он прокладывал минполосу, был без лобового стекла, и Артем уловил пахнувший в лицо жар. Защекотало в носу от едкого дыма.

Еще не веря в догадку, он остановил трактор, встал на гусеницу, послонявил палец. Точно, ветер усилился и дул в его сторону. Артем снова плюхнулся на старое, продавленное сиденье, трактор развернулся и, лязгая побитой кабиной, подминая под траки низкорослый кустарник, двинулся вверх. Теперь главная опасность пряталась чуть выше по склону, в хвойном подросте, к которому ни в коем случае нельзя подпустить огонь — схватись от маленькой головешки молодняк, и можно считать, что вся работа пошла насмарку. Сразу же за ним чернел елово-пихтовый островок, с которым соседствовали могучие кедры.

...Теперь уже раздутая ветром и переменившая направление голова пожара давала о себе знать не только снопами густого сизого дыма, который стелился над склоном, заполняя распадок. Даже сквозь рев надрывающегося мотора был слышен гул и треск сжигаемого огнем леса. Над вершинами стали появляться длинные языки пламени, которые тут же захватывали другие деревья.

Артем безжалостно бросал трактор на завалы и расчищал минполосу. И так раз за разом, пока вкопец не онемели руки, так что он уже почти не ощущал их, двигая тяжелыми рычагами. От постоянной тряски и ударов заныла спина. Едкий дым забивал дыхание, слезились глаза, и в какой-то момент Артем едва не завалил трактор, на предательском бугорке. Вдруг он увидел Колоскова. Остановил трактор, прыгнул на землю.

— Взрывчатку принесли? — быстро спросил он.

— Венька уже раскладывает.

— Тогда давай так. Ты внизу готовь отпалку, а я здесь расчищать буду.

— Понял, командир.

Отдельные языки надвигающегося фронта пожара уже бежали по сухостою, и Артем благодарил случай, что сопка эта, как слоеный пирог, перебита березовыми рошицами, которые не очень-то поддаются верховому палу. А случись здесь сплошной ельник или сосновый бор...

Сергей разнес взрывчатку по намеченной линии, как вдруг увидел Антоненко. В руках у парня был топор, за спиной прорезиненный ранец для воды.

— Чего это ты тут? — удивился Колосков. — Тебе же отдыхать приказано.

Антоненко насупился.

— Отдыхать... Все тушат, а я отдыхать, — повторил он обидное для него слово. — Говори, чего робить?

— Значит, робить? Вот это по-нашему. А то действительно, отдыхать. Вот прилетим в поселок, в баньке попаримся, потом и отдохнем.

Парень улыбнулся:

— Конечно.

— А раз «конешно», оставляй брызгалку здесь, она позже пригодится, бери топор — и на помощь к ребятам. Секешь?

— Ага, — согласно кивнул парень.

Когда Антоненко скрылся за деревьями, Сергей, закрепив детонатор на конце шланга, поджег шнур и, отбежав, спрятался за ствол дерева...

Взрыв, как он и ожидал, получился что надо — на месте взрывчатки теперь была канава, с краев которой торчали вырванные взрывной волной корни деревьев, пучки травы.

Когда раскатистое эхо взрывов прокатилось по всей линии опорной полосы, подошел едва державшийся на ногах Шелихов. Лицо Артема было черным от копоти. Он вместе с Колосковым осмотрел минполосу, отдал команду готовиться к встречному отжигу.

До лавины огня оставалось метров пятьдесят.

— Гребенкой встретим? — спросил Сергея Артем.

Это был испытанный способ. Когда до надвигающейся стены пожара оставались считанные метры и могла возникнуть опасность его переброса через опорную полосу, они поджигали заваленные деревья сначала вдоль самой канавы, затем — отступив метров на шесть к надвигающемуся пожару.

— Давай гребенкой, — согласился Артем и тут же повернулся к Антоненко. — Значит, так, берешь ранец, набираешь воду в бочажках и выходишь за полосу. Серега, Венька и я делаем отжиг и тоже на окарауливание. Все ясно? — И добавил, обращаясь к притихшему парню: — За линию отжига не лезть. Окарауливать только по внешней стороне.

Васька кивнул согласно и побежал к вывороченной ветром сосне, под корневищем которой в яме темнела вода. Венька, Артем и Серега с сигнальными свечами в руках разбежались по линии отжига.

Хорошая это все-таки штука — сигнальная свеча, позаимствованная лесными пожарными у железнодорожников. Больше десяти минут горит, и за это время ею можно пустить встречный огонь на полосе длиной в двести, а то и триста метров. А когда возвращаешься в лагерь и нет сил уже, чтобы собрать бересту да смолье на растопку, сунешь такую свечу в наспех сложенное кострище — и заполыхает огонь под подвешенным на рога тину закопченным чайником.

Прежде чем начать отжиг, Артем отогнал подальше трактор и только после этого зажег свечу, прикрыв лицо рукавом, поднес фитиль к поваленной, с потеками смолистых карр сосне. Огонь схватился разом, сунулся было по ветру к оголенной минерализованной полосе, наткнулся там на пустоту и стал медленно продвигаться навстречу ревушей стене пожара.

Теперь уже полоса огня тянулась вдоль всей трассы. Кое-где Сергей успел зажечь опережающий огонь — гребенку. Артем, видя, что на его участке встречный отжиг распространяется слишком медленно по сравнению с надвигающимся пожаром, быстро зажег вторую свечу, и, накрыв голову брезентовой курткой, бросился в огненный коридор, тыкая ярко полыхающей свечой в смолистые карры. Надо было успеть как можно больше выжечь леса встречным огнем. Когда дышать стало невмоготу, он бросил свечу и отбежал в безопасное место.

А встречный пал разрастался, набирал силу, оглушительный рев огня сливался с треском рвущихся деревьев, черные клубы дыма, словно фантастические грибы, взлетали над тайгой. На какое-то мгновение стена огня будто бы затихла и вдруг, вплотную сойдясь с отжигом, со страшным ревом взметнулась вверх...

Наступил самый ответственный момент для окарауливания. Через выжженную полосу полетели первые горящие головешки. Веером посыпались искры. Около Артема упала ветка, от нее тут же занялась трава, но он быстро затоптал огонь сапогами. И опять, в который уж раз посмотрел в сторону хвойного подроста. Если он схватится... Перебросив через спину ранец, Артем побежал туда. Хотя от ревушей, яростно клокочущей стены огня до этого островка было метров пятьдесят, он понимал, что случайная головешка может долететь и туда.

Хвойный подрост был цел, но от «выстрелившего» сучка занялся пока что спокойным огнем недалекий кустарник. Артем кое-где захлестал расползающиеся красные щупальца курткой. Рядом чернел бочажок — воронка из-под вывороченного дерева, доверху наполненная дождевой водой. Он несколько раз сбежал туда и обратно, попытался сбить огонь водой, но ему это не удалось. И тогда, сбросив ранец, он побежал к дереву, под которым лежали запасные бухты взрывчатки. Бросив на плечо двадцатикилограммовую упаковку и сунув в карман пару детонаторов, он побежал обратно.

Уложил бухту в воронку с водой, прикрепил детонатор, вывел на сухое место конец огнепроводного шнура и поджег его.

Громыкнуло так, что аж загудело в ушах, и, выброшенная взрывом вода окатила его с головы до ног. Он протер глаза, подбежал к бочажку — прибитый водой и грязью огонь затих.

Все реже и реже «выстреливали» горящие головешки. Зажатая голова пожара остановилась. Догорали валежины и остатки кустарника. Еще пару часов окарауливания, и можно будет немного отдохнуть, чтобы с вечерней росой опять вернуться на доживание пожара.

На следующий день утром, когда осипшие от гари, измотанные до предела парашютисты вернулись в лагерь, над тайгой послышался знакомый рокот мотора, и вскоре показалась «аннушка». Артем принес из палатки компактную переносную радиостанцию и включил тумблер.

— «Воздух», я — «Кедр». Как меня слышите? Прием.

— «Кедр», я — «Воздух». Слышу вас хорошо. Как дела? — раздался голос летнаба Курьянова.

— Порядок, Кирилл. Пожар задавили. Лесорубы помогли. Они же и на окарауливание останутся. Так что можешь прислать вертолет. Снимаемся.

— Годится, — согласился Курьянов и спросил: — Раненых, больных нет? Прием.

— Да, — спохватился Артем. — Обязательно, слышишь, обязательно этим же рейсом прихвати с собой участкового. Здесь его дружок один дожидается...

— Ага, — подтвердил Венька, облизывая ложку, которой только что пробовал сготовленную Иваном Бельды кашу с тушенкой. — Потому что я лично этому гаду Рекунову крошки не дам.

А Колосков с Мамонтовым стаскивали в кучу нехитрое имущество, которое, упаси господь, потеряется или сгорит ненароком — это сколько же нервов на акты списания придется затратить! И ас-пристрельщик Сергей Колосков считал вслух:

— Топоров — шесть. Спальников — четыре. Парашютов — пять.

Иван ФРОЛОВ

ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Фантастическая повесть

Моя карьера начиналась довольно скромно — с Бюро донорских операций. Но я мечтал о другом и все свободное время работал над романом, на который возлагал большие надежды. Однако при всем своем оптимизме я даже не мог вообразить, что поворот в моей судьбе произойдет так неожиданно...

Однажды ко мне в кабинет вошел высокий брюнет лет двадцати пяти. Несмотря на суровые январские морозы, он был без головного убора и в легком пальто. Большие серые глаза смотрели спокойно и, казалось, даже насмешливо. Непринужденно поздоровавшись, гость спросил:

— Я не ошибся? Это юридический отдел?

Я привык видеть совсем других клиентов — подавленных, не решающихся назвать цель своего визита или чересчур взволнованных, с лихорадочным блеском в глазах и сбивчивой речью. Но этот посетитель вел себя так, будто пришел заключать обычную торговую сделку!

— С кем имею честь?

— Боб Винкли, — с достоинством произнес он.

— Кларк Хьюз к вашим услугам, — представился я. — Вешайте пальто вот сюда, господин Винкли. Проходите, присаживайтесь.

Посетитель отличался хорошим телосложением. Он спокойно уселся напротив меня и стал рассматривать развешанные по стенам рекламные плакаты.

— Слушаю вас, господин Винкли.

— Я хотел бы узнать ваши условия.

Я протянул ему справочник.

— Сначала вам предстоит пройти обследование в Центре трансплантологии. На основании заключения о состоянии ваших биосистем мы подпишем контракт.

Посетитель быстро пробежал глазами по длинному списку и вежливо спросил:

— На какую сумму я могу рассчитывать?

— Если все ваши органы окажутся здоровыми, мы можем заплатить до шестисот пятидесяти тысяч дин.

— Однако в вашем перечне нет самого главного!

— Чего именно?

— Стоимости головного мозга!

— На этот орган у нас пока нет спроса, — честно объяснил я.

— Вы отстали от жизни, господин Хьюз! — возразил он и достал из кармана газету. — Вот статья об успешной операции по пересадке головного мозга. Значит, скоро понадобится и моя голова! — воскликнул он.

В последнее время пресса все настойчивее сообщала об исследованиях в этой области, да и у нас уже обсуждались перспективы подобных операций, но практические пересадки головного мозга или части его казались делом далекого будущего.

— Разрешите? — Я протянул руку к газете.

Художник Владимир ВАСИЛЬЕВ

— На четвертой странице, — подсказал он.

В глаза мне бросился напечатанный во всю полосу заголовок: «Успехи трансплантации».

Статья у меня сохранилась, и я могу привести выдержки из нее:

«Как вы знаете, хирурги всего мира стремятся доказать, что трансплантация мозга возможна. Настойчивую и кропотливую работу в этом направлении проводят сотрудники Центра трансплантологии под руководством известного профессора Дэвида Дэнниса. Мысль человека — это специфический продукт сложного взаимодействия всех его органов. Но и мозг, изолированный от нервной системы, способен к мышлению, хотя в комплексе с органами различных людей функционирует по-разному, каждый раз показывая различную глубину и интенсивность мыслительных процессов. Эти опыты подтвердили, что мозг подобно компьютеру поддается замене.

Недавно, после тщательной отработки технологии трансплантации мозга на животных, хирурги решились провести первую операцию на людях.

Родственники потеплевших дали согласие на пересадку, и профессор Дэннис встал к хирургическому столу. Автоматы по сшиванию капилляров и нервных волокон помогли предельно сократить время операции: она продолжалась чуть более трех часов.

Через день оперируемый пришел в сознание, начал узнавать родственников и друзей...»

— Я в курсе, — ответил я посетителю. — Тем не менее относительно вас пока ничего не могу сказать... Впрочем, поговорю сейчас с шефом...

— Благодарю вас.

После моего доклада шеф пожелал лично побеседовать с необычным клиентом.

— Добрый день, господин Винкли. Вы, безусловно, правы. Теперь в преискурант придется внести и мозг.

— Благодарю, сэр.

— Его стоимость будет зависеть от оценки ваших умственных способностей в Центре трансплантологии. При определенных условиях мы можем заплатить за вашу голову до трехсот пятидесяти тысяч дин.

— Значит, вы можете заключить контракт на миллион дин. Ну что же... Такая сумма требует серьезных размышлений.

С этими словами он удалился.

2

Работа в Бюро привлекла меня тем, что была связана, как мне казалось, с романтической деятельностью хирургов.

К тому моменту, когда я оставил университет, Бюро представляло из себя хорошо отлаженный механизм, который функционировал уже двенадцать лет. Однако вступление его в жизнь получилось непростым...

С внедрением операций по пересадке в клиническую практику в газетах все чаще стали появляться объявления о покупке и продаже отдельных органов и тканей. И тогда мой шеф ре-

шил централизовать все эти происходящие стихийно торговые операции и организовал свое Бюро.

Как только на дверях Бюро появилась вывеска и разноцветными неоновыми огнями замелькала первая реклама, газеты набросились на новое учреждение, как свора голодных собак. Писали, что группа безответственных личностей, готовых принести в жертву стремлению к личному обогащению соображения гуманности и гражданской этики, развернула деятельность, несовместимую с современными юридическими и моральными нормами. Торговля жизнью и органами человека не должна иметь места в цивилизованном обществе, где и без того немало отверженных ежедневно уходит из жизни по своей воле.

Однако здравый смысл оказался сильнее. В редакции стали поступать десятки писем, авторы которых находили в деятельности нового Бюро высокий моральный и общественный смысл. И знаете, от кого? Большей частью — от людей, решившихся на самоубийство.

«Вы не можете лишить меня права покончить счеты с ненужной обществу и опостылевшей мне самому жизнью (что делают сейчас сотни отчаявшихся!), — писал один из них. — Так не отнимайте у меня возможность совершить последний в своей жизни шаг с пользой для близких, ведь я им оставлю приличную сумму, и обреченных, которым я верну жизнь».

Эти письма оказались самым веским аргументом в защиту Бюро.

Однако споры продолжались. Кое-кто пытался доказать, что наше Бюро подталкивает к уходу из жизни людей, потерявших в ней опору. Поэтому оно будет значительно ускорять принятие рокового решения и приведет к увеличению количества желающих переселиться в иной мир.

Другие, напротив, доказывали благотворное воздействие деятельности Бюро на жизнь общества: банальное самоубийство теперь наполняется положительным содержанием, из бессмысленного шага отчаяния превращается в осмысленный поступок, в некотором отношении — даже в подвиг. Более того, деятельность Бюро придает смысл никчемной и жалкой жизни неудачников. И для них согласие на трансплантацию равносильно продолжению своей жизни в других.

3

Поразительное хладнокровие Боба Винкли во время первого визита заинтересовало меня. Его могло привести к нам трагическое стечение обстоятельств, минутное отчаяние, и мне уже подумалось, что он забыл о своем намерении. К нам приходило и немало любопытных, просто бездельников. Чаще всего, если клиент не заключал контракт с первого захода, мы его больше не видели.

Но Винкли пришел, и очень скоро. И вот тогда-то он пробудил во мне особый интерес.

— Я хотел бы кое-что уточнить! — обратился он ко мне.

Вел он себя по-прежнему спокойно и деловито.

— Слушаю вас, господин Винкли.

— Во сколько мне обойдется исследование в Центре трансплантологии?

— В тридцать тысяч дин. Пожалуйста, ознакомьтесь. — И я пододвинул к нему один из проспектов.

Он полистал его, отложил на столик:

— Это старый проспект, в нем ничего не сказано о...

— Вы правы, — перебил я его. — Мы не успели вписать туда мозг. Но мы это сделаем сегодня же!

— Бюрократизм у вас, — проворчал он. — Надо думать, исследование функций коры головного мозга обойдется дороже всего?

— Ровно двадцать тысяч дин.

— Дороговато, — он вздохнул. — А объясните, господин Хьюз, часто ли во время исследований обнаруживаются скрытые дефекты?

— Случается, — уклончиво ответил я. — У молодых реже...

— Что значит «случается»? Я уверен, что людей с идеальным здоровьем немного. Каждому из нас общение с медиками чаще приносит неприятные сюрпризы.

— Бывает и такое...

Винкли подозрительно посмотрел на меня:

— Я хочу знать, как оцениваются неполноценные биомеханизмы? — спросил он.

— Если порок органа незначителен, стоимость снижается на двадцать-тридцать процентов.

Винкли нервно расхаживал по ковру, недовольный моим ответом.

— Что считать незначительным пороком? Ваши диагносты должны беспощадно браковать органы при малейшем отклонении от нормы. Стоит ли тратить адские усилия и пересаживать кому-то дефектное сердце или почку.

Я не понимал, чего добивался Винкли. Сам он выглядел здоровяком. Нам запрещалось обсуждать технологию операций с клиентами. Если некоторые подробности попадут в газеты, мы можем остаться без работы.

— Вы правы, — мягко согласился я. — Некоторые органы оказываются непригодными к пересадке.

— Выходит, вы можете отнять орган, а деньги не выплатить?

— Выплачивается небольшая компенсация...

— Какая именно?

Никто еще до Винкли не вникал так придирчиво во все тонкости оценки органов. Кто будет мелочиться и считать разменную монету под ножом гильотины? На это и были рассчитаны неписанные правила обращения с клиентами, составленные с глубоким знанием человеческой психологии. А Винкли торговался! Торговался вопреки всем прогнозам и правилам.

Вникая в его точные вопросы, я насторожился.

— За непригодные биоаппараты выплачивается десять процентов их стоимости, — вынужден был ответить я.

— Господин Хьюз, скажите откровенно, — вдруг совсем другим тоном обратился ко мне Винкли, — на какую сумму я могу рассчитывать?

Он стоял передо мной, как бы предлагая оценить себя.
— Вести подобные разговоры нам категорически запрещается...

— Я надежный человек, — сказал он. — Поверьте...

— В лучшем случае вы получите около пятисот тысяч дин.

Он мотнул головой:

— Не забудьте оценить мой интеллект!

— Я учел и его...

— Пятьсот тысяч вместе с головой! — Он всплеснул руками. — Из этих денег еще платить налог, как с прибыли?

— Разумеется, только не с прибыли, а с наследства.

— Это же надувательство! — От возмущения он побагровел. — Вы соблазняете миллионом, а платите вдвое меньше. Отнимите налоги и сумму на обследование... Что же останется мне, гроши?

— Вам деньги будут не нужны, господин Винкли, — заметил я.

— Я готов пожертвовать головой, чтобы мои наследники получили приличную сумму...

— Господин Винкли, я не могу давать оценку вашему интеллекту...

— Вы надуваете! — Он резко повернулся и пошел к двери, размахивая руками. — Вашу лавочку пора прикрыть!

4

«Что нужно человеку для успеха?» — этот вопрос встал передо мной еще тогда, когда я впервые приехал в Делинджер. Вырвавшись из сельской тиши и попав в этот современный Вавилон, я начал понимать, что для успеха важно уметь распознавать и правильно оценивать окружающих людей. Ведь каждый из них неизбежно что-то прячет от посторонних глаз. Большинство людей, желая произвести впечатление, выставляют напоказ самые выигрышные свои стороны. Незаурядные натуры, наоборот, меньше всего заботятся о внешнем эффекте, поэтому никогда не раскрывают свои главные козыри, а пускают их в ход неожиданно, в нужный момент.

Винкли не был похож ни на одного из тех, с кем мне приходилось иметь дело раньше. Плату за собственную смерть он считал прибылью. Не случайно с его губ сорвался вопрос: «А что останется мне?» И он был явно раздосадован на себя, словно проговорился о чем-то важном.

А его поведение в Бюро! Как въедливо и хладнокровно он выпрашивал меня обо всем! Было похоже на то, что он преследует какую-то свою цель, которую пока тщательно скрывает от нас.

Но на что может надеяться человек, добровольно приносящий себя в жертву?

Я не сомневался, что Винкли придет еще раз. Что-то притягивало его к нам.

Он появился у нас через несколько дней. Неторопливо уселся напротив меня, с едва заметной усмешкой посмотрел в глаза.

— Господин Хьюз! Меня устроит только миллион! Кроме того, мне бы кое-что хотелось выяснить насчет обследования.

— К вашим услугам.

— Я готов влезть в долги и достать под проценты пятьдесят тысяч на обследование. Предположим, после него выяснится, что часть моих органов с изъянами, и я окажусь непригодным для трансплантации.

— Что-то ведь все равно пригодится.

— За них могу я получить хотя бы тысяч четыреста?

— Судя по вашему виду, безусловно!

— Теперь о главном. Практикуется ли у вас обследование в долг?

Хотя я понял его с полуслова, все же для видимости спросил:

— Как вы это себе представляете?

— Я заключаю с вами контракт на полную трансплантацию, а на стоимость обследования вы уменьшите потом сумму контракта. — В его глазах бегали озорные искры, и это смущало меня.

— В отдельных случаях такие сделки допускаются.

— Вы не поможете мне заключить такой контракт?

Скажу откровенно, Бюро не собиралось ограничивать количество обследований в кредит, более того, они даже поощрялись, так как являлись для будущих доноров своеобразным Рубиконом: перешедшим его, обратной дороги не было. Но я сразу ухватился за его слова: вот он, удобный случай для сближения. Понизив голос, я спросил:

— Вы выглядите вполне здоровым человеком. Вы никуда не торопитесь, господин Винкли?

Он хмыкнул, пожал могучими плечами.

— Подождите меня минут десять у входа. — Я встал, давая ему понять, что беседу мы продолжим за пределами служебного кабинета.

После того вечера Боб Винкли часто приходил в Бюро к концу рабочего дня, провожал меня... И я, конечно, обещал ему сделать все возможное. Винкли был хитер и умел скрывать свои тайные намерения. Тем не менее мы постепенно сблизились. В один из таких вечеров он пригласил меня пообедать у него дома. Я принял приглашение, надеясь, что в домашней обстановке под влиянием крепких напитков он будет более откровенным.

— Знакомьтесь, Кларк, моя жена Лиз.

Высокая, полная женщина с темными волосами медленно протянула руку для поцелуя, потом плавным жестом пригласила нас в комнату.

В своей квартире Боб Винкли вел себя иначе, чем у нас в Бюро. Движения вдруг стали порывистыми, речь — торопливой.

В какой-то момент он разоткровенничался.

— Дорогой Кларк, срок жизни у нас долог, а денег на все не хватает. Мы должны и жизнь обращать в деньги!

— Отказавшись от нее? — подмигнул я.

— Ты полагаешь, что ради банкнотов я иду на заклятие? Ни в коем случае! Я открываю свое дело! И раз уж ты выдал мне некоторые секреты своей фирмы, я посвящаю тебя в свою тайну, вернее — в тайну своей деловой операции... Начну с того, что я служу в банке и всю жизнь считаю чужие деньги. Мне давно надоело пропускать через свои руки миллионы и получать гроши. Я решил сделать свой бизнес...

— На самоубийстве? — Юмор не покидал меня.

— Последним смеяться буду я!.. — воскликнул он. — Скажи, что получится, если соединить в одно целое твоё тело и мою голову?

Я ничего не ответил.

Он продолжал:

— Допустим, в твоей черепной коробке окажется мой мозг! Так я воскресну после смерти. Причем воскресну с миллионным состоянием.

— По контракту ты получишь всего около пятисот тысяч, — уточнил я.

— По сравнению с тем, что у меня будет, эти тысячи — пустяк. Во сколько обойдется пострадавшему пересадка мозга?

— В миллион, но ведь ты не получишь из них ни дины!

— Да, реципиент отдаёт миллион хирургам ради того, чтобы всё его состояние перешло к донору. Тебе ещё не ясно? Я хочу, чтобы мою голову пришили какому-нибудь банкиру или промышленному магнату! Такие операции по карману только богачам. А после операции магнатом буду я. И я приму на себя управление всеми его делами и капиталами.

В словах Боба сквозила ирония и чувство собственного превосходства, и он не скрывал их.

Его план не мог не заинтересовать меня; конечно, он был связан с риском потерять и тело и голову, но речь шла прежде всего, о его голове и его организме в целом...

— А ты уверен в успехе операции? — спросил я.

— Риск, конечно, есть, — согласился он. — Но при современной технике и отработанной методике операций вероятность успеха немалая... Хотя привычка заставляет нас бояться всего нового. Но я верю в удачу, и в один прекрасный день ты увидишь меня на Олимпе среди сильных мира сего!

— Дорогой Боб, неужели на эту божественную гору нельзя подняться менее рискованным путем?

— Я пытался, но скоро понял, что это невозможно.

— А я уверен, что способный человек может многого добиться, используя принятые в обществе правила игры и действуя по его законам.

— Именно так я и хочу поступить. Не я придумал трансплантацию! Я вступаю в игру, созданную до меня. Между прочим, тоже по нашим волчьим законам! И ставка в этой игре — моя собственная жизнь! В крайнем случае состояние...

Лиз смотрела на него спокойно и, как мне казалось, даже с гордостью. Она во всё была посвящена и разделяла его оптимизм, а возможно, была слишком спокойной по характеру и привыкла к горячности мужа и к его безудержной фантазии.

Идея Боба оказалась настолько простой и остроумной, что мне трудно было поверить в ее успех. К тому же он возлагал некоторые надежды и на меня, рассчитывая на мою поддержку. Главное затруднение состояло в том, что ученые-нейрохирурги были не в силах ответить на вопрос, чем в таком случае — чужим мозгом донора или собственной нервной системой — должен определяться психический облик вернувшегося к жизни человека.

И даже новая статья в газете под сенсационным названием: «На пути к бессмертию!» не внесла окончательной ясности.

«Мужчина с пересаженным мозгом живет второй месяц! По свидетельству врачей, жизнедеятельность всех систем организма протекает без заметных отклонений. Наблюдения показывают, что новому индивидууму передана память как реципиента, так и донора. Он вспоминает эпизоды из жизни обоих. Поэтому его называли Дуономусом. Итак, память тела, крови и костного мозга также играет в жизни человека значительную роль.

Как не вспомнить в связи с этим недавние утверждения профессора Куингера о том, что многие клетки тела, кровяные тельца способны нести определенную информацию!

Наконец, последние исследования ученых выявили еще один, пожалуй, решающий фактор: очевидную зависимость психики Дуономуса от того, какие ткани трансплантируются в него от реципиента и донора и какие оказывают определяющее влияние на его генную память. Процесс этот носит пока неуправляемый характер. Возможны самые разнообразные генные комбинации, в которых преобладают, как правило, гены реципиента...»

«...Внедрение такой операции в хирургическую практику открывает перед учеными широчайшие перспективы в борьбе за долголетие. Дэвид Дэнис высказывает мысль о том, что в дальнейшем в результате поочередной пересадки человеку различных органов и мозга можно будет многократно продлевать ему жизнь. Гомо сапиенс не просто обретает бессмертие, он получает возможность выбирать для себя наиболее предпочтительный возраст».

Что ж, судя по всему, голова Боба Винкли достанется какому-нибудь нуворишу, будет старательно помогать ему делать миллиарды и иногда с грустью вспоминать о том, что когда-то принадлежала бедному, но слишком честолюбивому банковскому служащему.

Через несколько дней Боб Винкли снова зашел за мной в Бюро.

— Что ты скажешь о Дуономусе? — спросил я его, показывая газету. — Ты еще не передумал закладывать свою голову?

— Нет, не передумал, — он засмеялся. — Все это не более чем обычная реклама! Они пишут только об одной функции мозга — о памяти. И ни слова о других, мыслительных сто-

ронах его деятельности. А сколько в статье отвлеченных рассуждений... И сколько оптимизма, чтобы толстосумы поверили в возможность замены одряхлевшего мозга!

— У тебя оптимизма, пожалуй, тоже с избытком.

— Я проштудировал не один десяток научных работ по анатомии, физиологии, высшей нервной деятельности...

— Но многие устаревшие догмы опровергнуты последними выводами ученых.

— Нас рассудит история, сэр! — с шутливой патетикой воскликнул он.

6

Обследования в Центре трансплантологии подтвердили мои предположения об отменном здоровье Боба. За его органы Лиз должна была получить пятьсот сорок тысяч дин. Особенно высоко оценивался мозг.

Однако с окончательным решением Винкли не торопился. Он был весел и бодр и однажды во время прогулки затеял шутливый разговор:

— Дорогой Кларк, вижу, тебе не дает покоя потраченная на мое обследование сумма. Поэтому ты спешишь отправить меня к праотцам, а мои дорогие органы — на аукцион. Можешь успокоиться! Все так и будет, но сначала мне предстоит проверить одно дельце.

Я опасался, что дружеские отношения с клиентом могут закончиться для меня неприятностью. Впрочем, никакими прямыми сделками я не был связан с Бобом Винкли, хотя и постарался завоевать полное доверие и дружбу Лиз...

Однако руководство Бюро уже заподозрило, что не случайно Боб Винкли во время обследования со свойственной ему прямоотой и дерзостью обвинял Центр в сокрытии от клиентов информации. Начальство сделало выводы и предпочло избавиться от меня.

Я был ужасно зол на Боба.

— А если я проболтаюсь о твоих замыслах? — мстительно говорил я Бобу.

Боб только ухмылялся, видимо, считая, что в моих интересах ждать и не болтать.

Он делал все, что было в его силах. С помощью какого-то родственника Лиз устроил меня в газету «Фурор» в отдел светской хроники. Это совпадало с моими жизненными планами.

Новая работа не только давала мне средства, но и не лишала тщеславных надежд. Я верил, что настанет время и я смогу рассказать о деловой операции Боба подробнее и благодаря близости с ним раньше других. Я чувствовал, что на затее Винкли можно неплохо заработать.

Вскоре я узнал, что Боб развелся с Лиз... Однако завещание по контракту он оставил на ее имя.

Было ясно, что развод предпринят Бобом с целью уменьшить налог с завещанной суммы, так как при завещании капиталов государству, общественным организациям и неродственным лицам налоговый процент гораздо ниже, чем при прямом наследовании.

Лиз и Винкли продолжали жить в одной квартире. Однажды, когда мы сидели с ним за столом, он невзначай проговорился, что не может быть со мной откровенным. Это задело мое самолюбие. Ага! Так у него есть от меня тайна!

Способность использовать чужие слабости или тайны в своих интересах — высшая ступень по сравнению с умением распознавать людей, это уже алгебра успеха! К таким выводам я пришел, кстати, не без помощи Боба. А сейчас он наталкивал меня на мысль проверить метод на практике...

Через две недели после обследования Боб отдал себя в руки эскулапз.

Мы с Лиз провожали его до дверей Центра.

Не буду скрывать, Боб унес с собой частицу моего сердца. Чем он притягивал меня к себе: обаянием, умом или целеустремленностью и коварством? Скорее всего все эти качества совмещались в нем с удивительной гармоничностью.

Используя старые связи с Центром трансплантологии, я скоро узнал, что все органы Винкли годны к пересадке и на них уже появились покупатели. На все, кроме мозга.

Однажды меня вызвал к себе шеф. Я знал, что вызов к Виктору Краски — так звали шефа — почти всегда был связан с неприятностями...

— Дорогой Кларк, у меня к вам поручение, которое я с удовольствием выполняю, — круглое лицо Краски расплылось в улыбке, он показал мне на кресло. — Ваши материалы пользуются успехом. Я вижу, что мои семена попали в благодатную почву: вы уже начали понимать, что статьи надо лепить, как глиняные статуэтки.

Свою роль наставника Краски нисколько не преувеличивал. Именно его высокий профессионализм помог мне сравнительно быстро постигнуть ремесло газетчика.

— Благодарю вас, господин Краски.

Он встал и подошел ко мне.

— С особой радостью хочу сообщить вам об очередном задании редакции. Вам предстоит путешествие во Францию...

В другое время при таком известии я бы не удержался от восторга... Но сейчас отъезд был для меня очень некстати. Ведь со дня на день мог подвернуться покупатель на мозг Боба Винкли, мне не очень хотелось, чтобы это произошло в мое отсутствие.

— Вы, конечно, знаете о завещании старого Тирбаха. — Краски глядел на меня в упор.

Имя Эдварда Тирбаха не сходило с газетных полос. Это был семидесятилетний магнат, владевший военными заводами, банками, отелями. Разумеется, немало места газеты уделяли частной жизни Тирбаха. Писали, например, что он повздорил с сыном от первой жены из-за того, что тот пренебрег карьерой бизнесмена. Тирбах-младший уехал в Париж и начал заниматься в Академии изящных искусств. В ответ на это Эдвард лишил сына материальной поддержки, а почти все свое состоя-

ние завещал молодой жене — Кэт Тирбах, оставив Рудольфу незначительную сумму. И не исключено, что из-за равнодушного отношения к газетной шумихе вокруг своего имени сам позаботился о том, чтобы это завещание стало достоянием гласности.

— Вы лучше других справитесь с этой задачей, — продолжал Краски. — Разыщите Рудольфа Тирбаха и дружески побеседуйте с ним... Разузнайте истинные мотивы его поступков («Вот оно, началось!» — подумал я), опишите его отношения с отцом, начиная с детских лет... Дело в том, что сейчас очень много говорят о завещании Эдварда Тирбаха и, как правило, осуждают его поступок. Мы должны дать объективную оценку этим фактам.

— Симпатии автора, насколько я понимаю, должны быть на стороне сына? — спросил я.

— Не обязательно. — Он не спускал с меня глаз, словно надеясь на мою сообразительность. — Вы не учитываете либерального духа нашей газеты. Кто в этом споре прав, решите сами. Узнаете, насколько перспективно увлечение Рудольфа и стоило ли ему так яростно противиться воле отца, чтобы семейное разногласие переросло в социальный конфликт...

Я понял, что Рудольф Тирбах может удостоиться благосклонного отношения газеты только в том случае, если его увлечение не окажется безрезультатным. А это могло выясниться очень не скоро. Поэтому я должен был осветить в негативном плане, по всей вероятности, чистые и благородные юношеские порывы. Задание пренеприятное!

Возражать не имело смысла, я поблагодарил Краски за доверие и вышел из кабинета. Вечером я уже прощался с Лиз, попросив ее сообщить мне телеграфом сведения о Бобе, и вылетел в Париж ночным рейсом, даже не подозревая, насколько это вынужденное удаление приблизит меня к деловой операции друга.

7

Не буду утверждать, будто Рудольф Тирбах понравился мне с первого взгляда. Скорее наоборот. Красивый юноша со спортивной фигурой был очень немногословен и показался гордым. Мы встретились с ним на улице. Он согласился побеседовать со мной с большой неохотой. А когда я пригласил его в ресторан, сухо ответил, что предпочитает разговаривать, стоя у мольберта.

На одной из улочек Монмартра мы поднялись в скромную мастерскую, расположенную на чердаке. Она была загромождена холстами, подрамниками, этюдами.

За узкой занавеской, отгораживающей небольшой угол, стояла газовая плита и деревянный топчан, покрытый выцветшим пледом...

— Извините меня, в академии очень напряженная программа, — сказал Рудольф. — К тому же надо зарабатывать на жизнь. Не хотите ли вы приобрести несколько моих этюдов?

Смушаясь, он показал на небольшие картины на полу. И я

как бы заново увидел стоявшего передо мной человека. Рудольф стыдился своей бедности, к которой еще не успел привыкнуть и следы которой были видны повсюду. Потертые брюки, залатанный халат на вешалке. Бедность не помешала Рудольфу воспротивиться такому властному характеру, как Эдвард Тирбах!

Я стал рассматривать картины... Они мне понравились. Городские пейзажи, казалось, выполнены небрежно, но это был Париж с его легкой, трепещущей красотой. На обороте каждого полотна была проставлена просто мизерная, на мой взгляд, цена.

Я похвалил его манеру письма и, как мне кажется, сделал это довольно убедительно.

Моя похвала, видимо, растрогала его.

Я выбрал пять картин и сразу же расплатился.

Рудольф поблагодарил меня за лестный отзыв, за деньги и, не считая их, с показным безразличием опустил в карман.

— Это я должен благодарить вас, господин Тирбах, так как убежден, что в будущем стану обладателем редких и ценных полотен большого мастера.

— Вы льстите мне, господин Хьюз.

— Я говорю искренне, — заверил я и попытался перевести разговор на старого Тирбаха: — Нелегко без родительской помощи. Чем ярче талант, тем нужнее ему материальная поддержка.

— У отца свои позиции, которые я не вправе осуждать, — тихо проговорил он. — Мы расстались мирно, хоть и имеем разные убеждения.

— Вы расходитесь во взглядах на избранную вами профессию?

— Во взглядах на деньги. Отец считает, что они в нашем обществе нужны только тем, кто умеет умножать материальные ценности. Эти люди — цвет нации, на них держится общественное благосостояние. Все остальные — иждивенцы общества. И для отца это не пустая фраза. Если капитал не увеличивается, говорил отец, то общество начинает загнивать. Поскольку я не усвоил этого основного закона, он не намерен оплачивать мои заблуждения. Однако после смерти он все же обещал оставить мне миллион.

— Вам эта сумма нужнее сейчас, — вставил я. — Разве ему не все равно?

— Видите ли... Отец все еще пытается заставить меня вернуться на путь истинный. Я не могу предъявлять претензии отцу, так как мы с ним разные.

— Разве вы не его сын?

— В девять лет у меня уже был приличный счет в банке. О дальнейшем я должен был позаботиться сам. Я мог выбросить эти деньги, а мог приобрести акции, даже открыть небольшое дело, и на родительскую ссуду больше не рассчитывать... Но вклад быстро иссяк, а делать деньги я так и не научился.

Работы Рудольфа свидетельствовали о его несомненной одаренности. Добьется ли он признания? Ответить на этот вопрос не мог никто, так как успех в искусстве подобен лотерее и

часто зависит от случайных обстоятельств. Далеко не последнюю роль здесь играют опять-таки деловые качества.

Итак, я мог бы написать трогательный очерк о сыне известного миллионера, вынужденного зарабатывать на хлеб картинами... Трудная полуголодная жизнь, бытовая неустроенность в настоящем и полная неизвестность в будущем... И в этих жестоких условиях, когда жизнь неизбежно калечит человеческие души, он сумел сохранить внутреннюю чистоту и доброжелательное, даже всепрощающее отношение к людям.

Но в своей статье я скорее всего должен был встать на сторону его отца.

Мне хотелось помочь Рудольфу, но как изменить отношение к нему отца? Я медлил уходить из мастерской, пытаясь найти обстоятельства, которые могли бы оправдать Тирбаха-младшего в глазах света.

Через день я опять зашел в мастерскую. Он вновь отклонил мое предложение пойти в ресторан. К таким заведениям он питал устойчивую антипатию и предпочитал дешевые кафе.

Я принес с собой продукты, и мы с Рудольфом устроились за выцветшей занавеской прямо на топчане.

— Вот это по мне, — сказал Рудольф. — Милая домашняя обстановка. Свобода и непринужденность. Никаких условностей, можно все брать руками. А что ресторан? Чопорность, натянутость, музейная выставка зеркал и хрусталя.

Во время нашей беседы появился еще один гость. Он слегка прихрамывал и опирался на бамбуковую трость.

— Добрый день, господа, — поздоровался вошедший. — Мне сказали, что здесь я могу найти Рудольфа Тирбаха.

— Это я, — представился художник. — С кем имею честь?

— Билл Варлей... Хотел бы поговорить с вами.

— Я вас слушаю.

— Может быть, перенесем нашу беседу в более удобную обстановку? — Он покосился в мою сторону.

— Самое удобное для меня — беседовать у мольберта... Вы можете ничего не скрывать от моих друзей.

Гость окинул меня внимательным взглядом.

— Я принес вам печальную новость, господин Тирбах.

— Что-нибудь с отцом? — Рудольф отложил кисть.

Медленным наклоном головы гость подтвердил эту догадку.

— Что с ним?

— Автомобильная катастрофа.

— Он жив?

— Как вам сказать?.. В общем, он в реанимации... — После паузы он добавил: — Дело в том, господин Тирбах, что вашего отца можно спасти.

— Спасти?

— Эдвард Тирбах пока в глубокой гипотермии. У него тяжелая травма мозга... Если пересадить ему мозг донора, то он будет жить.

Тут я вспомнил, что видел этого человека в Бюро. Он был главным юристом Центра трансплантологии. Сердце мое забилося сильнее.

— Что для этого нужно? — спросил Рудольф.

— Ваше согласие на операцию.

— И больше ничего? — Из-за мольберта вышла Полетт, подруга Рудольфа, которая до этого не принимала участия в наших беседах.

— В настоящее время — ничего. Вы заключите договор на свое наследство.

— Но, спасая отцу Рудольфа жизнь, вы лишаете себя гоноара? — вдруг вступила в разговор Полетт.

— У нас уже имеется свидетельство о смерти Тирбаха, составленное по всем правилам.

— Ах, вы уже все продумали! — Полетт приблизилась к Варлею. — Но что это даст нам? Вернет ли операция жизнь отцу Рудольфа, неизвестно, а мы в любом случае потеряем миллион.

— Любимая жена Эдварда и наследница его миллиардов отрез отказалась дать согласие на пересадку. А вы, будучи в опале, отдаете свою часть наследства. Эти факты способны сильно повлиять на симпатии старого Тирбаха.

— О чем вы спорите? — раздался голос Рудольфа. — При чем здесь деньги, когда речь идет о жизни отца?!

— Господин Тирбах, для утверждения соглашения нам необходимо ехать в Делинджер, — сказал Варлей.

Сколько времени это займет? — опять выступила вперед Полетт.

— Я думаю, неделю.

— А не могли бы мы оформить соглашение здесь? — спросила Полетт. — Дело в том, что у Руди выпускные экзамены. Поездка может все сорвать.

— Пока мы должны избегать огласки... А здесь...

Я понял, что пришла моя очередь вступить в разговор:

— Дорогой Рудольф, я могу быть твоим поверенным во всех делах.

После обсуждения этого предложения Рудольф выдал мне доверенность на полномочное ведение переговоров и на подписание соглашения о пересадке Эдварду Тирбаху мозга донора.

Варлей не торопился расстаться с молодым Тирбахом. Но говорить с ним при мне не решался. Я догадался, что могу быть посвященным в какую-то тайну, и не отходил от Рудольфа ни на шаг.

Увидев тщетность своих намерений остаться с Рудольфом наедине, Варлей, наконец, выдавил:

— Господин Тирбах, я хотел бы поговорить с вами еще об одном обстоятельстве...

— Я вас слушаю.

— Видите ли, у нас нет уверенности в благополучном исходе операции... Впрочем, вашему отцу нечего терять... До того, как все станет ясно, о пересадке никто не должен знать.

— Согласен, господин Варлей, мы будем молчать, — как-то буднично пообещал Рудольф.

Я сообразил, что могу использовать этот факт в своих интересах. Обронив ненароком фразу о том, что мне тоже пора на родину, я ждал ответных ходов со стороны Варлея и не ошибся.

Он предложил мне возвращаться вместе, и, получив мое согласие, заказал два билета на самолет.

В машине по дороге в аэропорт я как бы между прочим сказал Варлею:

— Как удачно вы, господин Варлей, явились со своим известием о старом Тирбахе. До вас я не знал, что делать со своим очерком. И вы сразу сняли все проблемы!

— Вы журналист? — удивился Варлей.

— Да, из «Фурора»...

И я как можно бесхитростнее поведал ему о своих авторских затруднениях...

— А не лучше ли подождать с публикацией? — Взгляд маленьких глаз Варлея был колючим и настороженным. — Тирбах вернется к жизни, он узнает о поступке Рудольфа, и, надеюсь, их отношения наладятся сами собой.

Я не согласился с ним:

— Тут важен общественный резонанс. Семейный конфликт Тирбахов типичен для наших деловых кругов.

Варлей замолчал, потом осторожно сказал:

— Господин Хьюз, поговорим как деловые люди...

— Я догадываюсь о ваших проблемах, господин Варлей. Руководство Центра не заинтересовано в преждевременном оповещении об этой операции, так как неудача может надолго задержать ее внедрение в клиническую практику. Не так ли?

— Правильно. Вы случайно оказались так близко к уникальной операции и, конечно, жаждете выйти на страницы «Фурора» с сенсационным сообщением.

— Безусловно!

Варлей откинулся на спинку кресла:

— В ответ на мое предложение подождать вы будете ссылаться на ваше право, на свободу печати. Но я предложу вам...

— Одну минуту, — перебил я его. — За мое молчание вы предложите мне сто тысяч дин.

— А вы попросите пятьдесят тысяч выплатить вам сразу по прибытии в Делинджер, остальные — после операции? — засмеялся Варлей.

Так между нами было достигнуто джентльменское соглашение.

8

По возвращении в Делинджер я получил чек на пятьдесят тысяч дин, а потом попросил выдать мне свидетельство о смерти Эдварда Тирбаха. В то время я не подумал ни о возрасте Тирбаха, ни о его здоровье.

Предвидя возможные разногласия относительно того, кем считать реципиента после операции, я хотел держать в своих руках нити этого дела, тем более что когда-то сам изучал законоведение...

— Свидетельства о смерти Тирбаха еще нет, — ответил мне Варлей.

Я посмотрел ему в глаза и улыбнулся.

— Для успешного завершения нашей сделки такое свидетельство надо составить.

— Это почти невозможно.

— Почему же? Ведь вы утверждали, что Тирбах обречен...

— Видите ли, фирма предвидит, что такое свидетельство осложнит идентификацию личности Эдварда Тирбаха.

Вот в чем дело! Значит, в Центре тоже понимали последствия операции и тем не менее шли на нее.

— Я думаю, что осложнения возникнут в любом случае.

— Возникнут, но их можно будет устранить. А свидетельство делает их неразрешимыми.

— Вам знаком своенравный характер Эдварда Тирбаха. Вы вернете его к жизни, а он ради очередной сенсации изменит завещание и оставит вас без гонорара! Но если составить по всем правилам документ о его кончине...

После выдачи свидетельства о смерти Эдварда Тирбаха Варлей с нетерпением проговорил:

— Надеюсь, теперь вы готовы подписать соглашение?

— Не совсем.

— Что у вас еще? — В его голосе послышалось раздражение.

— Я бы попросил внести в соглашение пункт о том, что в случае неудачи с операцией все расходы на себя берет ваше Бюро.

Варлей начал было торговаться, но я отрезал:

— Если вы не готовы к операции, то я отказываюсь от своих обязанностей. Почему ваши эксперименты кто-то должен оплачивать? Я бы хотел знать, какие кандидаты в доноры у вас имеются?

Варлей удивился моей осведомленности в таких вещах и без обиняков доложил:

— Высший балл при исследованиях умственных способностей получил некий Боб Винкли.

Ознакомившись для видимости с данными кандидатов, я сказал:

— Ну что ж, я согласен на Винкли, но при этом прошу внести в договор определение о том, какую пересадку следует считать удачной.

— Разумеется, удачную с медицинской точки зрения.

— Мы с вами заинтересованы в том, чтобы Дуономуса признали Эдвардом Тирбахом. Однако может случиться, что пересадка мозга удастся, человек будет жить... Но кем он станет? Поэтому прошу внести в договор уточнение... В пункте десятом, где сказано о затратах на неудачную операцию, добавить: «Пересадка будет считаться удачной, если Рудольф Тирбах обретет отца».

Уже после подписания договора Варлей признался:

— Ну, дорогой Хьюз, не ожидал, что вы окажетесь законченным крючкотвором.

Это было первым признанием моих деловых способностей.

Операция прошла успешно. Варлей регулярно извещал меня о самочувствии пациента.

Я волновался и не мог отделаться от назойливого вопроса:

кого я увижу в клинике — Тирбаха, Винкли или некий гибрид? Ведь ясно, что Боб Винкли должен будет играть роль Тирбаха. Но насколько убедительным и органичным окажется его поведение в образе могущественного финансиста? А с другой стороны, если поведение будет безупречным, как мне определить, кто же передо мной?

Меня буквально по пятам преследовала Лиз, настойчиво просила взять ее в клинику.

Пришлось обещать ей это.

Наконец я получил разрешение на встречу с Дуономусом.

Дежурный врач тихо открыл дверь палаты. В кресле сидел человек в элегантном светло-сером костюме и с фуляром из голубого шелка. Эдвард Тирбах, будем и мы называть его так, медленно приподнялся. Его неторопливые, точно рассчитанные движения были не знакомы мне... Но взгляд с резким и хитрым блеском принадлежал Бобу. Правда, иногда серые глаза моего друга почему-то казались голубыми и холодными, и все лицо становилось каким-то отчужденным.

— С кем имею честь, господа?

Я вспомнил, каким живым и выразительным было лицо Боба.

— Господин Хьюз со своей знакомой, — представил нас Варлей; Тирбах слегка наклонил голову. — Как вы уже знаете, господин Тирбах, Кларк Хьюз был уполномочен вашим сыном представлять его интересы при подготовке операции.

— Очень приятно, господин Хьюз, — сказал Тирбах. — Мне сказали, что вы проявили горячую заинтересованность в том, чтобы мне пересадили хороший мозг.

«Неужели он действительно никого не узнал? Тирбах Тирбахом, но Винкли должен был узнать хотя бы Лиз».

— Я всего лишь добросовестно выполнял свои обязанности, возложенные на меня Рудольфом, — проговорил я.

— Вы давно видели моего сына? — спросил Тирбах.

— Месяц тому назад.

— Какое впечатление Рудольф произвел на вас?

— Отзывчивый и обаятельный молодой человек с добрым сердцем. — Я сознательно налегал на эту сторону характера Рудольфа. — Узнав о том, что вы попали в беду, он без колебаний отказался от своей доли наследства, чтобы вернуть вам жизнь.

— К этому поступку я отнесусь так, как он того заслуживает. Однако вы перечислили второстепенные качества Рудольфа: обаяние, доброту, отзывчивость... Чувства, как правило, служат помехой в любом серьезном деле. А его ум, воля? Деловая хватка?

— Мне кажется, у Рудольфа есть все необходимое для успеха: живой ум, талант и завидная работоспособность.

— Неплохо. Однако он по-прежнему сторонится деловых операций? Даже моим воскрешением, будем говорить так, поручил заниматься вам, по сути, постороннему человеку.

У Дуономуса был мозг Боба Винкли, но образ мыслей — старого Тирбаха! Мне стало не по себе. Лиз смотрела на него неподвижным, скорбным взглядом; ей было трудно сдерживать свои чувства.

Тирбах налил в бокал из сифона какой-то напиток и стал медленно пить. А я невольно вспоминал, с какой жадностью, не переводя дыхания, утолял жажду Боб Винкли.

Дверь резко открылась, и в палату вошла молодая женщина. Белокурые локоны, прелестное лицо с нежным овалом... По множеству газетных фотографий я сразу же узнал Кэт Тирбах.

Она остановилась у двери, взгляд был прикован к Тирбаху.

Эдвард Тирбах не спеша повернулся, некоторое время пристально смотрел на нее, потом сказал:

— Кажется, пожаловала моя жена, — однако лицо его осталось непроницаемым. — Очень приятно, что ты не забыла меня, моя дорогая.

Мне показалось, что он избегает называть ее по имени.

А Кэт словно лишилась дара речи. Широко раскрыв глаза, она с удивлением и испугом смотрела на Тирбаха.

— Ты, кажется, не узнаешь меня, дорогая? — проговорил Тирбах.

Кэт продолжала молчать.

— В чем дело, Кэт?

— Ты другой, — еле слышно, с придыханием произнесла она.

— Я не изменился, — спокойно возразил Тирбах. — Изменилось лицо, возможно, голос... Но тело осталось мое. — Кэт молчала. — У меня чужой мозг, но я тебя помню. А ты? Неужели ты все забыла?! Гавайи и Лазурный берег? Яхту с командой и особняк со слугами?

В этих словах Тирбаха мне почудился какой-то сбой. Такие вещи не следовало выяснять при посторонних.

— Правда, я выражаю исключительно свои чувства, — продолжал Тирбах. — Неужели, дорогая, наша совместная жизнь не была счастливой? Или ты была вынуждена терпеть рядом с собой богатого старика? И мое воскрешение для тебя...

— О, нет! Нет!.. Я не права, — еле слышно проговорила Кэт.

— Ты о чем?

— О пересадке...

— Не права? Не уверен, дорогая! Может быть, как раз ты и была права. Может, мне лучше было не возвращаться в этот мир, не подвергать испытанию любовь и преданность близких?

— О господи! — Кэт растерянно глядела на него.

— Почему ты не хотела моего возвращения? Ты могла бы честно сказать: «Я выполнила свой долг. Я вернула тебе жизнь. Но не могу любить человека, побывавшего на том свете». Это я понял бы. Для меня было бы достаточно видеть тебя на расстоянии.

Со своей трудной ролью мой друг Винкли (если это был он) справился великолепно. Лишь один момент в поведении Тирбаха — Винкли обеспокоил меня: не слишком ли настойчиво посвящает он нас в свои отношения с «женой»? Или мне это только кажется? Или я нахожусь в плену у собственных ожида-

ний? Любимая женщина, которую Эдвард боготворил, с которой он пережил вторую молодость, предала его! Разве этого не достаточно, чтобы вывести его из состояния равновесия?!

Кэт стояла потупившись. После некоторого молчания Тирбах продолжал:

— Не согласившись на пересадку мне чужого мозга, ты предпочла иметь вместо меня мое наследство. — Кэт молчала. — Ты сама сделала выбор. Я передам адвокату, чтобы он подготовил дело о разводе. Но я не злопамятен, надеюсь, тебе будет достаточно миллиона?

— Тебя, видимо, неправильно информировали, дорогой. Я не соглашалась на пересадку только потому, что Бюро не гарантировало благополучного исхода операции.

Тирбах раскатило рассмеялся. Я вздрогнул: это был смех Боба Винкли. Лиз сжала мою руку.

— Я прослушал запись твоего разговора с Варлеем. Ты отвергла его предложение, заявив, что мое воскрешение не в твоих интересах.

Даже неестественное возбуждение Тирбаха не помешало ему увидеть на лице Кэт крайнюю растерянность. После паузы он продолжил уже другим, покровительственным тоном:

— Дорогая Кэт, ты была уверена, что Рудольф не согласится отказаться от денег, которые ему жизненно необходимы. Но ты просчиталась, моя дорогая. Вот перед тобой поверенный в делах Рудольфа Кларк Хьюз. — Я поклонился. — Он подтвердит тебе, что мой сын ни секунды не колебался, выбирая между моим воскрешением и своим наследством.

Глаза Кэт сверкнули. С лицом произошла резкая перемена, и теперь на нем появилось какое-то неприятное, хищное выражение. Это была уже не безобидная и растерянная Кэт, а совсем другая женщина — волевая, жестокая, способная на все ради своих интересов.

— Вы не Тирбах, мистер Икс! — Она произнесла слово «мистер» таким презрительным тоном, словно хлестнула Дуономуса плеткой по лицу. — Нет, я вас никогда не признаю! Эдвард Тирбах мертв. Я видела это своими глазами в морге. И никакие ученые и юристы не докажут, что передо мной Тирбах. Вам не удастся завладеть чужими миллионами. — Она направила к двери, но на полпути обернулась и добавила: — Если хотите знать, я люблю Тирбаха, но не старика. Я люблю Рудольфа. Я была готова разделить с ним все, даже нужду. Но он не замечал меня. — Глаза Кэт, казалось, ничего не видели. — И тогда я приняла предложение старого Тирбаха... Чтобы быть ближе к Рудольфу. Это я уговорила Эдварда отказаться сыну в наследстве, чтобы потом Рудольф попал в зависимость от меня. Я надеялась, что смерть Эдварда поможет нам с Рудольфом сблизиться. И я еще не отказалась от этой мысли!

Позже я узнал, что из Центра Кэт направилась к своему поверенному в делах Рональду Боуэну. Она была очень взволнованна.

— Я всю дорогу обдумывала, как мне быть... Надо обращаться в суд. Другого выхода нет...

(Эту беседу я воспроизвожу по воспоминаниям Р. Боуэна, опубликованным в «Ревю дэ медсан».)

— Успокойтесь, дорогая.

Боуэн протянул ей стакан воды.

— Я была сейчас у Эдварда... у мужа...

— Ну и как он?

— Весь ужас в том, что это вовсе не Эдвард, а другой человек.

— У Эдварда другой интеллект, вам привыкнуть к этому, конечно, нелегко. Чего же вы хотите от суда?

— Чтобы он вынес решение, что это не Тирбах.

Боуэн, по его признанию, сразу же оценил грандиозность ее замысла. Но небывалая сложность дела испугала даже его — адвоката, жаждавшего громких процессов.

После некоторого молчания Боуэн осторожно заговорил:

— Это очень серьезная и трудная проблема. Ни один судья сейчас не примет наш иск к рассмотрению. Нужны веские доказательства того, что Дуономус — не Тирбах, что новый интеллект изменил личность Тирбаха. Согласно заверениям ученых, Эдварду заменили мозг, только и всего. — После паузы, так же тщательно подбирая слова, продолжал: — А если дело дойдет до суда, вам могут приписать корыстные мотивы. Вспомнят ваше поведение при решении вопроса о пересадке мозга...

— Но Эдвард сам возбуждает дело о разводе, — проговорила Кэт. — Меня не устраивает, что он оставляет мне только миллион...

— Я бы советовал вам согласиться...

— Поезжайте и посмотрите на этого Дуономуса! — перебила Кэт. — Это совсем другой человек! Это не Тирбах!.. Если вы боитесь, я найду другого адвоката.

— Прежде чем дать вам окончательный ответ, я хотел бы познакомиться с новым Тирбахом.

— Это уже другой разговор.

— Все-таки вынужден предупредить вас... Борьба будет тяжелой. Внешнее сходство здесь не играет никакой роли. У Тирбаха другой образ мыслей... Но он в здравом рассудке и уверен в себе...

— Ну, тут тоже можно найти зацепки...

— Зацепки? Конечно, но в суде нам обоим предстоит архитрудное дело. Аргументы, доводы против мистера... э, Тирбаха...

— Мистера Икс, — поправила его Кэт.

— Да, против мистера Икс придется еще поискать.

На следующий день в «Фуроре» был помещен мой репортаж. По известности Эдвард Тирбах теперь мог тягаться с кинозвездами и идолами эстрады. Газеты разошлись моментально. К девяти часам был напечатан дополнительный тираж.

Через несколько дней в конкурирующей с «Фурором» газете

«Обсервер» появилась статья, которая сразу же привлекла к себе мое внимание.

«Когда-то пересадка человеку мозга считалась чудом. О ней мечтали и говорили главным образом фантасты. Однако фантазеры не имели основательной научной подготовки. С трансплантацией мозга они связывали лишь изменение образа мыслей личности...»

Печально, что ныне в плену заблуждений фантастов оказались и ученые.

Медики отводят мозгу второстепенную роль при определении личности, считая его лишь инструментом мышления, чем-то вроде компьютера, который может быть придан тому или иному организму.

Забыв о моральной ответственности, хирурги оказали банковскому клерку Р. Винкли неоценимую услугу, они пересадили Эдварду Тирбаху мозг Винкли, таким образом, отдали последнему наследие миллиардера...

...В высоких кругах высказывается мнение, что необходимо создать авторитетную комиссию из видных медиков, психологов и юристов, которая бы тщательно исследовала личность Дуономуса и ответила на волнующий всех вопрос: «Кто есть кто?»

И подпись: «Марк Хилл».

Я чувствовал, какая опасность нависла над замыслами Боба Винкли, и не сомневался, что имею дело с первыми шагами адвоката Кэт Тирбах.

Что можно было сделать в создавшейся ситуации? Я уговорил Краски поместить в следующем номере мой ответ, в котором я, не давая волю чувствам, доказывал, что статья Марка Хилла написана поспешно.

«...Если бы автор потрудились хотя бы познакомиться с Дуономусом, понаблюдать за его поведением, то он, без сомнения, изменил бы свои умозрительные выводы...»

Я тактично оговорился, что, не предвзято событий, называю оперируемого Дуономусом, как это определили ученые-медики. Дальше я сообщал, что в свое время, будучи на службе в Бюро, имел дело с неким Р. Винкли. И сейчас, увидев Дуономуса, я ни в малейшей степени не сомневался, что передо мной известный миллиардер Эдвард Тирбах; вернее — человек, несколько отличающийся от него, но не настолько, чтобы не узнать в нем типичного представителя делового мира.

Когда я слушал объяснения Дуономуса с Кэт, у меня не появилось ни малейшего сомнения в том, что это был сам Эдвард Тирбах.

Более того, Дуономус не узнал вдову Винкли, которую привело сюда понятное желание посмотреть на человека, в котором ожил интеллект ее бывшего мужа.

«Мне кажется, что решение вопроса о личности Дуономуса, — писал я далее, — в первую очередь зависит от того, кто был реципиентом, а кто — донором. Ведь операция проводилась ради спасения жизни Эдварда Тирбаха!

Конечно, я вовсе не хочу сказать, что за всем этим стоит Кэт Тирбах, которая во имя своих интересов однажды отреклась от своего мужа; я только хочу напомнить, что операция

была произведена в полном соответствии с волей Эдварда Тирбаха».

С газетных страниц не сходили фотографии Эдварда Тирбаха, Боба Винкли, Дуономуса, а также Кэт и Лиз. Уникальная операция, сделанная известному предпринимателю, повлекла за собой громкий скандал, придавала истории особую остроту. Дуономусом интересовались медики, психологи, ученые, политики, школьники, домохозяйки...

Некоторые всерьез доказывали, что Дуономусу надо разрешить иметь двух жен, так как и Кэт Тирбах, и Лиз Винкли имеют на него равные права. И если, по слухам, Кэт Тирбах затевает судебный процесс, то же самое с наименьшими основаниями может сделать и Лиз Винкли.

Все сведения о Дуономусе я получал от Варлея, который извещал меня, что Эдвард Тирбах чувствует себя хорошо, к газетной перепалке относится равнодушно, выпады в свой адрес игнорирует. Начал исподволь заниматься делами своей обширной «империи».

Лиз довольствовалась одними газетными сообщениями и была очень рада, когда я заходил на минуту поделиться с ней тем, что узнавал от Варлея.

Однажды в моем кабинете зазвонил телефон.

— Господин Хьюз? — послышался в трубке незнакомый голос.

— Слушаю.

— С вами говорит секретарь Эдварда Тирбаха. Вы не могли бы подъехать сейчас к патрону на Хорвуд-стрит?

— Конечно, — с готовностью ответил я.

— Высылаю машину.

— Пожалуй, я быстрее доберусь на своей.

«Ну вот, кажется, Боб все вспомнил сам. Слава богу, что я ничего не успел предпринять».

Тирбах сидел за столом и перебирал какие-то бумаги. При моем появлении он медленно поднял голову и дружелюбно предложил:

— Садитесь, Кларк. Вы завтракали?

— Откровенно говоря, не успел.

Он сделал знак секретарше, и нам принесли сандвичи, кофе...

— Очень признателен вам за статьи, — начал Дуономус. — Для меня это весомая поддержка.

Вопреки моим ожиданиям говорил он сдержанно и своим тоном сразу же установил в наших отношениях некоторую дистанцию.

— Мне понравился ваш тезис относительно реципиента и донора. Удивляюсь, что кто-то этого не понимает.

Я молчал, не зная, как вести себя с Дуономусом.

— Сегодня я хотел бы еще раз воспользоваться вашей помощью, — продолжал Тирбах. — Мы отправимся в банк. До меня дошли сведения, что там за время моего отсутствия немного запустили дела. Я хочу появиться в банке неожиданно. Ну а свое журналистское дело вы знаете...

— Очень признателен вам за доверие.

Он заметил мою нерешительность в разговоре с ним и сказал:

— Я думаю, дорогой Кларк, нам с вами лучше без формальностей. Зовите меня просто Эдвард.

Я согласно кивнул.

Внимательно посмотрев на меня, он задумчиво произнес:

— Похоже, дорогой Кларк, что вы неискренни со мной, мой вид чем-то смущает вас. Из всех людей вы имеете самое близкое отношение к моей операции («Какую операцию он имеет в виду: деловую или хирургическую?») К тому же вы доверенное лицо не только моего сына Рудольфа, но и мое. Вы были в курсе всех моих дел и намерений. Ведь от вас зависело, чьим мозгом я воспользуюсь...

Похоже было, что эти слова сказал Боб. Однако вопреки всякой логике в его речь вплелись фразы о сыне Рудольфе. Что это: плохая игра Боба? Или в этом Дуономусе действительно все перепуталось?

— Мне нравится, что вы защищаете мои законные интересы, да, да, законные... И я надеюсь с вашей помощью разрешить некоторые затруднения. — Тирбах поморщился, приложил руку к груди. — Сердце беспокоит...

Он вынул из кармана серебряную коробочку, достал таблетку и положил под язык. Некоторое время молчал, словно проверяя что-то с помощью внутреннего локатора, потом сказал:

— Знаете, Кларк, иногда я уже сожалею об этой пересадке. У меня очень много денег. Но хорошим здоровьем не могу похвалиться. Организм слишком стар. Поневоле начинаешь думать, что лучше бы мне остаться... там, — и показал рукой вверх.

Что это: запоздалое раскаяние Боба, признание медицинской операции ошибкой?

Он дышал очень тяжело, и время от времени словно прислушивался к тому, что происходило у него внутри...

— При ваших-то капиталах можно заменить и другие органы, — проговорил я и запнулся.

— В Центре мне советовали... Замена отдельных органов ничего не даст. Почки, сердце — этого мало... У меня никуда не годятся сосуды.

Я не знал, что ответить ему.

— Да, сейчас все возможно, — задумчиво проговорил Тирбах. — Но я хочу остаться самим собой... Сегодня я забираю вас на весь день... Не возражаете?

— Наоборот, буду рад сопровождать вас.

Тирбаха в банке не ждали. Секретарша управляющего строго посмотрела на нас и сказала:

— Господин Шнитке занят, пройдите к заместителю.

Тирбах мягко возразил:

— Передайте господину Шнитке, что если его секретарь еще раз не узнает меня, я прикажу уволить его.

Управляющий разговаривал с посетителем. Увидев нас, он резко повернулся:

— В чем дело, господа? Калерия, — обратился он к вошед-

шей следом секретарше. — Я же просил никого не принимать. — Господин Шнитке, я предупреждала, но господин Тирбах очень настаивал. — Она выделила слово «очень».

Управляющий вскинул голову, торопливо поднялся:

— О, извините, господин Тирбах. Почему вы не предупредили?

— Мне хотелось сделать вам сюрприз. Сегодня я, как кинозвезда, в сопровождении прессы... Кларк Хьюз из «Фурора». — И он указал жестом в мою сторону.

— Рад познакомиться. — Шнитке протянул руку. — Я вас слушаю, господин Тирбах.

— Пожалуйста, журнал учета операций за два последних месяца.

— То есть все расчеты компьютера? — переспросил Шнитке.

— Нет. Техника, конечно, хорошо, но я привык работать по старинке, хочу просмотреть все своими глазами.

Получив несколько листов с рядами машинописных цифр, Тирбах проговорил:

— Ну что же, не буду вас отвлекать... Я поработаю в своем кабинете...

Тирбах бегло просматривал колонки цифр.

Я понимал, почему он решил продемонстрировать мне знание банковских дел. Ведь для моего друга цифры были родной стихией.

Поведение Боба в образе Тирбаха было безупречным! Но меня тревожило, что Винкли опять использует меня в своих интересах, а о вознаграждении не подумает... Конечно, работа оценивается по результату. Но ведь я не впервые помогаю ему! Через полчаса заглянул управляющий.

— Вам ничего не нужно, господин Тирбах?

— Благодарю вас. Присядьте, пожалуйста. Я заканчиваю просмотр документов и хочу кое-что выяснить.

Он положил бумаги на стол.

— Дорогой Шнитке, направляясь сюда, я думал, что дела без меня пришли в упадок. Но я ошибся. В целом я доволен состоянием отчетности. У меня только два вопроса.

— Слушаю, господин Тирбах.

— Первый... Почему вы вопреки моему запрещению выдали крупную сумму фирме Нординга?

— Нординг согласился на двенадцать процентов годовых и дал солидное обеспечение под ссуду.

— Какое именно?

— Закладные на крупное дочернее предприятие пластмасс, оцененное экспертами в одиннадцать миллионов.

— Закладные в сейфе?

— Конечно.

— Почему об этом обеспечении нет никаких записей?

— Разве? Я разберусь.

— И еще одно. В апреле отмечено поступление одного миллиона в погашение ссуды от фирмы Буаре. Из записей следует, что этот миллион был переведен в филиал нашего банка в Дризе. Однако его поступление туда не зафиксировано.

— Сейчас разберусь, сэр.

Шнитке взял бумаги...

— Переведите этот миллион в Париж на имя моего сына.

— Хорошо, господин Тирбах.

— Попрошу принести мне закладные Нординга.

— Но для этого надо вскрывать сейф.

— Вскрывают.

После ухода Шнитке Тирбах опять достал серебряную коробку.

— Сердце беспокоит все сильнее, — проговорил он. — Неужели я ничего не успею... и все пойдет прахом? Это ужасно! За что покарал меня бог, лишив преемника в делах?.. — Превозможная слабость, он поднялся, опираясь на край стола. — Теперь поедem к вам.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Мне пришло в голову купить несколько газет, — объяснил Тирбах. — Начну с «Фурора». С ним вопрос уже решен. Бумаги оформим на ваше имя.

Кажется, наступил момент, которого я так долго ждал... Тирбах вновь сел в кресло и закрыл глаза. Казалось, он дремал.

Скоро вернулся Шнитке. Вид у него был довольно понурый...

— Что-нибудь не так, Шнитке? — поднял голову Тирбах.

— Закладных Нординга в сейфе не оказалось, — растерянно произнес тот.

— Я так и думал.

— Но нам удалось уличить в краже нашего служащего О'Коннена. Он сознался, что за крупную сумму обещал вернуть их Нордингу. Потому и не дал о них никаких сведений.

— Дальше!..

— К счастью, О'Коннен не успел передать их Нордингу, ждал, пока получит от него перевод.

— А что с миллионом?

— С миллионом хуже. В апреле он был переведен в дризский филиал. И, как я сейчас выяснил, там его получили по фальшивой доверенности. Видимо, не обошлось без сговора с кем-то из дризских служащих...

— Вы не выяснили, кто получил?

После заминки Шнитке сказал:

— Наш бывший клерк Боб Винкли.

На лице Тирбаха появилась растерянность. Но уже через секунду он расхохотался. Смеялся долго, до слез.

— Вот так история! Умно сработал, шельмец. Теперь не с кого и взыскивать!..

«Вот оно, еще одно дельце Боба, на которое он намекал».

— Бог с ним, с Винкли, — продолжал Тирбах. — Проведите эту сумму как дополнительные затраты на операцию. Рудольфу отправьте миллион из основного фонда.

На другой день газеты подробно описывали посещение Тирбахом банка и покупку «Фурора». Вокруг Дуономуса поднялась очередная бумажная буря. Упоминалась хитроумная махинация Боба Винкли. Естественно, журналисты не могли обойтись без

язвительных острот по поводу того, что герой сам у себя украл миллион. Как и следовало ожидать, многие упирали на то, что Дуономус (или скрывающийся за ним Боб Винкли), забирает в свои руки миллиарды Тирбаха. Не пора ли остановить его? Не время ли до выводов особой комиссии наложить секвестр на имущество Эдварда Тирбаха?

В ответной статье я подробно описал действия Тирбаха, доказывая, что он вел себя предельно разумно и прекрасно разобрался во всех банковских операциях, что только благодаря своей высокой компетентности заметил непорядок в документах и предотвратил затеваемую Нордингом аферу. Находящийся под следствием О'Коннен признался, что был подкуплен Нордингом, и дал согласие рассказать об этой махинации подробнее.

Заканчивалась статья так.

«Присвоение миллиона Бобом Винкли, которое выбрали миссией наши острословы, было раскрыто тоже не кем иным, как Тирбахом. Не случайно журналисты опустили этот красноречивый факт. Если бы под маской Дуономуса находился Боб Винкли, результаты проверки, вероятно, были бы другими».

Теперь у меня появилось множество новых ответственных забот, и я проводил в редакции дни и ночи. Хотелось все проверить, за всем проследить... Дело оказалось довольно хлопотным. Оно не только дисциплинировало меня, но все сильнее забирало в свои сети, все настойчивее вносило коррективы в мои решения и поступки. Я с грустью констатировал, что перестаю принадлежать самому себе...

Однажды поздним вечером в редакции зазвонил телефон. Я машинально взглянул на часы: половина одиннадцатого. Кто же в такую пору мог звонить мне в этот кабинет?

— Кларк? — слышался в трубке вроде бы знакомый голос.

— Да...

— Ты, старина, совсем не отдыхаешь!

— Простите, кто это? — удивился я фамильярному обращению.

— Эдвард Тирбах.

— Очень приятно, господин Тирбах.

— Перед сном надо обязательно гулять. Пойдем подышим свежим воздухом.

— С удовольствием.

Приглашение на прогулку скорее всего исходило от Боба, но полной уверенности в этом не было. Смогу ли я, наконец, убедиться в воскрешении друга?

В бодрящей прохладе сквера мы провели около двух часов. Собеседник шагал очень медленно, часто останавливался... Голова его была занята мыслями, которые он не считал возможным поверять мне. Это мог быть и Тирбах и Винкли, но в нем было заключено и единство их. Я понял, что должен окончательно распрощаться с Бобом Винкли. Прежнего банковского клерка больше не существует! Вместо него есть финансовый магнат по имени Эдвард Тирбах, отношения с которым надо строить на другой, чисто деловой основе.

Тирбах словно понял, о чем я думаю.

— Ну, как твои газетные дела? — спросил он.

Я коротко объяснил ему, что уже вошел в курс дела; что предприятие должно быть жизнестойким, конкурентоспособным, должно непрерывно развиваться, совершенствоваться...

— Я ввел новую должность советника по реорганизации газетного дела, поставив на это место толкового молодого специалиста. Я не дал новому служащему постоянного места, ведь конкретно он ничем не руководит. Четыре часа в день он ходит по отделам и редакциям, присматривается, анализирует, отмечает неполадки... Посещает другие издательства... А потом подготавливает предложения по улучшению, расширению... Я обдумываю их, прокручиваю на компьютере... И уже кое-что начинаю изменять. Например, организовываю выпуск красочного воскресного приложения для женщин.

К моему удивлению, оказалось, что Тирбах хорошо разбирается в издательских делах. Он стал расспрашивать о содержании и тематике статей еженедельника, о формате и объеме газеты, о качестве бумаги и фотографий... Иногда он делал замечания.

— Да, ты абсолютно прав: для женщин очень важно найти дружеский, доверительный тон. Главным редактором приложения обязательно должна быть женщина.

— У меня есть кандидатура, — ответил я.

Появилось такое ощущение, будто вернулись прежние времена, когда я гулял здесь с Бобом Винкли, только теперь оба мы были в новом качестве.

Эдвард опять понял меня без слов, а может, мы с ним думали об одном и том же... Потому что на прощанье он сказал:

— О твоей деловой хватке я уже слышал от Варлея. Теперь сам убедился в наличии у тебя завидной инициативы и предприимчивости. Признаюсь, ты выдержал самый надежный экзамен для руководителя. Я рад, что не ошибся в тебе.

11

Да, это был Эдвард Тирбах!

Вскоре мне опять позвонил его секретарь и сказал, что Эдвард в клинике Центра и хотел бы повидать меня.

— Что с ним? — встревожился я.

— Приезжайте, узнаете.

В клинику я попал в середине дня. Эдвард был уже на операционном столе.

Варлей сообщил мне, что Тирбах заключил с ними договор на пересадку ему здорового молодого тела.

— Правда, официально операция называется иначе, — продолжал Варлей, — и по документам проходит как замена Эдварду Тирбаху некоторых органов... Его самочувствие заметно ухудшилось, и другого выхода не было. Тирбах очень хотел видеть вас, но откладывать операцию не стал.

— А как же заключение ваших специалистов? — спросил я.

— Какое заключение?

— О решающей роли генов и всего организма в установлении личности Дуономуса...

Варлей, как мне показалось, усмехнулся.

— Неужели вы не оценили ситуации? — Я посмотрел на него с нарочитым недоумением. — Пересадка мозга сулила дополнительные миллионы. Надо было подготовить почву, чтобы к этой операции относились, как к пересадке любых других органов.

— Как! Неужели ученые рискнули на фальсификацию?

Может быть, выражая неподдельное возмущение, я переиграл, но только Варлей пошел на попятную:

— Ну, какие-то данные о влиянии генов и всего организма на интеллектуальную деятельность, видимо, были получены. Я ведь не ученый и не знаю всего. Я сообщил вам свои субъективные выводы, которые сделал на основе анализа общего положения дел, а также некоторых реплик и оговорок руководителей Центра. Надеюсь, вы не будете излагать в газете мои догадки. Теперь у вас с Тирбахом общие интересы.

Я промолчал. А Варлей добавил:

— Перед операцией Тирбах заявил: «Грош цена вашим научным изысканиям! Главным фактором, определяющим личность, являются деньги. Какие бы органы ни пересаживали, после операции останется тот, кто за нее платит».

Несколько дней Тирбах находился в реанимации. Я наведывался к нему. Он был без сознания и бредил. Звал Кэт, Рудольфа, Лиз. Кому-то клялся в любви, говорил, что он обновился и стал по-другому смотреть на жизнь.

А через день, не приходя в сознание, Эдвард Тирбах скончался.

В газетах появились сообщения о том, что перед операцией Тирбах составил новое завещание. По этому поводу высказывались самые разные предположения.

На процедуру оглашения завещания собрались представители прессы, радио, телевидения! Словно на инаугурационную речь президента.

Дело Дуономуса я считал своим и продолжал писать о нем в газете.

Нотариус неторопливо распечатал конверт. Прочитав, как положено, вступительную часть о здравом рассудке завещателя, он повысил голос:

— «Настоящим завещаю... Мой сын Рудольф Тирбах, жена Кэт и Лиз Винкли наделяются одинаковыми правами и одинаковыми частями моего наследства. Каждый из них будет получать пожизненную ренту в размере шестидесяти тысяч дин ежегодно... — В зале пронесся легкий шелест. — Все движимое и недвижимое имущество завещаю моему преемнику в делах Кларку Хьюзу, как человеку, способному распорядиться капиталом с наибольшей пользой для общества».

Так закончилась эта история, вокруг которой еще долго не стихали горячие споры.

Поскольку Высокая комиссия по определению личности Дуономуса не успела до его смерти прийти к окончательному решению, все распоряжения Тирбаха остались в силе. Комиссия переключила свое внимание на деятельность ученых Центра, подвергнув их выводы серьезному сомнению. Пересадка мозга была запрещена до получения исчерпывающих данных. Однако ученые пока не внесли в это дело никакой ясности.

Для меня это тоже не праздный вопрос. До сих пор я не знаю, кому поставить надгробный памятник со словами благодарности. Полной уверенности, что своим неожиданным обогащением я обязан Бобу Винкли, у меня нет. Сыграли свою роль гены Тирбаха или завещание — результат перехода Боба в категорию предпринимателей?

Я рад, что не успел выставить Дуономусу свои претензии. Хотя в этом случае по его реакции я бы точно узнал, с кем имею дело: Винкли, вероятно, открылся бы, а Тирбах — откупился. А сейчас ответ на эти вопросы Дуономус унес с собой в могилу.

Вечерами я часто гуляю по памятным аллеям парка, иногда вспоминаю эту историю...

Нередко меня сопровождает Кэт Тирбах. Теперь она главный редактор нашего воскресного приложения для женщин.

Рудольф остался в Париже. Его работы иногда упоминаются в печати, но знаменитостью он так и не стал. Мы изредка переписываемся и обмениваемся поздравительными телеграммами.

Лиз Винкли открыла торговое дело. Она нашла счастье во втором браке. С ней я не встречаюсь. Многочисленные заботы поглощают все мое время.

Валерий МИГИЦКО

НЕПРИЯТНОСТИ НАЧНУТСЯ В ПОЛДЕНЬ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

...А потом ничего не было. Ни видений, ни звуков, наполняющих мир вокруг. Ничего. Как будто попал в темный и безмолвный тоннель, ведущий в никуда, и дверь за тобой захлопнулась. Ты делаешь шаг, другой, тебе все равно куда идти, потому что ни одно направление здесь не имеет смысла, и какой-то меркнущий свет, и затихающие звуки, которые поначалу сопровождают тебя, — это только иллюзия света и звуков, проваливаешься куда-то и летишь, летишь в бесконечном слепом полете...

Просыпаюсь от ощущения полного и безмятежного счастья. Я молод, симпатичен, не связан никакими обязательствами, никуда не спешу, а сам жду от возможных встреч только хорошего. Осознав все это, я скидываю руку, чтобы посмотреть на часы, и обнаруживаю, что они стоят. Это наводит меня на мысль откинуть полог и выйти из палатки, что я и делаю.

Час рассвета давно миновал. Солнце находится где-то на полпути к зениту. Теплый его свет окрашивает в лирические полутона место действия, в центре которого мой лагерь: красная «Нива» и палатка под цвет авто. По обе стороны от лагеря тянется пляж, окаймленный голубовато-белесой водой. Здравый смысл призывал заночевать в каком-нибудь кемпинге, где народу в эту пору негусто, но я, черт побери, в отпуске, и мне нравится самому решать, что делать. Решения эти, как правило, неординарны. Наверное, потому, что остальные одиннадцать месяцев в году за меня решает кто-то другой.

Продолжаю знакомиться с пейзажем, который в радиусе возможного контакта приятно разнообразит отсутствие людей. С галерки с холодным безразличием взирают на окружающие

Художник Вячеслав ЛОСЕВ

красоты горы. Впереди, на авансцене, замерли в искусно выпланных декорациях моря несколько лодок. С этими лодками связана какая-то тайна, ибо расположились они довольно далеко от берега и в них никого нет. Мыс с указующим перстом маяка неспешно огибает чернобокий танкер под заморским флагом.

Забота о приличествующем случаю костюме заставляет меня наведаться в палатку и оставить там джинсы и свитер. Появляюсь в одних плавках и оглядываю себя как бы со стороны. Грудь развернута, в облике чувствуется сила, взор решителен и смел. Вот только подзагореть бы малость... Воображаю в десятке метров от своего местонахождения некую соблазнительную блондинку и под ее восхищенным взглядом медленно вхожу в воду.

Вода тепла и почти невидима; на близком дне рельефно выделяется каждый камешек. Погружаюсь по грудь и выдаю метров тридцать энергичного спринта кролем, убеждая себя и блондинку в том, что и «мы не лыком шиты». Финишировав, переворачиваюсь на спину и застываю в блаженном состоянии ленивого покоя.

Возвращаюсь на берег и обнаруживаю, что блондинка исчезла. Жаль, позавтракали бы вместе. Подхожу к «Ниве», открываю багажник и приступаю к ревизии своих припасов. Осмотр отнимает немного времени, ибо последние представлены булкой, купленной сутки назад в Ростове, и термосом кофе, сваренным вчера вечером в Сухуми. Булка черствая, кофе совсем остыл, но первый же опыт с ними оказывается весьма успешным и вызывает желание продолжить эксперимент.

Покончив с завтраком, сажусь в кабину и минуту-другую созерцаю в зеркале заднего вида собственную физиономию. Двухдневная щетина придает ей какой-то пиратский вид. Приводить себя в порядок у меня нет ни малейшего желания, да и не для кого, но «джентльмен — он и в Африке джентльмен». Приободренный этой мыслью, лезу в чемодан за бритвой.

Солнце в зените, припекает оно совсем не по-осеннему. «Маяк» транслирует запись концерта оркестра Каравелли. Каравелли прекрасно вписывается в пейзаж. Горы с их показной невозмутимостью и Каравелли. Лодки на голубой воде и Каравелли. Мыс, белый маяк и Каравелли... Я сворачиваю в лагерь, не без сожаления оглядываю место, которое мне предстоит покинуть. Наверное, стоило бы задержаться здесь денек-другой. Но какой-то внутренний голос подсказывает мне, что впереди еще будет много достойных мест.

2

Впереди на шоссе застыл человек с поднятой вверх рукой. Выглядит сей живой монумент очень решительно, надежды на то, что в последний момент он уберется с дороги, у меня нет.

Помняв про себя «этих горцев», давя на тормоз. Останавливаюсь в метре от любителя острых ощущений и только теперь позволяю себе рассмотреть его. Мужчине лет сорок пять,

Сработали его основательно, добротнo. Он весь словно сложен из массивных, плотно пригнанных друг к другу глыб. На лоснящемся от пота лице застыла виноватая улыбка. Будучи не бог весть каким физиономистом, внушаю себе, что действия моего спутника продиктованы добрыми намерениями. Выхожу из машины и как можно любезнее спрашиваю:

— Что случилось?

Мужчина делает шаг навстречу, приведя дистанцию между нами в соответствие с его намерениями, и с акцентом, столь приятным слуху жителя средней полосы, начинает свой страстный монолог, не делая при этом пауз:

— Понимаешь дорогой у племянника свадьба племянник известный на всю Грузию животновод девушку берет замечательную известную на всю Грузию чаевода тамадой у них я а какой стол без барана тамады этот баран из отары моего дяди второго такого в Грузии не найдешь а везти не на чем машина сломалась слушай подвези километров тридцать отсюда большое дело сделаешь прошу тебя.

Соглашаться с ходу солидному человеку вроде меня не пристало. Раздумывать чрезмерно — значит, обидеть достойного тамаду, столь доверчиво поверившего мне свои несчастья. Я выдерживаю паузу до того момента, когда на лице мужчины появляются первые признаки нетерпения, и приглашаю его садиться.

Лицо здоровяка озаряет благодарная улыбка, слова признательности так и рвутся из груди, мешая высказаться связно, поэтому всю последующую работу мы проделываем практически молча. Мужчина валит барана на дорогу, мы связываем кандидату в шашлыки ноги тонким прочным капроновым тросом, который я держу на случай буксировки, и водружаем в багажник, после чего нам остается лишь занять места и продолжить наше путешествие.

По мере того как «Нива» набирает скорость, к владельцу барана возвращается дар речи.

— Руставели, — начинает он и снова замолкает.

— «Витязь в тигровой шкуре», — подхватываю я для поддержания разговора. — Читал.

— Чем хвастаешься, слушай! — обижается мужчина. — Все читали, а кто понял?

Готов согласиться, что монополия на Руставели принадлежит его землякам, но вот насчет понятия это он, пожалуй, чересчур... Не успеваю возразить, как мой попутчик объявляет:

— Это я Руставели. Я. Автандил Руставели. По профессии пожарник. По званию тамада.

Многовато для одного человека: Руставели, пожарник, тамада...

— Первый в Грузии? — уточняю я.

— В первой восьмерке, — безо всякой рисовки отвечает тамада по званию. — Ну, может быть, в десятке.

По крайней мере откровенно. Ну что ж, на доверие принято отвечать доверием.

— Олег Никитин, — представляюсь я. — По профессии — водитель-дальнобойщик. По званию — путешественник.

Подробности моего житья-бытья тамаду не интересуют.

— Какой счастливый случай занес тебя в наши края, дорогой? — спрашивает он.

— Отпуск, — коротко объясняю я.

— Куда едешь?

— Куда глаза глядят. Порыбачить хочу, поохотиться. Ружьишко вот взял, удочки. Ну и позагорать, покупаться, на песочке поваляться — это само собой. Соскучился я по солнышку.

— Солнце у нас замечательное, — соглашается Руставели. — И море замечательное. И горы. Но самое замечательное — это люди! Я тебе так скажу... Без людей самое теплое солнце, самое красивое море, самые высокие горы — ничто! Кого бог создал вначале? Солнце. Кого он создал потом? Землю, море и горы. Кого он создал в последнюю очередь? Человека! Чтобы человек мог наслаждаться всей этой красотой и поделиться своей радостью с другими людьми. Тот не заметил, этот был занят на работе, жена ушла — всякое в жизни случается... Как по этому поводу сказал наш великий поэт и мой однофамилец:

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?
Не пройдет она бесследно, коль послушаешь соседа.

Так выпьем же за то, чтоб люди... — В этом месте тамада по призыванию поспешно прерывает свою речь и смущенно объясняет: — Заговариваться стал, слушай. На этой неделе третья свадьба. Совсем голову потерял!

Вот он, благоприятный случай разрушить некое ложное представление!

Несколько лет назад одна знакомая, заманувшись на мой культурный уровень, подсунула мне томик Руставели. Поначалу дело шло туго: я не люблю, когда мне что-то навязывают со стороны. Книга пролежала без пользы месяца три до того момента, когда однажды с тоски я не начал ее листать. Потом я разогнался — кого из нас оставят равнодушным столь героические деяния, совершенные исключительно во имя дружбы! Теперь многие места из поэмы я знаю наизусть и при случае могу блеснуть своим возросшим культурным уровнем.

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так вещает нам с тобою:

Муж не должен убиваться в столкновениях с судьбою.

Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.

Коль заходит ум за разум, все кончается бедою, —

советую я тамаде.

Во время этого короткого монолога Руставели с возрастающим изумлением глядит на меня и, когда я замолкаю, требует остановить машину.

— Зачем?

— Останови, останови.

Останавливаю.

— Выходи, — командует тамада.

Он выходит первым. Я следую за ним. Пожарник спешит мне навстречу, для чего ему приходится обогнуть «Ниву». Испыты-

вая определенные сомнения по поводу его намерений, я поджидаю однофамильца великого поэта, облокотившись на открытую дверцу и внутренне напрягшись. Приблизившись на расстояние полуметра, Автандил кладет мне руку на плечо, долго меня рассматривает, потом со слезой в голосе произносит:

— Дай я тебя обниму, дорогой!

Беседа в таком вот духе и несколько раз по аналогичному поводу останавливаясь, тридцать километров мы преодолеваем за полтора часа и в конце концов прибываем в деревеньку, которую осчастлививляет своим проживанием Гроза Огня и Улада Застолья. Дом Руставели — второй на центральной улице, он скрыт за садом. Во дворе начинается какое-то оживление, из чего я заключаю, что наше появление заметили.

— Сейчас мы приведем себя в порядок, Нателла на стол накроет. А потом я тебе такой тост скажу!.. — восторженно живописует ближайшее будущее хозяин.

Перспективы действительно отменные, но, откровенно говоря, меня уже утомили тосты, к тому же ничем не подкрепленные. Извлекаю на свет банальный, но безотказный аргумент: надо двигаться дальше.

— Зачем такая спешка? — удивляется Руставели.

— Хочу засветло добраться до... — Я называю город, в котором намереваюсь расположиться на ночлег и откуда надеюсь дозвониться в Москву к... одной знакомой.

— Ждут тебя, да? — понимающе улыбается Руставели. — Женщина?

Никто меня не ждет, но он все равно не поверит.

— Да как тебе сказать... — мнусь я.

Мое смущение срабатывает с нужным эффектом.

— Раз такое дело — отпускаю! — решается тамада. — А теперь послушай, что я тебе на прощанье скажу:

Доказательствами дружбы служат три великих дела:

Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело.

С ним он делится достатком, предан он ему всецело.

Если надобность случится, поспешит на помощь смело!

Запомни эти святые слова. И еще запомни, что завтра вечером я жду тебя здесь, на свадьбе! С твоей женщиной!

Я не решаюсь отказываться напрямик.

— Даже не знаю, как получится...

— А ты не зная. Ты приезжай, и все. Понял?

— Как не понять?

— Ну вот и хорошо, — заключает Руставели и, обращаясь к барану, говорит: — Эй, шашлык, вылезай!

Полдень. За поворотом взмахом руки меня останавливает девушка. Руки и ноги сами выполняют заученные операции торможения, а я гляжу на девушку и спрашиваю себя: не присни-

лось ли? Высокая блондинка стройна, как минарет, и прекрасна, как солнечный луч, прошедший сквозь витраж готического собора. На вид ей лет двадцать, не больше. Одето это чудо природы в светлые вельветовые джинсы и свободного покроя рубашку с расстегнутым воротом. На длинной, без единого изъяна шее покоится тонкая золотая цепочка. Волосы задержавшей свой бег волной ниспадают на плечи. Такой девушке место где-нибудь на дипломатическом рауте, под венцом или, на худой конец, в грезах отпускника, а она вдруг здесь, на дороге... Чувствую, что теряю дар речи, и сверх всякой меры затягиваю паузу. А чертовка не торопит развитие событий, молчит и открыто наслаждается моей растерянностью.

Наконец, собравшись с духом, распахиваю дверцу и задаю банальный вопрос:

— Вас подвезти?

Болван, именно за этим она тебя и остановила!

— Если можно, — улыбается девушка.

Наш диалог продолжается в нарастающем темпе.

— А... куда? — спрашиваю я.

Незнакомка садится в машину, свою дорожную сумку она безо всякого усилия забрасывает на заднее сиденье и только после этого отвечает на мой вопрос.

— Прямо.

Чисто женское понятие об определенности!

— Ну, тогда и мне прямо, — заявляю я, как мне кажется, уже с большей уверенностью. Направляйся она в Антарктиду, на Чукотку или в Гренландию, я бы тоже сказал, что нам по дороге.

Возвращаюсь на шоссе и включаюсь в дорожное движение. Скорость не столь высока, чтобы испугать девушку, но и не столь мала, чтобы она вообразила, будто перед ней новичок. Разговор не залаживается. Первая стадия знакомства для меня всегда была камнем преткновения, и то, что я в отпуске и раскован, не меняет сути дела. Чтобы скрыть смущение, пытаюсь что-то насвистывать. Потом включаю приемник и пробегаю по всем диапазонам: ничего интересного. Все эти уловки, разумеется, не остаются незамеченными. Но моя попутчица сидит молча, очевидно, посмеиваясь про себя и не делая никаких попыток оживить ситуацию.

Наконец я решаюсь открыть программу.

— Отдыхаете? — спрашиваю девушку, удивляясь собственной ограниченности.

— Пытаюсь, — гласит ответ.

На первый взгляд он свидетельствует о полном безразличии к теме со стороны моей спутницы, но имеет то неоспоримое достоинство, что позволяет продолжить в том же духе.

— То есть?..

— Хочется всюду побывать и все увидеть, но много времени отнимают переезды, — жалуется девушка.

— Летайте самолетами Аэрофлота, — советую я. Это уже претензия на юмор.

— Зачем? — искренне удивляется она.

Бросаю на нее короткий взгляд.

— Действительно, зачем... — бормочу я, чувствуя, что краснею.

— Достаточно выйти на шоссе и поднять руку, — развивает свою мысль девушка. — Может, и не столь быстро, зато бесплатно. Лично для меня это немаловажное обстоятельство.

Свой следующий ход я готовлю исподволь, как гротсмейстер.

— Теперь я понимаю, почему у нас провалилось такое полезное начинание, как автостоп.

— Почему же?

— В нем не предусмотрели вашего личного участия.

Вторая попытка сострить принимается более благосклонно. Прекрасная незнакомка улыбается. Впрочем, как тут же выясняется, совсем по иному поводу.

— Издалека заходите, — говорит она. — Скажите лучше, вам приятно, что такая девушка сидит рядом. Что я очень правильно поступила, остановив именно вашу машину, и до конца своих дней буду помнить нашу встречу. В этих краях в ходу именно такие обороты речи. Правда, финал подобных разговоров всегда один и тот же: приходится выходить и искать нового попутчика.

Точно подмечено, достаточно определенно и ставит все точки над «и».

— Я не здешний, — говорю я. — И потом, мне не хочется, чтобы вы выходили.

По-ви имому, я все-таки вторгся в запретную область. Девушка перестает улыбаться. Взгляд ее становится строгим.

— А вот это вы зря, — говорит она. — Никогда нельзя знать наперед, что сулят нам случайные дорожные встречи.

Похоже на предостережение. А может быть, ей что-то вспомнилось. Я веду машину. Она замкнулась, молчит. Впрочем, с чего бы ей делиться сокровенным со случайным попутчиком.

Пейзаж меж тем откровенно диссонирует с настроением, царящим в кабине «Нивы». Дорога спустилась к морю и летит вдоль него, повторяя изгибы берега. Солнце грохочет, как прибой, который сегодня по причине погоды, близкой к штилевой, безмолвствует. Мелькнула скала, похожая на парус. А вот целая флотилия разноцветных парусов vyplывает из-за горизонта. Благоприятный момент нарушить тягостное молчание.

— Давайте остановимся, — предлагаю я. — Полюбуйтесь видами.

Не бог весть какая придумка, но все же...

Некая мысль упорно не покидает девушку, ибо отвечает она не сразу:

— Дальше будут еще лучшие виды.

При желании в ее словах можно усмотреть намек.

— Вас ждут? — осторожно предполагаю я.

— Да.

Еще бы, такую красотку, да не ждут! Какое-то время мы снова едем молча. На сей раз пауза не столь продолжительна, как две первые, ибо теперь, когда кое-что прояснилось и сложности, которые мне предстоит преодолеть, приобрели конкретные очертания, я чувствую прилив вдохновения.

— Знаете, о чем я сейчас подумал? — начинаю я, — О том,

что не следовало бы пускаться в такую поездку одному. Женщина, помимо всего прочего, обладает даром благотворно влиять на восприятие окружающей действительности. Без вас я скорее всего не обратил бы внимания на эти красоты.

Комплимент принят благосклонно — спутница улыбается.

Поздравляю себя с установлением контакта и прежде, чем продолжить нашу беседу, по привычке бросаю взгляд вокруг — все ли в порядке? Показания приборов — в норме. На шоссе затишье, как это обычно бывает перед обедом. В зеркале заднего вида — серая «Волга». Сбавляю скорость и принимаю вправо. Если я не спешу, будь добр, проезжай, не мозоль глаза. Но меня и не думают обгонять. «Волга» повторяет мой маневр и держится на прежней дистанции. Ну что ж, тогда уйду я. Давлю на газ. Стрелка спидометра ползет за отметку «сто». Прощай, «Волгушка»!

Поднимаю глаза и, к своему удивлению, вижу: расстояние между нами не увеличилось. В первую минуту решаю, что замной увязался любитель «погоняться» — такие иногда встречаются на дорогах. Снова сбрасываю газ, и снова преследователи дублируют мои действия. «Волга» по-прежнему у меня на «хвосте». Становится не по себе. Не так, чтоб очень... Самую малость.

Пока еще без всяких предположений любопытствую сам у себя, кто бы это мог быть. Представители властей? Какие-нибудь знакомые? Любители повеселиться на свой лад? Скрамная моя персона вряд ли интересуется властью. Знакомых в этих краях у меня нет. Разве что пожарник и тамада Автандил Руставели, но он далеко и занят приготовлениями к свадьбе. Значит, любители. Это легко проверить. Хотя, признаться, мне не нравится веселье, в котором я принимаю участие как статист.

Прижимаю «Ниву» к обочине и останавливаюсь.

— Бензина маловато. Колонка далеко. Хочу взглянуть, что у нас в загашнике, — объясняю я девушке причину остановки. Все вышеупомянутое заняло буквально считанные секунды, она ничего не заметила.

Выхожу из машины. Открываю багажник. Нахожу канистру и заглядываю в нее. Жду. Если мое предположение верно, «Волга» проскочит и уйдет себе куда надо. Я не намерен участвовать в игре, кажется, это ясно. Мои преследователи не появляются. Бросаю короткий взгляд в салон и вижу, что попутчица проявляет признаки беспокойства: повернула к себе зеркало заднего вида, что-то высматривает. Наши взгляды встречаются, и она делает вид, что поправляет прическу.

Торчу на дороге, сколько позволяют приличия. Серая «Волга» исчезла. Убеждаю себя, что все это мне привиделось, и возвращаюсь в машину. Объявляю как можно веселее:

— Все в порядке. Хватит километров на двести.

— Ну и прекрасно, — улыбается девушка.

Нет, мне это определенно привиделось.

Включаю зажигание. «Нива» мягко набирает скорость. Мы выбились из графика, надо наверстывать. Зеркало возвращено на место. Позади никого нет. Да и было ли? Ко мне возвращается хорошее настроение. Надеюсь, то же самое происходит

с моей спутницей. Мы с ней встретились, познакомились, едем, можно сказать, почти все друг о друге знаем. Остается только представиться. Конечно, проще всего назваться и ждать, когда она назовет себя. Но мне не по душе прямые пути.

Предлагаю девушке:

— Хотите, я вам погадаю?

— Ведите машину, — отвечает она строго. — Погадаете на остановке.

— Мой метод констатации фактов из прошлого и предсказания будущего не требует ни карт, ни воды, ни кофейной гущи, — успокаиваю я ее. — Он основан на личных наблюдениях и с успехом может применяться как на остановках, так и в движении. Для меня, например, совершенно ясно, что вы — ленинградка, ваше имя — Галя и вы голодны.

Насчет местожительства и имени — это наугад. В остальном я просто уверен.

— Поразительно! — смеется девушка. — Как это вы угадали, что я москвичка и меня зовут Ольгой?

Поскольку такой исход мною был предусмотрен заранее, я не смущаюсь. Называю себя.

— А вот про голод это вы в самую точку.

Что ж, тут у меня наготове дельное предложение.

— Ну тогда попробуем предсказать будущее. Это у меня получается лучше, — самонадеянно заявляю я. — Так вот, не далее как в нескольких километрах отсюда нас ждет изумительной красоты пейзаж, очаг и обед в национальном стиле на свежем воздухе.

Легко живописать будущее, когда обо всем подумал заранее.

4

Горы отодвинуты к горизонту, их массивные, резко очерченные тени легли на лес. Отсюда он видится сплошным ковром, сотканным из всевозможных оттенков зеленого и желтого. На переднем плане — маленькое лесное озеро почти правильной круглой формы. На берегу стоит одинокая дикая груша. Чуть поодаль расположились три дремучих замшелых валуна, как три аксакала за столетней своей беседой. В воздухе носится что-то таинственное. Так и ждешь, что в следующую секунду из-за валуна выйдет леший или спикирует на метле из поднебесья Яга. Какое счастье, что сюда еще не добрались бытоустроители, не окрестили это место «Озером сказок» и не берут за вход!

Впрочем, неординарность отнюдь не единственное достоинство выбранной позиции. С того места, где мы разбили лагерь, отлично просматриваются все подходы к нему, так что ни пешему, ни моторизованному незамеченным к нам не пробраться. Во всяком случае, до сего момента никто такой попытки не делал.

С собранным в охапку сушняком возвращаюсь к машине, где меня поджидает Ольга. Девушка облокотилась на дверцу и обозревает окрестности. Вид у нее задумчивый.

— Сейчас мы разведем огонь и сделаем шашлык, — объявляю я. — Как вы относитесь к шашлыку, Оля?

— Положительно, — гласит ответ.

В нем звучит безразличие, тем не менее я воодушевляюсь и в спешном порядке начинаю сооружать костер. Стараясь придать своим действиям как можно больше осмысленности, раскладываю принесенные ветки. Со стороны не скажешь, что делаю я это второй раз в жизни.

Костер готов. Чиркая спичкой. Хилый порыв ветра гасит вспыхнувший огонек. Зажигаю еще одну. Тот же результат.

— Ветер, — уныло бормочу я без малейшей надежды, что мне поверят.

— Силой двенадцать баллов. В северо-западной части Тихого океана, — с иронией подхватывает девушка. — Послушайте, Олег, вы представились опытным путешественником. Что-то не верится...

Произношу сбивчивый монолог о прогрессе в дорожном сервисе, под натиском которого костер отошел в область преданий, и заканчиваю тем, с чего следовало бы начать: признаюсь, что волнуюсь.

— Я так и думала. Позвольте мне.

Уступаю место своей очаровательной спутнице, а сам иду к машине. Извлекаю из багажника свертки с припасами. Когда я возвращаюсь, костер уже весело пылает. Костерчик что надо. Единственный его недостаток: он больше, чем того требуют обстоятельства, и наверняка привлечет чье-нибудь внимание. А впрочем, все равно.

— Bravo, bravo! — говорю я, протягивая девушке свертки. — Шашлык у нас будет, к сожалению, из колбасы. А вот сулугуни, лаваш и зелень — подлинные.

...Костер догорает. Наступил тот самый благословенный момент, когда человека тянет на разговор.

— Работаю в одной скучной конторе, — говорит Ольга. — Тихий зануда шеф. Коллеги предпенсионного возраста. Кое-кто уже еле ходит, но еще петушится. Выглядит все это смешно и довольно глупо.

Насколько я могу догадываться, в предпенсионную категорию она зачисляет всех мужчин старше сорока лет. Кажется, у вас есть шанс, товарищ Никитин. Делаю сочувствующее лицо и советую ей сменить вывеску.

— Менять надо не вывеску, — вздыхает девушка. — Менять надо жизнь, — сказала и тут же пожалела о сказанном. — Что-то вы чересчур любопытны для предсказателя, — заявляет она. Насколько я понимаю, за этим последует предложение сменить пластинку. — Давайте лучше о вас.

Так и есть. Ну что ж, обо мне так обо мне.

— У меня все обыкновенно, — начинаю я. — По профессии — шофер, тружусь в одном автопредприятии города Москвы. Исколесил, можно сказать, весь континент: от Софии до Хельсинки и от Кракова до Парижа.

Просто, действительно и ничего не надо придумывать. Отдельные географические названия говорят сами за себя.

— Вы сказали, у вас все обыкновенно, — обрывает меня Ольга. — Вы что же, и за границей бываете?

— Бываю, — вздыхаю я.

— Смелее. Где именно?

Перечисляю: Голландия, Франция, ФРГ, Болгария, Венгрия, Австрия...

Ольга внимательно следит за моим рассказом. В ее взгляде скрытая ирония. Если бы мы не встретились три часа назад, я бы, пожалуй, вообразил, что моя подноготная известна девушке лучше, чем мне самому.

— В детстве на стене возле моей кровати висел старый гобелен, — говорит она, и взгляд ее теплеет. — Дворцы, дома, мощенные булыжником улицы, флаги на городских воротах, всадники в старинных доспехах, река синей змейкой и надпись «Вена» в правом верхнем углу... Нет, в левом! Когда меня оставляли одну — а случалось это довольно часто, — гобелен заменял мне няню, ласковое слово, сказку и был всем этим сразу... Я путешествовала по улицам, стояла у городских ворот, входила в дома... Я могла смотреть на него часами. — Девушка машет головой, словно пытается стряхнуть груз нахлынувших воспоминаний, и просит: — Расскажите про Вену.

Рассказать... Ты думаешь, это просто? Грязноватый кемпинг в десятке километров от города, неоновое зарево в ночи, шпили готических соборов в лучах закатного солнца да мост через Дунай, который рухнул однажды на рассвете, и было просто чудом, что в этот самый момент на нем не оказалось ни людей, ни машин, — вот и все, что созерцал романтик дорог Олег Никитин из кабины своего трейлера. Сказка должна иметь счастливый конец, иначе она не сказка. И я начинаю рассказывать о соборе святого Стефана, о здании венской оперы, о шумном и веселом Пратере, о памятнике Моцарту в городском парке и о городской ратуше, которую в тот день, когда на площади перед ней филармонический оркестр играет Штрауса, иллюминируют от цоколя до макушки, и она становится похожей на новогоднюю елку, о маленьких уютных кафе на два столика и об автомате на Марианнентштрассе рядом со стереокино, который, когда ломался, выдавал по две пачки сигарет вместо одной, и все, кому был известен его секрет, толпой валили сюда в надежде поживиться. Словом, обо всем том, чего вышеупомянутый романтик не знал и знать не мог, разве что понаслышке.

Ольга смотрит на меня, не отводя глаз. Глаза блестят, она вся обратилась в слух. Волнение ее не портит, скорее наоборот...

— И все это вы видели сами? — спрашивает она, когда я, вложив в свою краткую лекцию изрядную толику сведений о предмете, умолкаю.

— Сам, — смущенно говорю я, втихомолку воздавая себе за автомат — это, пожалуй, чересчур.

— Расскажите еще.

Могу. И не только про Вену. Но не здесь и не сейчас. Нам надо поспешить, ибо до наступления темноты предстоит провернуть одну версию.

— При всей своей неистребимой любви к природе ночевать предпочитаю в гостинице, — объясняю я девушке.

— Откуда в вас столько практицизма? — удивляется Ольга. Она разочарована и не пытается этого скрыть.

Мы начинаем сворачивать лагерь. Девушка двигается подчеркнуто медленно, как бы через силу. Прервав свой рассказ на самом интересном месте, я, безусловно, кое-что потерял в ее глазах. Впрочем, сейчас меня интересует не падение собственного авторитета, а нечто совсем иное. За время нашего пребывания у озера нас никто не потревожил, или я что-то проглядел и сейчас пытаюсь установить, так ли это. Вокруг все тихо и благопристойно. И все же ощущение, что кто-то незамеченный не сводит с нас внимательных глаз, не покидает меня. Ощущение, не более. Но многолетние странствия по чужим дорогам научили меня доверять своим ощущениям.

— Если я закрыла глаза и не отвечаю на вопросы, значит, я сплю, — говорит девушка.

Она все еще дуется. Мы отъехали от озера двадцать семь километров; это первые слова, которые я от нее услышал.

— Ну, конечно, спите, — говорю я. — Вы устали, был трудный день.

— Только не обижайтесь, ладно? Нет никаких сил противиться... Я полчасика подремлю и снова буду в полном порядке. — Все это уже гораздо мягче, покладистей.

— Да хоть часик! — ободряюще улыбаюсь я. Мысли мои заняты другим, но мне приятно отметить, что мир между нами восстановлен.

Ольга откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

Веду машину, поглядываю на дорогу. Время от времени бросаю взгляды на спящую девушку. Она обладает даром вписываться в любой интерьер и удобно устраиваться где бы то ни было. Мне нравится, что она здесь, со мной в машине, на пустынной дороге, и от того, что она спит, а я бодрствую и веду машину, моя несложная миссия кажется мне чрезвычайно ответственной и важной. Определенно, бог создал женщину для того, чтобы мужчина рядом с ней чувствовал себя значительней.

В следующую секунду от моего хорошего настроения не остается и следа. В зеркале заднего вида появляется серая «Волга». Судя по повадке, машина та же: мышиного цвета лимузин четко держит дистанцию, не вырываясь вперед, но и не отставая ни на шаг. То, что я по этому поводу думаю, не определишь банальным словечком «надоело». Чует мое сердце, кто-то задался целью испортить мне поездку. Хотелось бы знать, кто и почему.

Мелькает дорожный знак «Крутой поворот». Разгоняю «Ниву» до ста километров и, почти не снижая скорости, влетаю в поворот. Не бог весть какой трюк, но все же по силам он далеко не каждому и не предназначен для глаз работников ГАИ. За поворотом резко сбрасываю скорость, притираю машину к обочине и останавливаюсь. Выхожу. Открываю капот и начинаю копать в двигателе. Поглядываю назад, откуда должна появиться серая «Волга». На шоссе пусто, а в близлежащих окрестностях тоже никого. Идеальная возможность задать друг другу несколько вопросов. У меня, во всяком случае, найдется о чем поспросить моих преследователей.

«Волга» выкатывается из-за поворота неспешным прогулочным шагом. Стало быть, за рулем какой-нибудь подмастерье. Словно прочтя мои мысли, водитель увеличивает скорость, «Волга» стремительно проносится мимо. В машине двое. Им нечего мне сказать. Похоже, что им вообще нет дела до моей персоны. И только одна деталь укрепляет меня в уверенности, что это не совсем так. Я узнал номер.

Закрываю капот и обнаруживаю взгляд устремленных на меня глаз. Ольга проснулась и улыбается мне. Неужели один лишь вид моей озадаченной физиономии вызывает в ней столь отрадные чувства? Бодро улыбаюсь в ответ и тут же вспоминаю, что серая «Волга» впервые появилась на шоссе сразу же после того, как я встретил эту девушку. Может быть, все дело в моей пассажирке? Но тогда почему она так спокойна?

Сажусь за руль.

— Не спишься? — спрашиваю свою попутчицу.

— Полчаса прошло, — объясняет Ольга.

Логично, хотя лично меня и не убеждает. Включаю зажигание и трогаю с места. Проще всего было бы именно сейчас проверить мою последнюю версию и прямо спросить, что это за типы, но я нахожу подобные действия преждевременными.

— Чем вызвана наша остановка? — интересуется девушка.

— Клапана стучат, — импровизирую я. Вряд ли ей известно, что такое клапана. — Только отрегулировал, и вот пожайлуйста...

— Они и в самом деле стучат? — невинно спрашивает Ольга.

Конечно же, она заметила и серую «Волгу», и мою растерянность, но, как и я, не спешит с вопросом или вообще не намерена его задавать.

— А вы не слышите?

Ольга машет головой. Я увеличиваю скорость.

— А теперь?

— Нет, — улыбается девушка.

Снова давя на газ. Мы несемся со скоростью более ста километров в час.

— А так?

— И так нет.

Резко сбавляю скорость — «Нива» плетется, как загнанная лошадь.

— Может быть, сейчас?..

— Нет, — весело смеется Ольга.

Бессмысленное занятие, тем более что стук клапанов — моя придумка, но она мне нравится. Может быть, потому, что отвлекает от мрачных мыслей. Впрочем, через несколько минут этого безудержного веселья в зеркало заднего вида вплзает серая «Волга», а с ней возвращаются мрачные мысли. Она движется, не отставая ни на метр, но и не сокращая дистанции. У меня нет больше сомнений. «Волга» преследует «Ниву». Постояла себе где-нибудь на проселке, дождалась и снова вцепилась своей бульдожьей хваткой.

Время раздумий прошло, тем более что никакого логического объяснения действиям моих преследователей я так и не нашел, а объясняться сами они не пожелали. Как бы там ни было, у меня больше нет желания играть роль подопытного кролика в

неизвестном мне эксперименте. Пришла пора действовать. «Ну-с, Олег Михайлович, — обращаюсь я сам к себе, — покажите, мой друг, на что вы способны».

В следующее мгновение «Нива» срывается с места. Стрелка спидометра проходит отметку «сто» и замирает где-то у верхнего предела шкалы. Нас вдавливают в спинки кресел. Ускорение столь стремительно, что в «Волге» не успевают среагировать, и она оказывается далеко позади.

Я спокоен. Я очень спокоен. Я стал спокоен, как только нажал на педаль газа. В конце концов, это моя работа, а она как раз и состоит в том, чтобы в нужный момент действовать решительно и спокойно и показать все, на что способны ты и машина.

Дорога идет в гору. Впереди — двойной поворот: сначала правый, потом левый. Метрах в десяти от меня маячат желтые «Жигули». Неудачное место для обгона, рискованный маневр: никогда наперед не знаешь, что там, за поворотом. Но выбора нет. Если я пристроюсь за «Жигулями», «Волга» достанет меня в момент. Я иду на обгон.

За рулем в «Жигулях» настырный тип: такой не свернет к обочине, не сбросит скорость, не уступит. Ему только дай погоняться! Вместе с ним мы влетаем в поворот, будто связанные какой-то незримой нитью. Так и есть: за поворотом оказывается грузовик,двигающийся навстречу. Деваться нам с ним некуда. Разъехаться мы не можем: слева — сплошной скальный массив, справа — пропасть. Тормозить поздно. Приходится идти на рискованный трюк с переключением передач — ни на что другое просто не остается времени. Мгновенно ускоряюсь и в последний момент успеваю опередить «Жигули» и освободить проезд грузовику. Мелькает перекошенное лицо его шофера. «Прости, друг! Так уж получилось...»

«Жигули» остаются позади и не пытаются меня преследовать. Очевидно, после эпизода с грузовиком их водителю расхотелось гоняться.

Перевожу взгляд на свою спутницу, рассчитывая застать ее в состоянии, близком к обморочному, или в лучшем случае в слезах. Ничуть не бывало! У этой девушки характер истой гонимой! Ольга в полном восторге от того, что происходит, хотя, вероятно, и не догадывается о подлинных причинах этого раalli.

— Bravo! — восклицает она.

Ну что ж, за моего штурмана можно не беспокоиться. Тогда продолжим. Тем более что, воспользовавшись нашим самоуспокоением, серая «Волга» снова приблизилась на расстояние прямой видимости. В опытных руках «Волга» легко достанет «Ниву». Но в данном случае в опытных руках — «Нива». Увеличиваю скорость, насколько это возможно, и, обнаружив, что преследователи не отстают, решаю попробовать еще один вариант.

Дорога впереди сворачивает вправо и устремляется под гору. Прямо ведет другая дорога, проселочная, исчезающая в лесу. На проселке «Волга» «Ниве» не конкурент. Те, в «Волге», наверняка это знают и вряд ли сунутся. Скорее всего они станут барражировать по трассе, дожидаясь моего появления. Судя

по тому, что преследователи отлично знают местность, задача не составит для них особой сложности и, в свою очередь, диктует мне мою: в условиях бездорожья оторваться как можно дальше и к моменту выхода на шоссе ускользнуть из-под осточертевшей мне опеки. Не раздумывая ни минуты, сворачиваю в лес.

Мелькают в бешеном хороводе деревья, только успевай вертеть баранкой. В сравнении с этим кроссом недавний смертельный номер с грузовиком кажется детской забавой. Спинай чувствую, что рубашка стала мокрой. Отвлечься от дороги и глянуть на Ольгу нет никакой возможности, но я почему-то уверен, что восторги девушки несколько поостыли.

Лес переходит в невысокий кустарник. То, что с большим трудом можно было назвать дорогой, привело нас на вершину горы. На глаз крутизна склона градусов сорок. Внизу в нескольких километрах тускло блеснит в лучах заходящего солнца лента шоссе. Сам склон представляет из себя гигантскую россыпь камней; не самый большой из них величиной с мою новую прекрасную машину.

Ревет двигатель. «Нива» срывается вниз со склона и с глухим гулом, как овеществленное эхо, несется вниз. К счастью, быстрее, чем лавина, вызванная этим сумасшедшим падением. Я перестал соображать, что делаю, уступив свое место за баранкой спасительному инстинкту самосохранения, мне кажется, что это камни отворачиваются от меня, а не я от них. Если наши пути пересекутся, нас разнесет в куски.

Машина уже у подножия и мчится по равнине, а потревоженный склон все ворчит и шлет нам вслед свое неодобрение.

Благополучно миновав все препятствия, мы достигаем шоссе. Увеличиваю скорость. Во всех этих передрыгах я как-то позабыл о ГАИ, и оно тут же напомнило о себе. Откуда-то свысока доносится знакомое тарыхтение: нас догоняет желто-синий вертолет. Не дожидаясь, пока трубный глас с неба призовет меня остановиться, торможу сам. Стрелка спидометра ползет влево и, успокоившись, замирает возле нужного деления. Вертолет, набрав высоту, удаляется в сторону моря, куда, собственно, и направляемся мы.

С вершины подъема, на который мы взобрались, шоссе просматривается на добрый десяток километров в обе стороны. Ни впереди, ни сзади серой «Волги» не наблюдается. Не успеваю перевести дух и поздравить себя с тем, что маневр удался, как слышу адресованный мне вопрос:

— А теперь скажите, от кого это мы так стремительно удирали? — кокетливо улыбаясь, интересуется Ольга.

В самом деле, от кого?

5

Свет в палатке гаснет. Тишина и темень вокруг такие, что на ум невольно приходят мысли о конце света. Я мог бы разрушить их множеством имеющихся в моем распоряжении средств, но не делаю этого потому, что ничего не имею против мрака и тишины. Тишина обостряет слух, а в темноте иной раз

удается подсмотреть такое, чего не разглядишь даже в лучах самого мощного прожектора.

«Нива», в которой расположился я, стоит на опушке каких-то зарослей. Палатка, избранная под резиденцию Ольгой, разбита на пляже в десятке метров от автомобиля. Возможно, при свете дня окрестный пейзаж и порадует взор, но теперь, исполненный какой-то мрачной недоговоренности, он кажется злобещим.

Сон не приходит. По давней привычке призываю себя поразмышлять о чем-нибудь отвлеченном, но соседство столь очаровательной девушки оставляет этот призыв повисшим в воздухе. Думаю о конкретном. О той, которая в десятке метров отсюда, по-видимому, тоже не спит и размышляет.

Где-то далеко в стороне пролетает самолет. Волна, рожденная в десятке миль, на последнем дыхании доползает до финиша и теребит берег. В соседних зарослях хрустит ветка. Случайные ночные звуки, столь выразительно оттеняющие тишину. Впрочем, не все. Хруст повторяется, заставляя меня придать собственным мыслям иное направление. Суть их проста.

Некто движется через заросли в нашем направлении. Судя по тому, что дикий зверь в здешних местах не водится, этот самый «некто» имеет человеческий облик. Если же вспомнить сегодняшнее назойливое поведение серой «Волги» и учесть, что место и время не очень подходят для дружеского визита, то остается заключить, что намерения визитера столь же мрачны, как ночь.

На случай, если мои предположения оправдаются, принимаю необходимые меры предосторожности. Дотягиваюсь до ружья, которое предусмотрительно положено на сиденье на расстоянии вытянутой руки, кладу его рядом с собой. Нашупываю фонарик и жду.

Долго ждать не приходится. Снова хрустит ветка, вслед за хрустом явственно слышны шаги. Потом шаги замирают. Человек пробирается не наугад, он боится быть обнаруженным, и у него определенная цель. Самое время продемонстрировать, что мы бодрствуем и готовы к встрече.

Открываю дверку кабины и вываливаюсь на песок. Резко вскакиваю, бросаюсь в сторону, к дереву, которое я заметил еще вечером. Включаю фонарик. Луч света простреливает заросли навывлет и производит то действие, на которое я рассчитывал. Ночной гость убегает, даже не пытаюсь скрыть своего присутствия. Это все, что я хотел выяснить. Преследовать его нет смысла, да к тому же и небезопасно.

Возвращаюсь к машине и с полным небрежением к моим таинственным преследователям закуриваю. Сей вызывающий жест в достаточной степени аргументирован, ибо попытка повторного сближения вряд ли последует сию минуту. В то же время я надеюсь, что этот бесхитростный, тысячекратно испытанный прием придаст мне бодрости, ибо, честно говоря, мне не по себе. Я издерган, раздосадован. Напряжение сегодняшнего дня не прошло с приходом ночи. Конечно, глупо располагаться на ночлег в таком безлюдном месте, но тут уж, как говорится, все мы умны задним числом.

Сейчас я лягу, буду пытаться уснуть, но не усну. Буду вскакивать на каждый шорох и гоняться с ружьем за призраками, и, если Ольге вздумается выглянуть из палатки, она, пожалуй, решит, что я спятил. Отлично проводите отпуск, товарищ Никитин, говорю я себе. Эдак и в психиатричку угодить не долго.

Ольга появляется из темноты столь неожиданно, что я вздрагиваю — на ее месте мог оказаться кто-нибудь другой. Сколь пристально мысли мои ни заняты другим, все же успеваю отметить, что выглядит девушка отменно и, по-видимому, еще не ложилась.

— Не спится, — объявляет она.

Мне тоже. Ни о чем другом моя спутница, будем надеяться, не догадывается. В тот самый момент, когда я говорю ей, что лучшее средство борьбы с бессонницей — хорошенько встряхнуться, мне приходит в голову как.

— Встряхнуться?..

— Поехали на свадьбу! — предлагаю я.

— Сейчас не самое удачное время для шуток, — вздыхает Ольга.

Конечно, мы уедем отсюда, даже если мне придется уговаривать ее до утра. Сколько же событий может произойти до утра, если полночь еще не наступила! Гашу улыбкой нахлынувшее на меня смятение и обращаюсь к девушке со словами:

— А, знаете, Оля, это ведь не шутка.

6

Ночная дорога действует на меня освежающе. Возможно, потому, что нас никто не преследует. Мелодии, льющиеся из приемника, способны взбодрить самого отъявленного скептика, к каковому, к счастью, причислить себя пока не могу. Что касается Ольги, то она забилась в угол и молчит. Я не делаю никаких попыток разговорить девушку. Мы оба понимаем, что наше поспешное бегство с побережья было вызвано отнюдь несвадьбой и у нас обоих есть основания это не обсуждать друг с другом.

В таком вот настроении мы приближаемся к месту действия. Искомую деревеньку можно приметить с расстояния в добрый десяток километров, на среднем же плане происходящее являет из себя нечто среднее между извержением Везувия и карнавалом в Рио-де-Жанейро. С небес на это буйство света радостно взирает луна в окружении сонма ликующих звезд. Люди веселятся, у людей праздник, так почему бы, черт возьми, об этом не узнать всей Вселенной и не возрадоваться!

Лихо торможу и за ту минуту, по истечении которой наше прибытие станет центром всеобщего внимания, успеваю разглядеть детали. Несмотря на поздний час, веселье в самом разгаре. Ломятся от яств накрытые во дворе столы, во главе которых я замечаю Автандила Руставели. Между столами и погребом курсируют женщины с кувшинами, содержимое которых, надо полагать, покрепче газировки. Аппетитно дымятся невероятных размеров мангал, способный вместить быка. Играет

небольшой, но звучный оркестр национальных инструментов. Молодежь демонстрирует себя в танце, и почтенные аксакалы с воодушевлением приветствуют каждый удачный выпад.

Преисполненный скрытого достоинства, сдержанно гляжу на Ольгу — кажется, кто-то здесь сомневался! — и обнаруживаю прямо-таки разительные перемены. Девушка возбуждена. Она смеется. Ее захлестнула эта атмосфера безудержного веселья. Она выходит из машины и протягивает мне руку. Я следую за ней, успевая подумать о том, что даже такое в целом безотрадное явление, как извержение вулкана, может содержать в себе некий положительный момент, если дело происходит холодной зимней ночью.

Появление красной «Нивы» замечено. Для опытного глаза Руставели не составляет особого труда определить, кто перед ним. Тамада взмахом руки останавливает танцы, поднимает новобрачных, родственников, гостей и сам во главе колонны движется нам навстречу. Пораженные размахом встречи, мы несколько теряемся.

— Дорогой! Я знал, что ты приедешь! — раскрыв объятия, гудит Автандил.

Мы обнимаемся. Пока участники торжественной встречи перестраиваются в живописное полукольцо, тамада, радостно косясь в сторону Ольги, успевает шепнуть мне на ухо:

— Кто это?

Ситуация не оставляет времени на раздумья.

— Это... — начинаю я, надеясь, что некий голос свыше сподобит меня закончить фразу.

— Твоя жена! — догадывается Руставели.

Ход его размышлений несложен. Эдакая прелесть может быть либо ангелом, либо супругой. Но нынче ночью в ангелов здесь не верят.

Участники этого короткого разговора столбенеют, каждый на свой лад — я от смущения, почтенный тамада от восторга. Не теряя присутствия духа лишь девушка. Она встряхивает головкой, чем приводит нашего огнеборца в состояние, близкое к экстазу, и представляется:

— Ольга.

— Добро пожаловать, дорогая Ольга! — грохочет Руставели, и горы возвращают подобное обвалу эхо. — Добро пожаловать!

Он делает знак оркестру. Звучит что-то вроде марша. Чувствуя себя последним болваном, шепчу на ухо Ольге:

— Они приняли вас за мою жену. Надо исправить это недоумение.

— Не спешите. Успеете, — улыбается она.

Улыбка адресуется всем, и каждый без зазрения совести относит ее на свой счет. В рядах лихих джигитов наблюдается массовое подкручивание усов. Два-три экземпляра покрупнее теснят соседей, занимая выигрышные позиции.

Тамада жестом останавливает музыкантов и приступает к представлению участников событий.

— Наши новобрачные. Посмотри, какие красавцы!

Действительно, красавцы. Известный на всю Грузию животновод строен, как утес, и гибок, как лоза. Румянец на щеках

известной на всю Грузию чаевода подобен розе на заснеженном склоне Эльбруса. Я жму руку жениху. Ольга обнимает невесту.

— Поздравляем.

— Спасибо. Спасибо, что приехали.

— Нателла, Софико, Сулико, Георгий, Зураб, Гоги, Эллочка, Григорий, дедушка Шота, Тамара, Шалва, Гиви, Кахи и маленький Самвельчик, — называет тамада.

Жму чьи-то руки, похлопываю по чьим-то плечам, меня целует какая-то игривая молодка.

— Очень приятно.

— Очень.

— ...приятно!

— Очень!..

Раздвинув толпу, на передний план выдвигается толстый краснощекий молодец с усами в пол-лица, не упомянутый в вышеприведенном списке.

— Тариэл, — рекомендует молодца Руставели. — По-русски не говорит, но очень хороший человек!

— Олег.

— Ольга.

Усач что-то бормочет, пунцовея до крайней степени. Держу пари, что его монолог адресован моей «женушке».

— Он говорит, что мой друг и гость — очень счастливый человек. Очень! — переводит Руставели. — Он говорит, что жена моего друга и гостя — луна на небе! Между прочим, это самые высокие слова, какие мужчина может сказать женщине, — доверительно сообщает он Ольге.

Про себя добавляю: только не в присутствии мужа.

Нас приглашают к столу.

— Вы не находите, что тирада этого Тариэла даже в переводе звучит несколько вызывающе? — говорю я Ольге.

— А вы не волнуйтесь, — с достоинством отвечает девушка. — Я вам все-таки не жена. Кстати, Олег, — голос ее теплеет, — спасибо за то, что привезли меня сюда.

Мимолетно и как бы случайно Ольга касается моей руки, и этот жест примиряет меня с обществом вызывающих молодых людей, которые так и кишат поблизости.

Нас усаживают на почетные места рядом с новобрачными, и мы присоединяемся ко всеобщему молчанию, предваряющему тост тамады. Использую эту короткую паузу, чтобы приглядеться к собравшимся. Ничье лицо не привлекает внимания, а моя хваленая интуиция на сей раз безмолвствует. Сколь высоко ни оценивай здешнее гостеприимство, вряд ли стоит предполагать, что пассажиры «Волги» весь день донимали нас с единственной целью — завлечь на свадьбу.

Убедившись, что тишина достигла нужной кондиции, Руставели обводит присутствующих добрым взглядом и начинает:

— Для чего на свете живет человек? Ради богатства? Нет! Ради славы? Слава — пустой звук, если в жизни не было ничего, кроме славы. Ради того, чтобы дожить до ста пятидесяти лет и сказать: «Смотрите, люди, я самый старый среди вас»? Мне жаль такого человека. (Прадедушка невесты: «Правиль-

но!») Я хочу вам напомнить замечательные слова нашего великого поэта, однофамильцем которого я имею честь являться:

Мало толку, если горе несчастливому снедает:
До назначенного срока человек не умирает.
Роза, солнца ожидая, по три дня не умирает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным подобает.

(Оживление в зале.)

Тамада поднимает свой бокал, глаза его сверкают, голос гремит:

— Давайте же в этот большой для новобрачных и для всех нас день выпьем за то, чтобы каждый из нас жил на земле столько, сколько ему положено, чтобы хорошо делал свое дело, чтобы радовался, глядя на детей, внуков и правнуков, и чтобы всегда были с нами мир, счастье и любовь! За вас, дорогие! (Возгласы одобрения.)

Воздаю должное ораторскому искусству моего друга и чокаюсь с Ольгой.

— За тебя, дорогая!

— За тебя, дорогой! — отвечает она бесцветным голосом, как и подобает примерной супруге.

Вино превосходное. Впрочем, человек, расположившийся напротив, на сей счет, по-видимому, иного мнения, ибо к бокалу он так и не притронулся. Он сидит и не сводит печальных глаз с Ольги. Это небезызвестный Тариэл.

— Почему он все время на меня смотрит? — шепчет мне девушка.

— Вы ему нравитесь, — говорю я.

И тут же мне в голову приходит, что возможна и другая причина столь пристального внимания. Об этом я, естественно, умалчиваю.

— Ты, — поправляет она.

— Ты, — повторяю я.

Иной раз и малопочтенная роль эха не лишена приятности.

— Но ведь я замужем, — резонно замечает она, возвращая меня к интересующей ее теме.

— Разве это препятствие для мужчины?

— Луна в небе... Такие слова женщины помнят до гробовой доски. А он симпатичный, правда?

Стоит мужчине выдать «на-гора» какой-нибудь дурацкий комплимент, и он уже симпатичный.

— Если бы он понимал по-русски, у него бы сразу улучшилось настроение, — говорю я.

Настроение у нашего визави не меняется, тем не менее мне кажется, что его способности к языкам Руставели несколько приуменьшил.

Появляется тамада, делает знак рукой. К нам спешат веселая старуха с кувшином и краснощекий толстяк с двумя рапирами шашлыков. Автандил с поклоном преподносит нам по рапире и, заговорщицки подмигнув мне, интересуется:

— Узнаешь?

— Неужели?..

— Он самый — наш бывший попутчик. Высший сорт! Ешьте,

пейте, гости дорогие! У нас на свадьбе быть голодным и трезвым не полагается!

Поздно ночью, когда самые стойкие еще сидят за столом и еще звучит песня, тамада провожает нас на ночлег. Открывает дверь, пропускает в какую-то комнату и говорит:

— Вам здесь будет хорошо. Отдыхайте. Пойду скажу этим головорезам, чтобы не шумели.

Осенив «чету Никитиных» улыбкой, Руставели выходит. Мы остаемся вдвоем. Осматриваемся. Комната небольшая, интерьер выдержан в национальном стиле, стены покрывают ковры. Кровать, как и следовало ожидать, одна. Пауза затягивается. Молчание становится неловким.

— Вот они, последствия фиктивного брака в лучшем виде, — бормочу я.

Ольга молчит. Судя по всему, выход из создавшегося положения следует искать мне. Эти поиски не затягиваются, хотя и стоят определенной внутренней борьбы с самим собой.

— Ну вот что... Оставайся здесь, — решаю я. — Я переночую в машине.

— Не надо в машине! — поспешно восклицает девушка.

— Почему? — задаю я естественный в этой ситуации вопрос.

— Ну, в общем... — Ольга лихорадочно ищет ответ и наконец находит: — Нас могут неправильно понять. Хозяева так старались! Думаешь, легко разместить такое количество гостей?

— Я так не думаю и поэтому исчезаю, — заявляю я. — И вот что, Оля... После того как я уйду, хорошенько запри окно и дверь.

— Боишься, что украдут? — вымученно улыбается девушка.

— Боюсь, — говорю я, что в той или иной степени соответствует действительности.

После того как я дал необходимые указания, мое присутствие в данной географической точке становится необязательным. Направляюсь к двери.

— Олег! — окликает меня девушка.

Оглядываюсь. У меня нет никаких сомнений. Она боится за меня, но объяснять причину своих опасений не решается. Что ж, подождем.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Спокойной ночи, — шепчет Ольга.

Оставив ее наедине со своими страхами и сомнениями, обхожу дом и, укрывшись в темноте, какое-то время наблюдаю за заветным окном. Вопреки моим советам девушка не заперла его на засов, а наоборот, распахнула настежь. Выключив свет, она замирает у окна. Оставляю свой пост и следуя дальше. Здесь пока все.

Свадьба сходит на нет. У столов еще копошатся какие-то личности, но вряд ли они способны соображать, что происходит в окружающем мире. В поисках пристанища оглядываю двор. Мое внимание привлекает стог сена, стоящий у забора. Стратегические достоинства этой позиции очевидны. С вершины стога отлично просматривается двор и, что немаловажно, улица.

В следующее мгновение занимаю сей опорный пункт, надеясь, что никто этого не заметил. Сено оглушительно пахнет. Запахи навевают фривольные мысли о сне. Дабы отогнать от себя сон, выдергиваю пук травы и энергично растираю щеки и лоб. На время это помогает. Во дворе и на улице не происходит ничего заслуживающего внимания, и меня начинает снова клонить ко сну. В этот самый момент у «Нивы» возникает какая-то фигура. Это не подвыпивший прохожий и не подгулявший гость, интересующийся новинками отечественного автомобилестроения. Появление этого человека здесь не случайно.

Осторожно обойдя автомобиль, фигура делает попытку нырнуть под капот. Забыв о сне, с интересом слежу за развитием событий. Тут же выясняется, что этим занят не я один. Кто-то из-за стола, где, по-видимому, крайне нуждаются в свежих силах, зовет:

— Эй, дорогой, куда полез? Иди сюда! Выпьем!

Неизвестный выбирается из-под машины и поспешно исчезает в темноте.

— Куда ты, генацвале? — удивляется приглашавший.

Вопрос остается без ответа. В следующие часы моя «Нива» не привлекает ничьего внимания. Рассвет уже золотит близкие вершины гор, когда я, убедившись, что наиболее стойкие из гостей вознамерились пировать до утра, позволяю себе уснуть. Мой сон желанен и легок. Мне снится, что я летаю. Это, помимо всего прочего, означает, что дело, которому я посвятил трудный день, удалось.

7

Утро. С гор тянет свежестью. Отчетливо слышен шум перебранки: гортанные крики женщины и размеренные, методичные, как удары молота, контрдоводы мужчины. Где-то по соседству лопочут куры. Разгребаю сено и выбираюсь наружу. Обозреваю пустынный в этот час двор и столь же пустынную улицу. Едва заметно дымит очаг. Во главе стола мирно похрапывает тамада.

Сползаю со стога. Делаю несколько энергичных движений, стряхивая с себя сон. Подхожу к машине. Все, что меня интересует, на месте.

Мой следующий маршрут — к двери, за которой спит Ольга. Совершенно неожиданно для себя обнаруживаю дверь открытой. Стучу, потом вхожу. Девушки в комнате нет.

Возвращаюсь во двор. Мое первое побуждение — броситься к спящему Руставели. Впрочем, я тут же останавливаю себя. Мой друг не вел бы себя столь инертно, имея в наличии причины, посягнувшие на его сон, к каковым, без сомнения, можно отнести исчезновение Ольги. Прислоняюсь к забору, готовлюсь закурить и хорошенько все обдумать.

Из утреннего тумана появляется всадник на лошади. Лошадь серая, в яблоках. Всадник, точнее, всадница — Ольга. Картина, которая открывается моим глазам, способна восхитить даже человека с воображением пня, но сейчас не до восторгов.

Девушка останавливается у калитки и лихо спрыгивает с лошади.

— Ой, как здорово! — запыхавшись, говорит она. — Просто чудо какое-то! Это все Тариэл. Я не могла отказаться, правда!

Кому еще могла прийти в голову идея этой романтической прогулки с чужой женой, как не герою Руставели! Я отворачиваюсь к забору, не без тревоги обнаруживая, что чувства, меня буруевающие, совсем не те, каковые пристало испытывать автопутешественнику к своей случайной спутнице. Они совсем другого толка.

Ольга приближается, кладет мне руку на плечо.

— Олег, милый, прости! Я заставила тебя волноваться...

Оборачиваюсь и интересуюсь как можно безразличнее:

— С чего ты взяла?

С этого момента наш разговор мог бы пойти по одному интересующему меня направлению, но его прерывает Тариэл. Способность этого человека появляться некстати поразительна. По-видимому, всадник из него неважный, ибо передвигаться он предпочитает за рулем открытого «уазика». Сказал бы я ему, да жаль, он не понимает по-русски.

— Спасибо, Тариэл! — кричит девушка.

Тариэл что-то бормочет по-грузински. Потом отъезжает. Лошадь послушно следует за ним.

Говорю, что намерен продолжать путь. Ольга покорно соглашается. Мы уже собрались и сидим в машине, неожиданно перед нами вырастает всклокоченный тамада. Широко разведя руками, он преграждает нам путь и обиженно спрашивает:

— Куда?

Приходится выйти и объясниться.

— Автандил, нам пора ехать! — говорю я.

— Нет, нет и еще раз нет! — решительно заявляет Руставели. — У нас так не полагается! Что за гости, слушай? Приехали последними. Уезжают первыми. Передо мной не стыдно? Хорошо. А перед молодыми? Что им скажу?

— Мы хотели проститься, но они спят, — говорит Ольга.

— И пусть спят. Пусть! — восклицает тамада. — Такой ночи, как эта, в их жизни больше не будет. А когда проснутся, мы сядем за стол и выпьем за моего друга Олега Никитина, выдающегося автомобилиста, знаменитого путешественника, главу замечательной семьи, мужа красавицы жены и просто очень хорошего человека!

Достигнув предела своего красноречия, Руставели умолкает. В самом деле, что тут можно добавить?

Смущенный развернутой передо мной картиной, молчу и я. Молчу недолго, чтобы меня не заподозрили в самолюбовании.

— И все-таки нам надо ехать, — говорю я.

— Ну что ж... — Тамада расстраивается до последней возможности, но потом лицо его озаряет улыбка. — Если очень надо... «Мудрецу (помнишь, да!) торопиться не пристало. Поступать он так обязан, чтоб душа не горевала!»... Поезжай. В мире много разных дорог. Но самая широкая и самая прямая — всего одна. Хороший человек всегда идет именно по

этой дороге, а значит, обязательно встретит другого хорошего человека. Я думаю, увидимся. Прощай.

— Ну, почему «прощай», Автандил? — восклицает Ольга. — До свидания!

— Правильно говоришь, душа! — цветет Руставели. — До свидания! До скорого и радостного свидания.

Мы обнимаемся. Тамада прощается с Ольгой. Сажусь за руль. Девушка располагается рядом. Я трогаю с места. В зеркале заднего обзора становится все меньше, убегает фигура одноклассника великого поэта, пожарника и тамады Автандила Руставели. Он стоит и машет рукой до тех пор, пока его не скрывает поворот, но я уверен, что он еще долго не сходит с места.

8

Резко давлю на тормоз. Нас швыряет вперед, но ремни безопасности амортизируют рывок.

— Прости, — коротко бросаю я девушке. — Объяснения потом.

Выбираюсь из кабины, опускаюсь на корточки и поднимаю невесту как попавшего сюда едва оперившегося птенца. Моя радость — двойного действия: я спас живое существо и еще раз убедился в безотказной своей реакции.

Подходит Ольга.

— Боже, как ты меня напугал, — признается она.

Кладу птенца ей на ладонь.

— Какой хорошенький! — восхищается девушка.

Процесс любования продолжается минуты полторы, после чего Ольга решительно заявляет:

— Надо что-то делать! А вдруг это будущий орел?

— Ну, не совсем орел... — говорю я, глядя на двух птишек, закладывающих у нас над головами сумасшедшие выражи. — Дай-ка его мне.

— Что ты надумал? — интересуется Ольга.

— Посажу этого молодца на какое-нибудь подходящее дерево и препоручу предкам. Вон там, видишь?

— Держи. — Девушка передает мне птенца. — Только, пожалуйста, осторожно.

— Это ты обо мне или о нем? — интересуюсь я.

— О вас обоих.

Лезу на ближайшее дерево и пристраиваю беглеца в углубление между ветками.

— Привет, дурашка, — говорю я ему и спрыгиваю вниз.

Какое-то время мы прогуливаемся вдоль шоссе, ожидая, пока родители приветят своего беспутного отпрыска. Судя по их реакции, в ближайшие несколько минут семейству суждено соединиться.

— Скажи, Олег, ты добрый? — неожиданно спрашивает девушка.

Вот так вопрос!

— Ты что же, задалась целью поставить меня в тупик? — говорю я, надеясь выиграть время для более достойного ответа.

Но Ольгу, похоже, в данный момент не занимает мое смущение.

— Добрый, — сама и отвечает она. — Ты хороший и добрый человек.

Выглядит это так, будто кто-то ей чего-то обо мне порассказал, а она возьми и убедись в обратном.

— До сих пор мне казалось, что говорить комплименты — привилегия мужчин, — бормочу я.

— От вас дожدهшься! — улыбается девушка. И тут же становится серьезной: — Это не комплимент. Я же вижу...

Наш содержательный диалог мы продолжаем на ближайшем пляже. Мы только что искупались и теперь лежим на песке лицом к лицу на расстоянии вздоха. Кроме нас, здесь всего несколько человек, что дает мне право считать берег пустынным.

— Скажи... — говорит девушка.

— Да?..

— Могло случиться, что ты поехал бы в другое место?

— Наверное, — бездумно отвечаю я.

— Куда, например?

— Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Имеет. Итак, куда же?

Похоже на допрос, но я не обращаю на это особого внимания. Мне хорошо. А когда мне хорошо, я не ищу скрытого смысла в происходящем.

— Мне не хочется отвечать, — говорю я.

— Это почему же? — деланно сердится Ольга.

— Потому что мне не хочется говорить.

— А почему тебе не хочется говорить?

— Потому что мне хорошо, — отвечаю я и закрываю глаза. Тема исчерпана.

— И все-таки тебе придется отвечать, — тербит меня девушка.

Что ни говори, твердолюбый экземпляр ей попался. Любой другой на моем месте давно бы уже дал соответствующие показания.

— Ну ладно, ладно... О чем ты?

— Господи, какая забывчивость! — возмущается Ольга. — Я спросила, куда бы ты поехал, если бы не поехал сюда.

— Куда бы, если не сюда... — мямлю я. Получается что-то вроде рефрена. — Слушай, скажи наконец, какое это имеет значение?

— Просто, если бы ты поехал в другое место, мы бы не встретились, — смущенно лепечет Ольга.

На такие перегрузки я не рассчитывал. Пора снимать напряжение.

— Вот оно что!.. Так знай же, прекрасная незнакомка, что, всем своим существом предчувствуя встречу с тобой, я не поехал в Ялту, — говорю я тоном старого ловеласа.

— А зря! — неожиданно вырывается у девушки.

Если память мне не изменяет, это третье по счету предупреждение, сделанное как бы случайно. Троекратное повторение, насколько мне известно, возводит любое событие в ранг зако-

номерности. Отмечаю это обстоятельство про себя, наперед зная, что оно не повлияет на ход нашей беседы. Не должно повлиять.

Я растягиваюсь на песке. Какое-то время мы молчим. Мне есть о чем помолчать. Надо думать, и Ольге тоже.

— А в Москве сейчас дождь, сыро и холодно, — вторгается в паузу девушка.

— Откуда ты знаешь? — интересуюсь я как бы между прочим.

— Знаю, — уклончиво отвечает она. — Я люблю тепло. Здесь его так много, и почти круглый год солнце.

Логический вывод из ее последнего заявления делает честь моим умственным способностям.

— Тебе надо жить здесь, — говорю я.

— Именно это мне недавно и предложили.

— Да? Если не секрет, кто же?

— Один тип.

— Ну а ты?

— Отказалась, — отвечает Ольга, подумав. — Самоуверенность и заносчивость этого типа не смогут компенсировать даже триста шестьдесят пять солнечных дней в году.

— Ты поступила правильно, — констатирую я.

Ольга задумчиво смотрит на воду. Ветер развел волну. Волна баюкает отражение солнца, катит его к берегу.

— Слушай, Олег, в Воркуте тоже есть солнце? — неожиданно спрашивает девушка.

Свою трудовую деятельность Олег Никитин действительно начинал в тех краях, но я что-то не припомню, чтобы эту тему мы обсуждали с Ольгой. А впрочем...

— Всюду есть солнце, — говорю я. — Только там, на Севере, оно другое. Представляешь, несколько месяцев его нет совсем. Ночь, темень, мороз, пурга... Бр!.. И вот в один из дней краешек солнечного диска впервые показывается из-за горизонта. Это как чудо!.. Люди просто сходят с ума от счастья.

Воистину маршруты женской логики невозможно предугадать. От продолжительности светового дня в Заполярье мы переходим к моей жизненной неустроенности.

— Я кочевой человек, Оленька, — объясняю я причину своего одиночества. — Женщины отдают предпочтение мужчинам оседлым. Формально я женат, а фактически мы с женой давно уже сосуществуем порознь. Так удобней и ей, и мне.

— И кто же... явился инициатором вашего... этого самого разъезда?

— Ну, разумеется, я, — говорю, смутно подозревая, что на самом-то деле все было как раз наоборот.

Девушка, по-видимому, того же мнения.

— Зачем ты на себя наговариваешь? — укоризненно спрашивает она.

— Это не наговоры. Это правда. Как видишь, я не ставлю целью тебе понравиться.

— А почему ты решил, что нравишься мне?

Вам слово, мистер Ловелас!

— Да я просто в этом уверен.

Продолжительная пауза в оркестре.

— Самое странное, что так оно и есть, — растерянно улыбается Ольга.

Что ты на это скажешь? Что ни скажи, все прозвучит банально. Самое лучшее в моем положении — молчать, что я и делаю. Зачерпнув песок в ладонь, пропускаю его сквозь пальцы и смотрю поверх головы девушки туда, где еще час назад приметил на обрыве двух молодцов, усердно разглядывающих морскую ширь. В моем тщательно подобранном багаже есть бинокль, с помощью которого я мог бы поближе разглядеть эту компанию. Но, во-первых, мне не хочется тревожить девушку, а во-вторых, я знаю, что у них тоже есть бинокль.

9

Ресторан расположен в живописном ущелье и, судя по обилию машин, заполнивших стоянку, пользуется популярностью. Не без труда нахожу свободное место и с трудом втискиваюсь между серебристой экспортной «Ладой» и голубым «фордом-капри». В окружении элегантных экипажей моя «Нива» смотрится как тудяга-тяжеловес в обществе племенных рысачков, но нам с ней это как-то все равно. Среди транспортных средств, дожидających своих хозяев, мы с ней приметили три серые «Волги».

У входа в ресторан нас встречает улыбчивый мужчина в смокинге.

— Добрый вечер, — с любезностью, превосходящей дежурную, приветствует он. — Николайшвили, метрдотель. Добро пожаловать в наш ресторан!

Жалуем. Метрдотель пропускает меня с Ольгой вперед, а сам услужливо семенит следом.

— Издалека к нам прибыли? — интересуется он.

— Издалека, — не устаивая метрдотеля поворотом головы, бросает девушка. В атмосфере фешенебельного ресторана она чувствует себя столь же уверенно, как и на трассе нашего ралли. Ее появление уже привлекло внимание лиц мужского пола, занимающих ближайшие столики.

— Одесса? Ростов? Черновцы? — предполагает провожатый.

— Москва, — говорю я.

Услышав, что гости не принадлежат к жителям городов, которые он ставит выше столицы, метрдотель сникает.

— Москвичи? Замечательно, — кисло произносит он. Говорит подоспевшему официанту: — Проводи наших гостей к столу номер пять. — И исчезает.

У него обнаружили срочные дела в противоположном конце зала.

Вечер у столика номер пять начинается с небольшой заминки. Я усаживаюсь лицом к окну. Усаживаюсь преднамеренно: у меня перед глазами — автостоянка и входная дверь. Ольга устраивается напротив меня. Пока я беседую с официантом, она с отсутствующим видом разглядывает зал. Закончив переговоры, обнаруживаю ее обеспокоенной. Интересуюсь, в чем дело.

— Дует, — жалобно отвечает девушка.

У меня есть основания заподозрить иную причину ее нервоз-

ности, но факт сквозняка налицо. Предлагаю поменяться местами, на что моя спутница с готовностью соглашается. Теперь, когда я лишен возможности созерцать столь важные объекты, у меня появляется дополнительная причина бросить взгляд на скопище автотехники, расположенной по соседству. Встаю.

— Куда ты? — спрашивает Ольга.

Говорю, что хочу переставить машину. На стоянке сутолока, скоро стемнеет, кто-то будет выезжать — заденет. Одним словом, нормальное беспокойство нормального автомобилевладельца.

Объяснение ее удовлетворяет.

— Только скорее, ладно? — просит девушка.

Умение держать себя в руках у нее, если можно так выразиться, непрофессиональное, и, когда она плохо владеет собой, она переживает. Это заметно. Не очень, но заметно. Конечно же, она тоже видела серые «Волги».

Покидаю ресторан и провожу рекогносцировку. Интересующие меня автомобили на прежних местах. Номера на всех трехместных, и один из них кажется мне знакомым. Мне приходит на ум обсудить это обстоятельство с кем-нибудь из персонала заведения: своих тут, без сомнения, знают. Верчу головой в поисках подходящего собеседника и обнаруживаю дремлющего у входа швейцара. Это то, что мне нужно. Иду на сближение и, когда последнее, по моим расчетам, достигнуто, лезу в карман за сигаретами.

— Закуривайте, — предлагаю я швейцару.

Незамысловато, но вполне подходит в качестве затравки.

Швейцар открывает глаза и рассматривает сначала протягиваемую ему пачку «Примы», потом обладателя столь редкостных сигарет. Признав во мне ходока из дальних мест и не усмотрев в моих действиях ничего предосудительного, он принимает вызов.

— Лучше этих, — говорит швейцар, извлекая на свет пачку «Пэл Мэл».

И я понимаю, что ответы на мои вопросы будут стоить недешево.

Мы закуриваем и еще несколько мгновений молча обзираем друг друга, внося в свои выводы последние коррективы.

— Значит, Габуня уже здесь? — говорю я, указывая на серую «Волгу», стоящую к нам ближе других. — Как это я не заметил?

— Какой Габуня? — лениво любопытствует швейцар.

— Мой приятель из Тбилиси — это его машина.

— Пойдем, — предлагает швейцар, одарив меня взглядом, исполненным сочувствия.

Я жду от него слов, а он намерен вовлечь меня в действие. Любопытно, какое?

Мы подходим к заинтересовавшей меня машине. Швейцар достает из кармана ключи на пикантном брелоке, открывает дверку «Волги», опускается на переднее сиденье и приглашает меня расположиться рядом.

— Садись, дорогой, — говорит он. — Это моя машина.

Тем временем в ресторане происходит незначительный инци-

дент, я хоть и нахожусь в каких-нибудь ста метрах, но не могу вмешаться в ход события.

За столиком в дальнем углу некто в джинсовой куртке рассчитывается с официантом. Уплатив по счету, человек встает и направляется к выходу. Он спешит, у него нет желания быть узнанным. У самой двери «джинсовая куртка» вынужден уступить дорогу официантке с тяжело груженным подносом, и этого полуоборота достаточно для того, чтобы Ольга, нелюбопытно переводя взгляд с одного предмета интерьера на другой, увидела его лицо. Девушка вздрагивает. Она, без сомнения, знает этого человека.

Выйдя из ресторана, «джинсовая куртка» оказывается передо мной на расстоянии прямой видимости, но мой взгляд в его сторону расфокусирован: я отвлечен беседой со швейцаром. К тому же на стороне незнакомца сгущающиеся сумерки. Он сворачивает влево и исчезает со сцены.

— Ну, значит, машина моего приятеля вон та, — говорю я.

— Это машина товарища Мачаидзе, — объясняет швейцар.

Держу пари, он уже смекнул, что никакого приятеля нет и в помине.

— Мачаидзе? Футболиста?

— Он не футболист, нет. Большой человек!

— Тогда третья, — простецки продолжаю я. — Мой приятель никогда не опаздывает.

Швейцар хитро щурит на меня свои белесые глаза.

— Интересуетесь, да? — с намеком спрашивает он.

Все понято как надо. Нащупываю в кармане некую шуршащую бумаженцию и переправляю ее в ладонь швейцару. Он зажимает купюру в кулаке и рассматривает кулак с прозорливостью рентгеновской установки.

— К нам много людей приезжает, — наконец говорит он. — Это машина моя. Заработанная честным трудом!.. Вон та — товарища Мачаидзе. А чья третья, я не знаю.

Переставляю «Ниву», уступаю дорогу дикому мотоциклисту, с ревом стартующему из ближайших кустов, и возвращаюсь в ресторан. Здесь оживленно. Какой-то подвыпивший верзила схватил Ольгу за руку и тянет танцевать. Девушка отбивается, но вырваться из объятий этакое экскаватора ей не по силам. Как водится, за развитием событий заинтересованно следит весь зал, но никто не вмешивается.

— Олег! Олег! — завидев меня, кричит девушка.

На хорошей спринтерской скорости срываю ленточку и вклиниваюсь между Ольгой и верзилой. У меня большие сомнения по поводу того, понимает ли этот мешок с песком доступный нам язык, но я как можно громче и внятнее все же советую ему идти своей дорогой.

— А это кто такой? — удивляется звезда танцевального вечера.

Не успеваю представиться. Несильный, но достаточно ощутимый толчок отбрасывает меня в сторону. В зале воцаряется тишина. Прижавшись к стене, испуганно следит за развитием событий Ольга. Сейчас у меня нет времени ее успокаивать.

Снова подхожу к верзиле и возобновляю переговоры. Я мог бы уложить его с одного удара, но два обстоятельства мешают

мне это сделать немедленно. Во-первых, важно, чтобы в последующем за всем милицейском протоколе было отмечено: драку начал не я. А во-вторых, нелишне было бы знать, какими силами, кроме этого монстра, располагают нападающие, если таковые имеются в наличии.

Верзила на уговоры не поддается. Он ударяет правой. Эффектным этот удар кажется только из последних рядов партера, ибо я успеваю увернуться, и размером с хороший кирпич кулак со свистом проносится в миллиметрах от моего лица, навевая приятную прохладу. Слышу, как кричит Ольга. Экскаватор разворачивается для второй попытки. Напоследок еще раз гляжу в тупо ухмыляющееся лицо незнакомого мне человека и в следующую секунду многократно выверенным ударом отправляю его в нокаут. До счета «шесть» верзила стоит как бы в ожидании аплодисментов, потом тяжело рушится на пол. Занавес.

Зал, до того молчавший, взрывается. Слышатся негодующие крики. Официанты ожили и решительно бросаются к месту действия. Ольга опережает их и преграждает путь, будто надеется меня защитить. А в двери, неумолимый и грозный, уже вырастает милицейский наряд.

10

Пока меня, Ольгу и находящегося в блаженном состоянии тихого согласия со всем миром верзилу опрашивают в районном отделении милиции, в переговорном пункте местного узла связи происходят заслуживающие внимания события. Из кабины номер четыре некий молодой человек ведет со своим абонентом следующий диалог.

АБОНЕНТ. Слушаю.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это я,

АБОНЕНТ. Да?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мы не можем войти с ним в контакт. Он возит с собой какую-то девчонку.

(Продолжительная пауза.)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вы слышите?

АБОНЕНТ. Да.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что делать?

АБОНЕНТ. Изолируйте ее. Я жду до завтра.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да, но...

(В трубке гудки отбоя.)

Молодой человек покидает переговорный пункт, садится за руль серой «Волги» и уезжает. Минуту спустя к телефонистке обращается еще один молодой человек, настроенный решительно. Выдернув из кармана рубашки краешек удостоверения, он называет свое звание и имя.

— Слушаю вас, — испуганно произносит телефонистка.

Обладатель удостоверения задает ей один-единственный вопрос:

— Куда и по какому номеру только что звонили из четвертой кабины?

Наш лагерь мы опять разбиваем на берегу: никаких возражений со стороны Ольги на этот счет не поступает. Пейзаж не отличается разнообразием: те же заросли, тот же пляж. Я вожусь с палаткой. Девушка стоит у воды и смотрит в темноту. Любопытно, что она там увидела?

— Вот теперь это похоже на отдых, — говорю я. — Ресторан, драка, милиция... Я все думал, чего не хватает в моей жизни? Теперь мне ясно: в ней не хватало приключений!

— Перестань, — обрывает меня Ольга.

Подхожу к ней. Обнимаю ее за плечи.

— Что с тобой? — спрашиваю.

Девушка отстраняется.

— Ничего, — говорит она.

— Может, тебе не нравится здесь? Давай поедem в Крым, — предлагаю я. — Завтра к вечеру будем в Ялте.

— Ах, оставь...

Ольга нервничает и на сей раз не пытается этого скрыть. Последующие попытки убедить ее в том, что все худшее позади, ни к чему не приводят. А может быть, я не очень доказателен, ибо сам в это не верю.

— Тебе надо отдохнуть, — мягко заключаю я. — День какой-то сумасшедший...

То, что я думаю в этой связи о дне завтрашнем, остается при мне.

Часом позже Ольга, как доброе привидение, возникает у «Нивы», в кабине которой несет свою нелегкую ночную вахту некто О. М. Никитин.

— Оля? — неуверенно предполагаю я отнюдь не потому, что не верю своим глазам.

Девушка открывает дверку и в течение шестнадцати ударов моего гулко бухающего сердца молчит, глядя куда-то в сторону.

— Я боюсь, — наконец произносит она.

— Кого? — спрашиваю я, хотя правильнее было бы спросить «за кого?».

Вместо ответа слышу рыдания Ольги. В следующее мгновение на меня обрушиваются ее волосы, ее руки, ее губы, и под натиском этого несокрушимого войска я непростительно поспешно забываю о том, что намеревался бдеть до утра и непременно изловить двух мрачных шутников, разъезжающих в автомобиле тоскливого цвета, окажись они где-нибудь поблизости.

Утро свежо и чисто; все выметено до последней соринки и вымыто до головокружительной синевы. Солнце трезвонит во все колокола. Ветер гонит по поверхности залива заливхватские волны. Избыток сил распирает грудь. Хочется делать что-нибудь значительное: ломать скалы, нырнуть на дно и гарпунить кровожадных акул, впрячься в плуг и пахать склоны окрестных гор. Однако здравый смысл пресекает все эти намерения в зародыше. Кровожадные акулы в Черном море не водятся, склоны давно уже возделаны под виноградники, а за попытку ломать заповедные скалы можно, чего доброго, угодить за решетку. Материализую свой приступ энтузиазма в нечто менее зна-

чительное, но более полезное: решаю заглянуть в двигатель, чего, кстати, не делал последние несколько дней. Хорошая сигарета и музыка, звучащая из приемника, приятно разнообразят мою деятельность.

Из палатки появляется Ольга. Она при полном сборе. В руках у нее сумка.

— Я ухожу, — объявляет девушка.

Сухо, конкретно и оглушительно неожиданно. Насколько я понимаю, это более чем странное решение — окончательно и бесповоротно; уговоры бессмысленны.

Отбрасываю сигарету, выпрямляюсь, вытираю руки ветошью и, как и подобает мужчине, молча и сдержанно гляжу на Ольгу. Истины ради следует добавить, что на карту поставлено все мое самообладание.

— Обещай выполнить мою просьбу, — говорит Ольга.

Молчу, ничего не обещая и, во всяком случае, внешне не выражая ни малейшего желания узнать, что это за просьба.

— Не смотри на меня так! — взмаливается девушка.

— Я слушаю, — говорю я, не делая никаких попыток смягчить выражение лица и голоса.

Что решено, то решено, и basta!

— Уезжай отсюда. Сегодня же! — поспешно, будто ей не дадут сказать, кричит Ольга. — В Крым, в Ялту, ты же хотел... А лучше всего возвращайся в Москву... И не иди за мной. Пожалуйста!

Предупреждение четвертое, сделанное открытым текстом, и, судя по всему, последнее.

Девушка подхватывает сумку и исчезает в прибрежных зарослях.

Два обстоятельства мешают мне последовать за ней немедленно. Первое чисто теоретического плана, оно называется «мужская гордость». Второе более конкретно. Мой верный друг и помощник небоготовен, а «Нива», насколько я разбираюсь в ситуации, может понадобиться с минуты на минуту.

Пока я лихорадочно, превосходя все нормативы, закручиваю винты и гайки, Ольга углубляется в заросли, идет, не разбирая дороги. Она плачет взахлеб, будто навсегда прощается с близким человеком, что само по себе не так уж далеко от истины. Поначалу серая «Волга», абстрактным пятном возникшая впереди, не воспринимается девушкой, но уже через несколько шагов она начинает понимать, что перед ней, и усилием воли заставляет себя унять рыдания. Попытка остаться незамеченной на таком расстоянии лишена смысла, или ей это просто не приходит в голову. Ольга подходит к машине и видит: дверца открыта, внутри — никого. Она оглядывается: впереди, повернувшись в сторону моря, стоит какой-то человек.

Девушка делает несколько осторожных шагов к берегу, хочет предупредить меня, но в это время на нее набрасывается некто, неслышно приблизившийся сзади. Она пытается вырваться, громко кричит:

— Олег!

Повторное упоминание моего имени прерывает тяжелый удар. Свет меркнет. Безжизненное тело девушки сползает на землю.

Происходящее наблюдают неожиданные свидетели — пассажи-

ры проезжавших зеленых «Жигулей». Вопреки обычной для таких случаев логике водитель «Жигулей» не спешит исчезнуть со сцены. Он останавливается, чем серьезно нарушает дальнейшие планы таинственного дуэта из серой «Волги». Мужчины спешно садятся в машину. Пропетляв между деревьями, «Волга» выносится на шоссе, визгливо разворачивается и стремительно уходит в сторону гор.

Хватаю ружье и бросаюсь на крик. В одном из актов пьесы оно должно выстрелить. Действительность убеждает меня в том, что сейчас выполнить это условие не удастся. Ольга лежит на траве лицом вниз. Она без сознания. Сквозь ее волосы, как сквозь марлевую повязку, проступает кровь. На шоссе разворачивается серая «Волга», и какие-то люди выскакивают из зеленых «Жигулей». Короткого взгляда на этот десант достаточно, чтобы определить: они не соучастники.

— Идите сюда, — зову я пассажиров «Жигулей».

Их трое. По-видимому, это семья. Мужчина возглавляет команду. Женщина держится чуть поодаль, но в любую минуту готова прийти на помощь мужу. Девчонка лет тринадцати, оставшись на дороге, дрожит от возбуждения: ее гонит вперед любопытство и удерживает на месте страх.

Мое появление останавливает их продвижение вперед.

— Кто вы такой? — кричит мужчина.

Серая «Волга», ружье, какой-то подозрительный тип, возможно, труп: у него есть основания оставаться на месте.

Приходится терять драгоценные секунды и объяснять, кто я. Вместе с мужчиной мы переносим Ольгу в «Жигули». Женщина суетится рядом, открывает дверку, раскладывает сиденье и раздражающе бормочет:

— Какая красавица! Ах, какая красавица!..

Мы укладываем девушку в машину, и я объясняю мужчине, что ему делать дальше.

— Не беспокойся, товарищ дорогой! Все сделаем! — торжественно заверяет он.

«Жигули» увозят Ольгу. Бегом возвращаюсь к месту нашей последней стоянки и вскакиваю в кабину «Нивы». Переваливаясь всеми четырьмя колесами на каких-то колдобинах, машина движется в сторону трассы. На берегу остается брошенная палатка — сейчас не до нее.

Достигнув дороги, я позволяю себе единственную паузу и несколько секунд рассматриваю карту. «Волга» оторвалась километров на десять, по шоссе мне ее не достать. Зато в руках у меня вездеход, чья стихия — проселок. Значит, надо идти в обход. Вот и весь план, с тем небольшим уточнением, что какой-нибудь незадачливый водитель встречного грузовика в состоянии перечеркнуть его одним поворотом баранки.

На протяжении двадцати с лишним километров шоссе карабкается вверх. Прямых участков мало, «Волга» ушла слишком далеко — на протяжении всего подъема я ни разу ее не видел. Я спешу. Я очень спешу. Я еще никогда в жизни так не спешил. Помимо всего прочего, мне хочется первым перехватить этих мерзавцев, чтобы побеседовать на свой лад: слишком много всего у меня к ним накопилось. И то, что по независящим от меня обстоятельствам эта встреча откладывается на кило-

метр, на секунду, на вздох, заставляет меня скрежетать зубами от ярости. Спокойнее, говорю я себе, все равно никакой такой «нравоучительной» беседы у вас не получится. Делай свое дело так, как умеешь, — это сейчас все, что требуется.

Обнаружив подходящую гору, дорога обвивает ее стан и устремляется к морю. В этом месте я впервые замечаю своих противников: они двумя витками ниже, я отыграл у них километров шесть. Не сбавляя скорости, прицеливаюсь к местности, нахожу участок, подходящий для задуманного мной трюка: россыпь камней, два-три десятка деревьев. Съезжаю с трассы и, секунду помедлив, обрушиваю «Ниву» со склона. Спуск едва ли проще по сравнению с другим, в той гонке, когда я убежал, а меня догоняли. Но теперь я злее, а значит, спокойнее, и вторая попытка удачней первой. Пересекаю два витка серпантина за спинами преследуемых, и один уже перед ними, выкатываюсь на шоссе и останавливаюсь. Я достиг точки встречи.

Из-за поворота, сияя никелем и медью, поднимается пожарная машина. Судя по всему, пожарные возвращаются после успешного единоборства с огнем, ибо этот парад доблести и блеска сопровождает песня. Поспешно соображаю, как мне лучше воспользоваться этой неожиданной встречей, и краем глаза вижу, как с подножки соскакивает какой-то великан в полной боевой амуниции и устремляется к «Ниве».

— Какими судьбами, дорогой?! — голосит он.

Я узнаю Автандила Руставели.

Для затейливого разговора времени нет. Выхожу из машины и в двух словах излагаю ему существо дела.

— Я понимаю, дорогой, что твоя просьба продиктована добрыми намерениями. Но все же... — мнетя почтенный тамада. — Наш великий поэт по этому поводу сказал...

Вынимаю из кармана и протягиваю моему другу удостоверение, из которого он узнает, что человек, доселе ему известный как Олег Михайлович Никитин, носит совсем другое имя, а характер его деятельности связан отнюдь не с международными перевозками.

Тамада суровее.

— Все понял, товарищ капитан! — кричит он и, повернувшись к пожарным, оглушительно кричит: — Тревога!

Предупредив, что пассажиры «Волги» вооружены и возможна стрельба, успеваю рассредоточить большую часть команды за скалами. Вовремя! Серый лимужин загнанным зверем выносится из-за поворота. Успеваю отметить, что в салоне один водитель. Такой поворот дела не был мною предусмотрен, но я не смог бы вмешаться, даже если бы предвидел его заранее.

Водитель «Волги» видит, что впереди, преграждая путь, стоит красная «Нива». Его замешательство длится лишь мгновение, но именно в это самое мгновение из-за скалы выезжает пожарная машина и отрезает путь назад. «Волга» в западне! Но она не останавливается. В отчаянной попытке спастись она рвется напролом, бодает «Ниву», отбрасывает ее в сторону, и я понимаю, что на дороге «Волге» не удержаться.

Она срывается в пропасть, падает на камни и взрывается. Мне остается подойти к самому краю пропасти и зафиксировать этот неожиданный и страшный финал.

Когда Руставели решается приблизиться ко мне, я все еще стою на том же месте и гляжу вниз. Туда, где покоятся останки столь нужного мне свидетеля.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Я сижу в одиночестве в своей холостяцкой квартире и вспоминаю. Воспоминания прерывисты, как знаки телеграфной азбуки. Они теснят друг друга, мешая сосредоточиться на главном. Главное — это то, что произошло в последние две недели. Все самое значительное из происшедшего уже изложено мною в докладе, прочитано, и завтра у нас по этому поводу разговор. Разговор, насколько я знаю моего шефа, пойдет как раз о том, что не вошло в доклад, и я, естественно, хочу подготовиться к нему как можно лучше. Иными словами, я намерен обосновать собственную защиту. Мне не по душе слово «защита», каковое прямо указывает на мою вину или, во всяком случае, ее предполагает. Как бы там ни было, дебют в этой партии не за нами, и, если я намерен и впредь участвовать в игре, я должен защититься. Таковы правила.

У себя дома я бываю редко, но всегда с удовольствием. Все, что находится здесь, соответствует моим вкусам и наклонностям. Я очень ценю постоянство в людях и предметах. Двум-трем знакомым девушкам, попытавшимся оживить интерьер с помощью различных перестановок, подобная инициатива стоила довольно дорого: в этой комнате они больше не появились. Все осталось на своих местах. Телефон под рукой. Груда газет и журналов, сваленных прямо на полу, у телевизора. Книжный шкаф в двух шагах и телевизор в трех. Книг немного, зато среди них нет ни одной непрочитанной. Некоторые сопровождали меня в моих поездках и могли бы удостоверить, что далеко не всегда наше возвращение в родные пенаты было столь же безрадостным.

За окном дождь. Он идет третий день подряд. Улицы серы, лица людей скучны. По-моему, дождь достиг такой стадии, когда стал противен самому себе, и давно бы закончил свое безотрадное существование, если бы у них там, наверху, что-то не разладилось с сантехникой. Даже не верится, что всего лишь в двух часах лета отсюда буйствует солнце, шалит волна и веселые свадьбы скликают под свои знамена жизнерадостных людей с эпическими именами.

Что с того, что стремительные перемещения из одной географической точки в другую стали в наши дни явлением обычным? Мысль, которую поэты наделяют свойствами молнии, расставшись с прошлым, плетется со скоростью черепахи. В этом смысле ничего не изменилось со времен фараонов. К черту несуровые разговоры о какой-то сомнительной способности человеческой природы раздваиваться, растраниваться и даже расчленяться! О чем бы я ни думал, чем бы ни занимался в эти дни, мыслями я в маленькой районной больнице, где до сих пор не пришла в сознание девушка Ольга,

...Это началось две недели назад, когда в одно из районных отделений города Москвы пришел гражданин Никитин. Существо сделанного им заявления заставило работников райотдела связаться с вышестоящими милицескими инстанциями, а тех, в свою очередь, немедленно обратиться в наше ведомство. Речь шла ни больше ни меньше, как о возможности прямого выхода на тщательно законспирированную группу валютчиков, которую уже много месяцев безуспешно искали сотрудники отдела полковника Белопольского.

Водитель «Совтрансавто» Олег Михайлович Никитин очередной свой отпуск планирует провести в автомобильном путешествии по Черноморскому побережью Кавказа. За день до отъезда его «Ниву» в районе Курского вокзала «бодает» автобус. Повреждения легко устранимы: погнут бампер и слегка — левое заднее крыло. Откладывать поездку из-за таких пустяков Никитин не намерен. В гараже автобазы знакомые слесари берутся привести «Ниву» в порядок. Когда бампер снимают, между двумя его стойками находят контейнер. Слесари — народ опытный, умелый, а, естественно, в таких случаях любопытство придает их действиям поистине виртуозный характер. Они вскрывают контейнер и обнаруживают внутри золотые монеты царской чеканки, изделия из драгоценных металлов и бриллианты. То, что юриспруденция определяет коротким словом «валюта». Днем позже эксперты оценивают стоимость найденных предметов цифрой со многими нулями.

Оснований сомневаться в показаниях Никитина нет. Факт дорожного происшествия с «Нивой» зафиксирован в ГАИ. Возникает предположение, что машину намеревались использовать как своеобразный почтовый ящик. Сотрудники Белопольского оперативно проверяют всех, кому было известно о поездке. Безрезультатно. И тогда на побережье под именем Никитина отправляется капитан Лукшин, то есть я.

Наша короткая подготовка к этому достаточно опасному делу с далеко не очевидным исходом базировалась на допущении, что те, кому предназначалась посылка, в лицо Никитина не знают; в противном случае операция вообще теряла смысл. За рулем поэтому сидел не дублер владельца, а некий абстрактный путешественник, который, достигнув определенного района, едет куда хочет, останавливается где вздумается, сводит знакомство с каждым, кто ему приглянется, и вообще весело проводит время. Целенаправленно искать таинственного адресата резона не было. В свой черед, он сам найдет красную «Ниву».

Сумерки за окном сгущаются, темнота в комнате становится злоедей. Протягиваю руку и включаю торшер. В очерченный желтоватым светом круг попадают телефон и залежи периодических изданий на полу. Из полумрака на меня участливо таращатся телевизор и книжный шкаф. У меня к самому себе накопилось много вопросов, и я до глубокой ночи не покидаю кресла, пытаюсь ответить хотя бы на некоторые из них. Завтра мне наверняка придется на них отвечать.

Раскусили ли пассажиры серой «Волги» нашу игру и куда девался второй? В какой степени причастны к случившемуся мои новые знакомые вроде Руставели или случайные встречные

вроде верзилы в ресторане? И наконец, самое главное: какую роль во всем этом играет Ольга? Мой интерес к девушке выходит за рамки чисто служебного. Но в этом я не хочу признаваться даже себе.

2

Мне назначено к десяти. Без одной минуты десять вхожу в приемную и здороваюсь с секретаршей. Бесстрастная, неопределенного возраста дама нажимает кнопку селектора и докладывает о моем прибытии.

— Пусть подождет, — отвечает знакомый баритон, почти не искаженный техническим устройством.

Судя по всему, это надолго.

Минут через двадцать меня приглашают войти. Открываю знакомую дверь и проникаю в знакомый кабинет. Полковник сдержанно приветлив, но само по себе это ни о чем не говорит. По нему не определишь, в каком он настроении. Мне, во всяком случае, не удавалось ни разу.

Опускаюсь в кресло и в течение нескольких секунд подвергаюсь пристальному рассматриванию. В свою очередь, и я отвечаю взглядом на начальство. Мы оба почти не изменились с нашей последней встречи. Я малость подзагорел, он малость осунулся, и только. Разные следствия разных причин. А может быть, одной и той же?

Замечаю на столе полковника папку со своим докладом. Папка закрыта и в этом состоянии будет пребывать до конца нашей беседы. Открывать ее нет нужды. Отдельные, запавшие ему в память места шеф способен цитировать наизусть.

— Итак... — говорит он, одарив меня строгим взглядом.

В этом месте не худо бы закурить. Но Белопольский не курит и не переносит, когда в его присутствии это делают другие. Пока я поспешно подыскиваю какую-нибудь нейтральную, подходящую для начала разговора фразу, шеф атакует первым.

— Я внимательно ознакомился с твоим произведением. — Он кивает на папку. — Складно написано: достоверно, зримо и безжалостно по отношению к себе. У тебя есть определенные литературные способности. Но сейчас мы поговорим не о них. Десять дней назад в этом самом кабинете ты убедил меня дать тебе возможность действовать самостоятельно, так сказать, в свободном поиске. Не скрою, твои доводы показались мне убедительными. Те, кто охотился за контейнером, в силу, так сказать, рода своих занятий, постоянно оглядывались по сторонам и ненароком могли углядеть что-нибудь подозрительное. Никитин «не подозревал» о «посылке». Ты, стало быть, тоже и никоим образом не должен был показать, что знаешь. Что же все-таки произошло? Ты их чем-то спугнул?

Мой ход, а я — в цугцванге. Фигуры скованы, остается лишь топтаться на месте.

— Вряд ли, — говорю я.

— Как же ты объяснишь столь неожиданный финал?

Повторяю изложенную в докладе мысль о совокупности случайностей — поспешное бегство Ольги, появление зеленых «Жигулей», воздаю должное собственной нерасторопности и закан-

чиваю общими рассуждениями на тему, что мы чего-то не учили с самого начала.

Полковник смотрит на меня как учитель на троечника, бойко начавшего ответ и неожиданно споткнувшегося на всем известных истинах.

— То, что не учили, понятно, — говорит он, — Конкретнее, Что именно?

— Не знаю, — честно отвечаю я и, может быть, с излишним оптимизмом добавляю: — Пока не знаю.

Понимаю, что это не ответ, но другого у меня нет. Сегодня ночью тот же вопрос я задавал себе. В голову лезла всякая чепуха. Мне вдруг начало казаться, что подобный исход кем-то планировался в самом начале. Я убеждал себя, что это игра, о которой в тех или иных подробностях, конечно же, было известно определенному числу людей, но все они действовали на нашей стороне, по нашей схеме, это не вызывало сомнений. Оставалось предположить, что неверна сама схема, но эта мысль выглядела невероятной: слишком крупные ставки, слишком очевидны намерения сторон. Слишком очевидны — может быть, в этом все дело? Ответа не было, а сомнения остались. Сомнения по поводу сомнений. Категории не из тех, которыми оперируют в докладе высокому начальству.

— Могли они заподозрить, что ты водишь их за нос? — предполагает шеф.

Вопрос из тех, которые я предвидел заранее и на которые подготовил ответ.

— Не думаю, — говорю я.

— Не думаешь? А на самом деле?

На самом деле... Хотелось бы и мне это знать.

— В многословии тебя не упрекнешь, — заключает полковник.

Насколько я понимаю, сейчас будут подводиться итоги.

— Подведем итоги, — объявляет шеф. — Операция провалилась. Задумана она была неплохо, не стану этого отрицать. К сожалению, в нашей работе результаты ценятся выше идей. А результаты, сам видишь, какие. Единственная нить — я имею в виду серую «Волгу» — оборвалась. Преступники остались на свободе и теперь будут действовать еще осмотрительней. А самое главное, на нашей совести — человеческая жизнь.

— На моей, — тихо говорю я.

Мои слова продиктованы отнюдь не желанием выставить себя в лучшем свете. Все так и есть.

Белопольский пронзает меня взглядом, острым, как выпад фехтовальщика. Не думаю, что он умеет читать чужие мысли, но уже от одного этого предположения мне становится не по себе.

— Как состояние Морозовой? — интересуется он.

— Все еще без сознания, — говорю я.

— Что врачи?

Иногда очень трудно произнести вслух то, что тебе давно и хорошо известно. Отвечаю, с усилием подбирая слова:

— Плохо, Юрий Петрович. Но надежда есть.

Мы молчим. Полковник встает из-за стола, подходит к окну и долго что-то рассматривает на улице. Он давно все обдумал,

но спешить не в его характере. Повернувшись ко мне, Белопольский начинает:

— В общем, так, Виктор Николаевич...

Очевидно, сейчас последуют оргвыводы, и если они не в мою пользу, то еще не поздно попытаться что-либо изменить.

— Извините, товарищ полковник, — отважно перебиваю я Белопольского. — Если вы намерены отстранить меня от дела, то я категорически возражаю!

Шеф улыбается, качая головой. Моя решительность пришлась ему по душе.

— Кто сказал, что я намерен отстранить тебя от дела? — удивляется он. — Ты эту кашу, можно сказать, заварил, тебе и расхлебывать. А вот носа вешать не надо. Молчи! Я же вижу... Оно только начинается, это дельце. Еще будет возможность отличиться... Ну, как там на Черноморском побережье? Ты не поверишь, лет десять не был!

Это сигнал отбоя. Можно перевести дух.

В течение полутора часов мы снова и снова обговариваем случившееся и набрасываем план дальнейших действий. Нас никто не тревожит — два коротких телефонных звонка не в счет.

В финале этого разговора я наконец решаюсь.

— Серая «Волга» — нить, которая оборвалась... Кажется, существует еще одна.

— Куда она ведет, эта твоя вторая нить? — любопытствует полковник. И, не дожидаясь ответа, предполагает: — К Морозовой?

3

Контора, в которой трудится Ольга, расположена во дворе дома, выходящего фасадом на улицу Горького. Во двор я проникаю с переулка. В ста метрах грохочет центр столицы, а здесь — патриархальная тишина, унылый вид на залежи старых ящиков, серая полоска неба и бесконечные двери по обе стороны, ведущие неизвестно куда. Название искомого учреждения, переведенное на общедоступный язык, звучит примерно так: чеготампроекткаойтотаммонтаж.

По лестнице, которую при всем желании я не берусь охарактеризовать как освещенную, поднимаюсь на третий этаж и долго брожу по коридорам в поисках приемной. Поиски безуспешны. Приходится остановить степенного вида мужчину, на рысях пробегающего мимо, и вступить с ним в переговоры. Мужчина по-детски рад возможности оказать мне услугу. Объем полученной от него информации позволяет без помех добраться до Огненной Земли. К сожалению, мои планы не идут столь далеко, а нужная дверь оказывается именно той, перед которой протекала наша беседа. Мы сердечно прощаемся. Каждый из нас следует своей дорогой.

Вхожу в приемную и заявляю о своем желании встретиться с управляющим. Секретарша, полная, не скрывающая своих лет женщина, совершает короткий вояж в кабинет и, вернувшись, просит подождать: управляющий совещается с сотрудниками. Жду, коротая время за разглядыванием обклеенных пластиком стен. Женщина делает вид, что усердно интересуется докумен-

тацией. В приемной мы с ней одни. Подходящий момент задать несколько вопросов.

Спрашиваю, давно ли она здесь работает.

— Вообще-то я работаю в отделе, — почему-то смущается женщина. — А на этом месте всего несколько дней: замещаю девушку, ушедшую в отпуск.

— Сколько именно?

Секретарша настолько любезна, что показывает мне папку с приказами. Вряд ли она отдает себе отчет в том, зачем мне понадобились эти сведения. А они меж тем чрезвычайно любопытны. Первый день отпуска Ольги совпал с тем самым днем, когда я под видом Никитина начал свой автомобильный вояж.

Совещание закончено. Из кабинета нестройными рядами движутся сотрудники. Надо думать, они осведомлены о моем визите.

Меня приглашают войти. Вхожу и обмениваюсь скорострельными приветствиями с хозяином кабинета. Сажусь в указанное мне кресло. Управляющий, пухлый мужчина предпенсионного возраста, нервно вытирает платком багровую шею. По-видимому, тревожащий его жар — внутреннего свойства, ибо в кабинете довольно прохладно.

— Ничего плохого сказать о Морозовой не могу, — опередив мои вопросы, гудит он.

Меня радует такое начало.

— Почему вы считаете, что должны говорить о ней плохое? — любопытствую я.

— Ну раз уж ею заинтересовались вы!..

Своеобразная, но довольно распространенная точка зрения. Что ж, придется его огорчить.

— Речь идет о дорожно-транспортном происшествии, — говорю я. — Морозова оказалась единственным свидетелем. Потребовалось уточнить некоторые детали. В протоколе указан адрес вашего учреждения. Вот мы и обратились сюда. А Морозова в отпуске. Не знаете, куда она уехала?

Управляющий приободряется.

— Свой домашний адрес она, конечно, назвать не могла, — упрекает он отсутствующую секретаршу. — Куда уехала? Не знаю. Она мне не говорила. Наши отношения с Морозовой носят исключительно деловой характер.

Последнее — на всякий случай. Сугубо для моего сведения.

— Может, кто-нибудь из сотрудников знает, где она сейчас?

— Вряд ли. Насколько мне известно, ни приятельниц, ни тем более друзей у нее здесь нет. Морозова, знаете ли, принадлежит к той категории людей, которые находят себе друзей на стороне. — Эти слова мой собеседник произносит не без сожаления и тут же, обеспокоившись, что сие могут неверно истолковать, поспешно добавляет: — Да, кстати, и работает она у нас недавно — третий год.

— Вы сказали «недавно», — замечаю я.

— Молодой человек! — В голосе управляющего появляются назидательные нотки. — Если я сказал недавно, значит, недавно. Я работаю здесь двадцать шесть лет!

Свой следующий визит наношу квартирной хозяйке Ольги. Метро «Ждановская», шестнадцатизэтажная башня, десятый

этаж, вторая дверь налево. Звоню. Меня долго рассматривают в «глазок». Следует традиционный вопрос — «кто?». Называюсь. Дверь открывается ровно настолько, насколько позволяет цепочка. Просят показать удостоверение. Показываю. Дверь открывается. На пороге высокая худая старуха. Седые волосы зачесаны назад и увязаны в пучок, взгляд недобрый, под глазами мрачные тени. Мне не по себе от одного ее вида, но я стараюсь держать себя в рамках бодрой любезности, ибо впереди — разговор.

— Вы ко мне? — неприятным визгливым голосом вопрошает сия мегера.

Объясняю, что зашел потолковать о ее квартирантке. Лицо старухи оживает злорадная усмешка: как будто она еще много веков назад предвидела этот визит. Церберша делает шаг в сторону. Это предложение войти.

Беседуем мы на кухне, поражающей своей прямо-таки безжизненной чистотой.

— При всем желании ничего хорошего сказать о ней не могу, — с плохо скрываемой радостью сообщает хозяйка. — Приходит поздно, за полночь. Случается, по нескольку дней не является. Современная девушка!

— Что это вы так, а? — интересуюсь я. Вопрос излишний, ибо и так все ясно.

— В ее годах мной милиция не интересовалась, — многозначительно отвечает старуха.

Спрашиваю о знакомствах Ольги: бывает ли у нее кто-нибудь?

— Как же... Так я и позволила!

— И не звонят?

— Ну почему же?.. Этого я не запрещаю. И знаете кто? Мужские голоса. Только мужские голоса!

У меня большие сомнения по поводу того, известно ли этой особе, что человечество делится на мужчин и женщин, но это обстоятельство к дорожно-транспортному происшествию, по поводу которого я здесь, отношения не имеет.

— Ольга не говорила вам, куда поехала?

Какой-то разговор по этому поводу был, но его содержание старуха запомнила хуже, чем «мужские голоса».

— Куда же... Пойдите, пойдите. Кажется, в Брянск, к матери.

— Куда? — с плохо скрываемым волнением переспрашиваю я.

— В Брянск! — убежденно повторяет мегера. — Говорила, что в Брянск. А уж туда ли, не туда, этого я не знаю.

По моей просьбе старуха показывает мне комнату Ольги. Теория, гласящая, что предметы могут многое порассказать о хозяине, здесь не работает, ибо в комнате мало предметов, принадлежащих девушке: личные вещи да книги. Книг немного. Автобиография Чарлза Чаплина. Томик Фицджеральда. «Три товарища» Ремарка. Учебник русского языка и самоучитель французского. Томик Есенина. «Технология кройки и шитья». Томик Чехова. Попробуйте на основании этого списка умозаключить что-нибудь путное.

На стене мастерски сделанная фотография. Девушка запечатлена на берегу Москвы-реки. Ветер теребит ее волосы. Она

улыбается, но глаза печальные, строгие. Какие мысли тревожат эту очаровательную головку?

Вынимаю записную книжку и нахожу чистый листок и фиксирую свой служебный телефон. Это — хозяйке.

— У меня к вам просьба, — говорю я ей. — Если кто-нибудь будет интересоваться Ольгой, позвоните мне по этому номеру.

Старуха берет листок и изучает текст с наивозможной тщательностью.

— Позвоню, не сомневайтесь. — заверяет она.

Выхожу на улицу. Несколько глотков свежего воздуха мгновенно совершают свое очистительное действие. В обществе этого фельдфебеля в отставке я бы не смог прожить и дня. Девушка жила три года. Еще одна загадка, хотя и не столь важная, как другие. А впрочем, как угадать, что здесь важнее другого? По этой улице Ольга ходила. В том киоске покупала цветы. Сидилась в метро, ехала на работу. Отвечала на звонки. Носила на подпись бумаги. А потом в одно прекрасное утро остановила мою машину. Случайно или нет? Этого я не знаю, но дорого бы дал за то, чтобы знать, что случайно.

4

Сухуми не принимает. Девица в справочном бюро толкует о метеоусловиях; ее холодное безразличие пахнет духами «Мадам Роша». Когда имеешь дело с авиацией, ты всегда готов к такого рода заминкам и всегда они застанут тебя врасплох. Остается только ждать и надеяться, что и человек, ради встречи с которым ты, бросив все, помчался за тысячи километров, благополучно дождетс твоего появления.

Несмотря на то, что отпускной сезон приказал долго жить, в аэропорту оживленно сверх всякой меры. Сидячие места разобраны, к буфету не пробиться. Те, кто не сидит и не ждет очереди к буфетной стойке, обозревают друг друга. В центре внимания две-три девицы, одетые с наимоднейшим изыском и похожие друг на друга, как танцовщицы Ленинградского мюзикхолла. Друг на друга девицы поглядывают с тайным беспокойством, на прочую братию — с явным пренебрежением. Группа храбрых военных численностью до полувзвода толкует их взгляды на свой лад. Судя по всему, подразделение концентрируется для фронтальной атаки по всем направлениям одновременно.

Покидаю театр предполагаемых боевых действий и выдвигаюсь к огромному окну, выходящему на летное поле. Зрелище самое что ни на есть отрадное. Самолеты взлетают и садятся, катятся по рулежным дорожкам, высаживают пассажиров и поглощают их целыми толпами. Хотелось бы знать, какой из них не торопится вылетать в Сухуми.

События, заставившие меня свернуть свою активность в столице и срочно отбыть на побережье, ожидаемы, как восход, и столь же неожиданны, как строчки тайнописи, возникшие на бумаге под действием тепла. Своей легализацией, однако, они обязаны отнюдь не благотворному влиянию южного климата. Мир полон истин, и они всегда готовы прийти к вам на помощь, надо лишь не плошать. «Бесследно не проходит ничто» — так

определяется та, которую мы выбрали в данном случае. Бросьте в воду камень, и через соответствующий промежуток времени этот факт будет зафиксирован сейсмостанцией где-нибудь на Канарских островах. Примерно так и возникло предположение, что гибель серой «Волги» и исчезновение одного из ее пассажиров вызовут какую-то реакцию со стороны преступников, возможно, даже заметную со стороны. Сегодня утром пришло сообщение от наших грузинских коллег. В тот день, когда была ранена Морозова, при странных обстоятельствах исчез адвокат Зазроев. Само по себе это ни о чем не говорило. Если бы не одна маленькая деталь. Автомобиль, отравлявший мне жизнь на протяжении нескольких дней, был зарегистрирован на имя жены Зазроева!

...Четыре часа спустя самолет приземляется в Сухумском аэропорту. Ликующее население делегировало для торжественной встречи некоего Бориса Ахалая, и вот уже он, красивый и загорелый, сжимает меня в объятьях. Ахала — мой сверстник, закоренелый холостяк и безумно любит «бешеный скорост»: эти обстоятельства в свое время способствовали нашему сближению. То, что оперативную группу, присланную в Сухуми из Тбилиси (она раскручивает клубок, так сказать, с другой стороны), возглавляет именно он, — случайность. Но эта случайность, несомненно, на пользу делу: в нем я уверен, как в самом себе.

На город спускаются сумерки. Ахала сообщает, что на место мы отправимся завтра утром, и высказывает предположение, что хороший шашлык и стакан доброго вина удвоят наши силы. Идея, несомненно, имеет право на жизнь, и минут через двадцать езды по пересеченной местности на такой скорости, будто за нами гонятся черти, мы занимаем оборону в одном укромном ресторанчике. Вино и в самом деле отменное, шашлык — выше всяких похвал. По мере сил пользую то и другое. Ахала по причине вполне понятной ограничивается шашлыком. Разговор не залаживается. Борис ждет моих вопросов, а я не спешу их задавать. Если человеку есть что сказать, он скажет.

— Ну и нашел же ты нам работенку, генацвале! — вздыхает мой друг, уразумев, что ожидание бессмысленно, и надеясь хотя бы вызвать сочувствие. — «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». И все срочно!

— Ты же знаешь, что это действительно срочно, — говорю я.

— Ха! — восклицает собеседник.

«Как ты мог усомниться», — так это надо понимать.

— Знаешь, чего мне в последнее время хочется? — доверительно вопрошает Ахала. — Проснуться, чаю попить не торопясь, потом погулять, просто воздухом подышать, на стадион пойти — я там три года не был, за «Динамо» поболеть, понимаешь, покричать, гол красивый увидеть, а то ведь все по телевизору... вернуться домой, с соседями в домино сыграть, «рыбу» сделать.. И чтоб никуда не спешить!.. Даже у валютчиков отпуск есть. А у нас с тобой!..

Склонность моего друга к сантиментам мне хорошо известна. Если он действительно решил меня разжалобить, у него ничего не выйдет.

— В отпуске ты был, — напоминаю я. — В Москву приезжал, помнишь?

— Когда приезжал, слушай? Два года назад!
Это еще что... Я-то к нему в Тбилиси приезжал только по делу.

— Да и я, кстати, только что из отпуска, — продолжаю я. Борис смотрит на меня с удивлением.

— Ну и где же ты отдыхал? — недоверчиво спрашивает он.

— На Черноморском побережье.

И тут до него доходит.

— Ха! — усмехается он. — Могу себе представить, что это был за отпуск!

Утро подготовило нам сюрприз. Окрестности заволокло туманом. Он плотен, как вода, я почти физически ощущаю, как он давит на нас. Противотуманные фары в этом месиве так же бесполезны, как противогаз на дне морском, но Ахалая гонит, не снижая скорости. Остается надеяться, что дорога ему хорошо известна.

По мере того как мы поднимаемся в горы, туман редет, растворяется, как дым костра в ночном небе. Единоборства с солнцем ему не выдержать; он отступает вниз, забивается в ущелья, стекает к морю. Минуем какую-то деревеньку, сворачиваем на проселок и через несколько минут оказываемся в пределах действия пейзажа, поражающего взор своей суровой прелестью.

Остроконечные вершины гор, как пики, пронзают ослепительно синее небо. Окруженная с трех сторон горами, долина словно сошла с какой-то старинной гравюры: налицо поместье влиятельного сеньора — и старый лес, и речка, и мост. Так и ждешь, что в следующую секунду протрубит боевой рог и из дома выступит походом на врага хорошо вооруженный рыцарский отряд на конной тяге. Но дом — нечто среднее между гипертрофированной пастушьей хижинкой и самолетным ангаром, — окруженный массивным, больше похожим на крепостную стену забором, безмолвен и безлюден.

Борис останавливается у дома. Мы выходим и какую-то минуту любуемся окрестностями.

— Пленительный уголок, — говорю я.

— Еще какой! — подхватывает Ахалая. — Дом был брошен. Три года назад Зазроев купил его за бесценок, перестроил — сегодня за него дают сорок тысяч! На языке деловых людей это называется «выгодным помещением капитала», верно?

Внешний вид этого строения не дает оснований для столь оптимистических оценок.

— Что-то не верится, — бормочу я.

— Сейчас увидишь.

Осматриваем дом. Внутри это настоящий дворец в миниатюре: старинная мебель, антиквариат, ковры, картины. Насколько я могу судить, здесь есть и подлинники.

— Хорошо живет адвокат, — констатирую я.

— Состоятельный человек, — коротко поясняет Ахалая.

Он достает записную книжку и перечисляет, сверяясь со сделанными в ней пометками:

Пятнадцатого сентября днем Зазроев выехал сюда на машине.

— На машине жены? — интересуюсь я. Это немаловажная подробность.

— На своей. У него «Жигули».

— А как супруга объясняет отсутствие машины?

— Говорит, муж дал на несколько дней каким-то своим знакомым. Больше ничего не знает... Еще один момент. Жена хотела приехать сюда вместе с дочерью, но он не разрешил. Сказал, что будет работать, и просил его не беспокоить. Шестнадцатого сентября между девятью и десятью вечера она звонила и разговаривала с ним.

Шестнадцатого сентября... В тот вечер мы были в ресторане.

— На даче есть телефон? — перебиваю я, пораженный прошедшей на ум несложной мыслью.

— Я же сказал — звонила! — обижается Ахалая. — Слушай дальше. Утром следующего дня — это было семнадцатого сентября — на ее звонок никто не ответил. Не ответил ни днем, ни вечером. Волнения, переживания, то да се... Восемнадцатого она приезжает сюда сама. Зазроева на даче нет. Два дня она выжидает, а двадцатого заявляет в милицию.

— Почему только двадцатого?

— Говорит, что такие неожиданные отлучки мужа бывали и раньше. В таких случаях он всегда звонил ей — из Москвы, из Ленинграда, из Одессы... В этот раз не позвонил.

— Машина? — бросаю я.

— «Жигулей» на даче не было.

— Ищите?

— Розыск мы объявили двадцатого. Пока никаких следов. — Ахалая задумчиво трет переносицу. — Я тебе вот что скажу, Виктор. Если человек внезапно исчезает, это кому-то нужно. Может быть, ему самому, а может, нет. Давай исходить из того, что Зазроев исчез по собственной инициативе. В таких случаях человек обязательно что-то прихватывает на черный день. Вклад Зазроева в сберкассе не тронут. В квартире мы ничего не нашли.

— А здесь?

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Борис выходит из гостиной. Я следую за ним, мысленно сопоставляя даты. Об исчезновении Зазроева стало известно двадцатого. Нам доложили двадцать первого. Они искали меньше полусуток.

На кухне Ахалая обращает мое внимание на холодильник, спрятанный в глубине ниши.

— Что это? — спрашивает он.

— Холодильник, — отвечаю я.

— Удобно, правда? Никому не мешает. Давай помогай.

Вдвоем мы выволакиваем холодильник из ниши. Борис включает настольную лампу и светит в нишу.

— Теперь смотри, — говорит он.

Наклоняюсь и вижу вмонтированный в дальнюю стенку ниши сейф.

— Открывай, не заперто, — предлагает Ахалая.

Открываю — сейф пуст. Вопросительно смотрю на моего друга.

— Мои ребята утверждают, что в сейфе находился сравнительно небольшой прямоугольный предмет. Что-то вроде порт-

фея или скорее «дипломата». Извлекли его оттуда несколько дней назад. Много любопытного в этом доме, правда?

Мы возвращаемся в гостиную. Некоторые из картин, бесспорно, заслуживают того, чтобы им посвятить часок-другой, но сейчас у нас нет на это времени.

— Не боится хозяин оставлять такое богатство без присмотра? — интересуюсь я.

— Обычно на даче есть сторож — житель здешней деревни, — объясняет Борис. — Пятнадцатого Зазроев, когда приехал, отпустил его домой. Сказал, что дня на три.

— Ты проверял?

— Обижаешь, начальник! — разводит руками Ахалая.

— Где телефон?

— Хочешь позвонить?

— Хочу посмотреть.

— Он в спальне. Это сюда.

В смысле обстановки спальни, пожалуй, самое скромное место в доме. Простая кровать, торшер, два кресла, тумбочка. На тумбочке телефон. Для того чтобы снять трубку, человеку, сидящему в кресле, достаточно протянуть руку.

— Послушай, Борис, — говорю я, — попытайся выяснить, кто еще звонил Зазроеву шестнадцатого в течение дня и семнадцатого утром.

— Сделаем, — коротко отвечает Ахалая.

Мой друг не привык задавать лишних вопросов. Он считает, что это непрофессионально.

5

Двухэтажное здание больницы расположено на окраине городка. Место под двор отвоевали у холма, срезали часть склона, стыки аккуратно выложили камнем. Холм не обиделся, взял под свою добрую опеку здание и двор. Зимой он защищает их от ветра. Летом в его тени всегда прохладно. Сегодня жаркий день. По двору, стараясь держаться в радиусе действия тени, прогуливаются выздоравливающие. Четверо из них, расположившись за деревянным столом под старой грушей, разминаются в домино.

Из двери появляется и поспешно направляется ко мне главврач, рано располневший человек лет сорока с добрыми и грустными глазами. Маленькая больница в глубинке, трудяга доктор, с виду закоренелый неудачник, практикующий в диапазоне от вывихов до черепных травм, — все это поначалу вызывало у меня большие сомнения. Медицинское светило, на которое я вышел через Бориса, заставило меня отказаться от намерения при первой же возможности перевезти Ольгу в Тбилиси.

— Канталадзе? Если, не дай бог, со мной случится то же, что с вашей подопечной, я попрошу отправить меня именно к нему!

— Извините, что заставил вас ждать, — говорит главврач. — Срочная операция. Понимаете, мальчишка-слесарь транспортер на ферме ремонтировал, а механик возьми да включи... Можно сказать, по частям собрали. Будет жить парень! Под счастливой звездой родился!

Я угощаю «счастливую звезду» незнакомого мне слесаря столичной «Явой». Мы закуриваем и пускаемся в неспешную прогулку по больничному двору. Со стороны это похоже на задумчивый разговор старых друзей. Но только со стороны, ибо повод, который свел нас, отнюдь не добрый.

— Состояние по-прежнему тяжелое, — сообщает главврач. — Бредит.

По сравнению со вчерашним днем — ничего нового. Удерживаю себя от внезапно нахлынувшего желания излить этому незнакомому человеку душу и не без усилий возвращаю нашей беседе деловое начало.

Главврач выпускает дым тонкой струйкой и с невзрослой восторженностью следит, как он поднимается к небесам.

— Звала какого-то Олега, — отвечает он.

По-видимому, я меняюсь в лице, ибо мой собеседник поспешно спрашивает:

— Что с вами?

— Ничего, — говорю. — Я могу ее видеть?

— Не раньше чем дней через пять-семь... Скажите... — Главврач какое-то мгновение взвешивает, стоит ли ему продолжать... — Я понимаю, что у вас такая работа... Но все же, если возможно... Для вас очень важен этот разговор?

Я звоню три раза на дню, теперь примчался из самой Москвы — мог бы догадаться.

— Очень, — коротко отвечаю я. — Скажите, доктор, кто-нибудь еще интересовался состоянием больной?

— Ваш коллега из Тбилиси.

Это Борис.

— Может, приходил кто-нибудь?

— Нет, нет... Я бы знал.

Закрываю наш разговор естественной в таких случаях просьбой сделать все возможное.

— Делаем все возможное, — сухо произносит главврач.

Будь я хоть господь бог, я не имею права сомневаться в его усилиях.

Ахалая дожидается меня в машине. По его мнению, мое беспокойство о судьбе этой девушки вполне понятно: она важный свидетель. Он считает, что наша встреча на дороге не была случайной. Я знаю это, и меня вполне устраивает, что прозорливость моего друга имеет некоторые пределы.

6

Энергичный Ан-24 переносит нас в Тбилиси, а машина прямоком доставляет к подъезду учреждения, где трудится Ахалая.

После доклада руководству уединяемся в кабинете. Свой главный сюрприз Ахалая, как хороший фокусник, приберег к концу программы. Теперь он не торопясь, обстоятельно подводит меня к нему.

— Последнее время мы постоянно натываемся на следы деятельности одной шайки, — говорит Борис, энергично расхаживая по кабинету, — Валюта, драгоценности, произведения ис-

кусств... Антиквариатом не брезгают. Конспирация на высоком уровне! Я так предполагаю: каждый знает только одного, не больше. И только тот, кто на самом верху, знает всех и все ниточки у себя в руках держит. Понимаешь, сидит где-нибудь в темном углу, а от него во все стороны нити... Как паук! Башковитый, мерзавец!.. К сожалению, это все, что я сегодня могу о нем сказать. Зато у меня есть кое-что другое. Раньше не вязалось. Вот только теперь... Несколько лет назад при совершенно случайных обстоятельствах, подчеркиваю — совершенно случайных — арестовали мы некоего гражданина Минасяна. Ничего интересного при обыске у него не нашли. Кроме вот этого.

Ахалая открывает сейф и выкладывает передо мной плоский металлический контейнер.

— Узнаешь? — вкрадчиво спрашивает он.

Как не узнать — его обнаружили в машине Никитина. Говорю об этом Борису.

— Нет, дорогой, — хитро улыбается он. — Это контейнер, изъятый у Минасяна. Ты передал мне вот этот.

Ахалая снова лезет в сейф и извлекает на свет второй контейнер, как две капли воды похожий на первый.

— Bravo, — говорю я.

— Минасян на сегодняшний день пребывает в местах не столь отдаленных. К сожалению, он один. Все остальные преступники остались на свободе и продолжают свое черное дело. Теперь слушай внимательно! — Призыв совершенно излишен, ибо я весь обратился в слух. — Как ты думаешь, кто защищал Минасяна на суде?

Вот он, фокус! Гаснет свет, волнительно гремит барабан, прожекторы выхватывают из темноты таинственную личность во фраке и цилиндре, лицо закрывает черная полумаска. Кто разгадает его секрет, тому бесплатный билет на все последующие представления.

— Зазроев, — говорю я.

— Именно! — ликующе восклицает Ахалая.

Сдается, моя сообразительность привела его в восторг, хотя после того, что я здесь услышал, догадаться было не так уж трудно.

Немного успокоившись, он продолжает:

— Было это четыре года назад. С тех самых пор Зазроев очень переменялся. От активной практики отошел, изредка ведет незначительные дела. Как живет, сам видел. Защищая даже самых отъявленных подлецов, на такую дачу не заработаешь! Остается предположить, что у нашего адвоката появились какие-то иные возможности. Как думаешь — какие?

Мне понятно, к чему клонит мой друг.

— Минасян, — роняю я.

— Вот, вот! — подхватывает Борис. — Не самый ли крупный зверь попался нам тогда... при случайных обстоятельствах.

— Предположение, безусловно, заслуживает внимания. А какие у тебя, мой друг, доказательства?

— Нет доказательств. Нет! Чистая логика! Я не знаю, кто такой Зазроев, но я могу судить о масштабах его доходов. Если он и валютчик, то, во всяком случае, не рядовой.

— Ты полагаешь, Минасян вручил бразды правления Зазроеву?

— Временно, дорогой! Временно! На период вынужденного «отдыха». Люди «сидят». Схема должна работать.

— Но почему именно Зазроеву?

— Об этом лучше всего спросить у самого Зазроева, — логично замечает Ахалая.

— Улетела птичка, — говорю я.

— Надеюсь, недалеко. Вот что, Виктор, тебе обязательно надо встретиться с Минасяном.

— А если он будет молчать?

— Есть еще одна зацепка.

Ахалая достает из верхнего ящика и кладет на стол изображение вниз какую-то фотографию.

— Взглянь мы несколько дней назад одного человека, — говорит он. — Мелкая сошка, но с большими аппетитами. Тот же круг интересов: золото, бриллианты. Он назвал нам одно имя; клянется, что других не знает. Вот этого!

Борис переворачивает фотографию. С любительского снимка размером тринадцать на восемнадцать на меня таращится довольная собой личность лет тридцати с лицом преуспевающего деятеля районного масштаба.

— Арчил Нодаришвили, гражданин без определенных занятий, — представляет Ахалая. — По словам вышеупомянутой мелкой сошки, Нодаришвили был связным между здешними валютчиками и каким-то человеком в Москве. В конце августа он выехал в столицу, но к назначенному сроку не вернулся. Иными словами, тоже исчез!

7

Существуют десятки способов выпасть из поля зрения: изменить имя и внешность, подыскать подходящий адресок, заполучить новые документы. Определенными преимуществами здесь обладают лица с хорошим знанием географии. Допустим, вас ищут в Костроме, а вы в это время преспокойно разгуливаете по улицам Новосибирска. Если в Арчиле Нодаришвили неожиданно проснулась «охота к перемене мест», поиски могли затянуться на неопределенное время. Этот человек нужен был мне немедленно, и я решил ограничиться Москвой.

Коллеги из соответствующей службы охотно предоставили нам нужные сведения. На стыке последнего месяца лета с первым месяцем осени интересующий нас гость с Кавказа ни в одной гостинице столицы не проживал, по поводу его исчезновения к властям никто не обращался. Я поднял аналогичные заявления, касающиеся мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет. Таковых оказалось трое. Все нашлись, все живы и здоровы. Один загулял с друзьями. Второй неумело скрывался от алиментов. Третий вернулся к жене. Искать его по старому адресу заявительнице, к которой он, в свой черед, ушел от жены, почему-то не пришло в голову.

Оставались лица, ушедшие в небытие. Двадцать девятого августа в состоянии сильного опьянения угодил под электричку

командированный из Иркутска. Тридцатого в районе пятьдесят седьмого километра Киевского шоссе обнаружен труп неизвестного. Возраст: тридцать — тридцать пять лет. Особые приметы: на левой руке след какой-то давней травмы — не хватает большого пальца. Заключение следствия: сбит машиной.

Пока медицинская карточка Нодаришвили, изъятая из районной поликлиники, путешествует в Москву, труп эксгумируют. Заключение судебно-медицинской экспертизы, сопоставленное с данными, полученными из Тбилиси, не оставило никаких сомнений. В ночь с двадцать девятого на тридцатое августа под машину на Киевском шоссе угодил именно он.

Пустынное шоссе в шестидесяти километрах от столицы — неподходящее место для прогулок в ночное время. Но поскольку Арчил Нодаришвили ничего не делал просто так, его появление в данной географической точке, надо думать, не было случайным. Что заставило его отправиться в этот последний в жизни вояж? Сержант, командир патруля, обнаружившего труп, обратил мое внимание на две любопытные подробности. Во-первых, тело найдено в тридцати четырех метрах от дороги. Оно было замаскировано, не так тщательно. Во-вторых, ни документов, ни денег, ровным счетом, ничего такого, что могло бы пролить какой-то свет на тайну его появления здесь, при трупе обнаружено не было. Я поинтересовался у специалистов, может ли человек с травмой, послужившей причиной смерти Нодаришвили, самостоятельно одолеть тридцать четыре метра, и в ответ услышал категорическое «нет».

Версию о неумышленном убийстве я отверг сразу же. Координаты и время действия, род деятельности погибшего, пустые карманы и отдаленность от шоссе места его последнего упокоения однозначно указывали на убийство с заранее обдуманном намерением. Тот, чья рука направила роковой автомобиль, определенно знал, на что шел, и сделал все возможное, чтобы жертва осталась неопознанной.

Нодаришвили был связным: он передавал распоряжения, что-то перевозил по мелочам. Для переброски крупных партий валюты изобретают что-нибудь похитрее. Что-то вроде контейнера в бампере вездехода Никитина. Тот, кто убрал связного, по-видимому, опасался, что нечто чрезвычайно важное станет достоянием чужих глаз и ушей. Годилось и другое предположение. В среде преступников наметился раздор: обманывали друг друга эти подонки так же легко, как клялись в вечной верности. Но и в этом случае речь шла об обмане нерядовом, раз оно повлекло за собой убийство.

Чем больше я раздумывал над всем этим, тем больше мне не нравился один нюанс. Даже не факт. Тональность. Об исчезновении Нодаришвили преступники знали, это подтверждено. Но почему-то особого беспокойства в их стане это не вызвало. Первый признак такого беспокойства — мгновенное прекращение всех дел: залечь на дно, выждать, определить, откуда дует ветер. В данном случае уже через несколько дней из Москвы на Кавказ была отправлена «посылка». Оставалось предположить, что ликвидация связного предопределялась заранее. Но если так, почему это не было сделано на месте? Почему ему

позволили выехать в Москву — мало ли что могло случиться по дороге?

Ясности не было никакой. Схематично, меж тем все выглядело складно, и у меня снова возникло чувство, что кто-то исподволь направляет наши действия. Всякий раз, когда события выходят из-под контроля, кажется, что их направляет кто-то другой, тут уж ничего с собой не поделать. Стоило следствию забуксовать, как появился Никитин с его контейнером. Провалилась операция с контейнером — тут же всплывает личность Зазроева, затем возникает этот самый Нодаришвили. И что же? Зазроев исчез. Нодаришвили убит. По мере того как появляются новые подробности и возникают новые имена, мы все больше и больше вязнем в лабиринте. В лабиринте, из которого, возможно, вообще нет выхода.

8

Стремительный Ту-154 с точностью часового механизма доставляет меня в Свердловск, а его старший по возрасту собрат-трудяга Ан-второй препровождает дальше на северо-восток. Полтора часа в кабине тряского армейского вездехода — и вот я уже в исправительно-трудовом учреждении, где отбывает срок наказания некий гражданин Минасян. Вся дорога из Москвы заняла семь часов. Вчера, испросив выходной, ровно столько же я добирался в Муром проводить мать.

О моем приезде предупреждены. После недолгой беседы с начальником учреждения меня проводят в комнату для свиданий. Сажусь за стол, достаю из портфеля несколько листов бумаги, вынимаю авторучку и жду.

Дверь распахивается, и приятный баритон, опережая появление его хозяина, просит разрешения войти.

Поднимаю глаза и вижу невысокого человека лет пятидесяти, чье телосложение находится в полном соответствии с его возрастом и ростом. Глядит вошедший бодро, на щеках играет здоровый румянец — в здешних местах морозно.

— Входите, — приглашаю я.

Человек входит. Дверь за ним захлопывается.

— Садитесь.

Садится. Глаз не отводит. Внимательно меня разглядывает. Называю себя. Вошедшему представляться нет никакой нужды. Раз он здесь — мне известно, кто он такой.

Начало нашего разговора традиционно.

— Гражданин Минасян, — говорю я, — у меня к вам несколько вопросов. Хочу предупредить, что правдивые и полные ответы на них могут благоприятно сказаться на вашей дальнейшей судьбе.

Минасян улыбается.

— Вы, наверное, уже были у руководителей этого учреждения, гражданин начальник, — говорит он. — В таком случае вам известно, что Минасян — образцовый осужденный, нормы выполняет на сто двадцать процентов, стенгазета два раза о нем писала. А сидеть Минасяну осталось полгода. Значит, через полгода Минасян — свободный человек, понимаете, и ни в каких благоприятных переменах он не нуждается. А вопросы ва-

ши задавайте: приятно поговорить со свежим человеком... оттуда.

Внешне этот человек безразличен к моему появлению. Тем не менее его живо интересует, что я знаю и зачем пожаловал.

— Складно говорите, — замечаю я. — Хорошо поставленный голос, красивый тембр. Мне сказали, что вы активный участник художественной самодеятельности.

— Участвую, — степенно подтверждает Минасян. — Чтец-декламатор. Шота Руставели знаете? Мой коронный номер! Я за него первую премию на нашем смотре получил.

С трудом удерживаюсь от улыбки. Сам на то не рассчитывая, я задел душевную струну моего собеседника, и он не намерен ограничиваться простой констатацией фактов. Он намерен предоставить доказательства.

Нет тому на свете счастья, кто живет во имя злата.

Жадный щелкает зубами от восхода до заката:

Все ему, бедняге, мнится, будто денег маловато.

И душа его во прахе погибает без возврата, —

проникновенно цитирует обладатель первой премии. Кажется, он весь во власти этих слов.

— Разумно, — коротко одобряю я.

На более затяжной комплимент нет времени. Пора начинать нашу работу. Я достаю из портфеля и протягиваю Минасяну фотографию Зазроева.

— Вы знаете этого человека?

Минасян смотрит. Лицо его не выражает ничего.

— Не знаю, — бурчит он.

— Точнее сказать, не узнаете. Это адвокат Зазроев. Он защищал вас на суде.

После моего сообщения человек, сидящий напротив, считает необходимым снова взглянуть на фото.

— Изменился, — говорит он. — Пять лет прошло.

— Очень изменился, — соглашаюсь я. — Настолько изменился, что забросил адвокатскую практику и стал практиковать в области валютных операций.

Холостой выстрел.

— А мне какое до этого дело? — равнодушно роняет Минасян.

— Может быть, вы объясните, почему столь разительные перемены в судьбе преуспевающего адвоката произошли именно после вашей с ним встречи?

— Какие встречи, слушайте! — Все это лишь на полтона выше, чем предшествующая реплика. — Я виделся с ним раз три до суда и еще раз в день суда. Все, что знал он, знали и вы. Я совершил преступление и наказан по всей строгости наших законов. Неужели вы думаете, что мой пример мог заставить блестящего адвоката бросить все — карьеру, спокойную, обеспеченную жизнь — и заняться этим сомнительным и грязным делом?

Насчет сомнений это он, пожалуй, чересчур, ибо есть люди, для которых грязь — самая привычная среда, а в остальном — почти по Руставели. Фронтальная атака не удалась. Ну что ж, попробуем фланговый маневр.

— Давайте порассуждаем, — предлагаю я. — Некто по незначительному поводу задерживается властями. Главные преступления этого человека остаются «за кадром», судят его за мелочь, пустяк по сравнению со всем остальным. Пустяк не пустяк, а дело на пять лет остается бесхозным. Дело, размах которого известен ему одному: нити, связи, люди — все у него в руках! Как быть? Связаться с кем-нибудь из своих людей он не может, да и, вероятно, полностью не доверяет никому из них. И тогда этот человек решается на рискованный, но в его положении единственный и потому оправданный шаг: на эти пять лет находит себе заместителя в лице своего адвоката, в котором он, по-видимому, сумел разглядеть родственную душу. Подробности этого сговора известны им обоим, но, надо думать, они оказались приемлемыми для обоих.

— А ведь никаких улик против Зазроева у вас нет, — неожиданно вступает Минасян. — Так, подозрения... А подозрения без фактов — это мираж в пустыне. Солнце взошло — и нет ничего. Даже тени.

Полутона, полунамеки... А за всем этим стоит нечто очень важное. Передо мной сидит решительный, уверенный в себе человек. Если Борис Ахалая прав в своем предположении, то у Зазроева, пожалуй, есть основания остерегаться Минасяна.

— Откуда такая убежденность? — интересуюсь я.

Мой собеседник играет паузу. Получается у него это столь же профессионально, как и недавняя декламация. Воистину, первая премия досталась ему по праву.

— Вы приехали ко мне и хотите, чтобы я подтвердил эту фантастическую историю? — наконец произносит он. — Вот что я вам скажу... Минасян прожил жизнь и надеется пожить еще немного. Старость человека должна проходить под солнцем — в этих стенах мне его не хватает. Вы любите сказки? Я вам расскажу еще одну. Предположим, вы правы и ваш загадочный некто — тот самый человек, которого вы давно и безуспешно ищите. Неужели вы думаете, что он настолько глуп, чтобы до конца своих дней оставить себя без солнца?

— Когда эта сказка обретет характер официального документа, рассказывать ее будет поздно, — предостерегаю я.

Лицо Минасяна становится бесстрастным.

— Я ничего не знаю, — сухо произносит он. — Ничего.

9

— Шестнадцатого вечером Зазроеву звонили из того самого города, в котором ты демонстрировал приемы бокса, — докладывает Ахалая в Москву. — Но это еще не все. На переговорном пункте какой-то человек интересовался из Сухуми номером телефона адвоката и местом, где телефон установлен. Ему назвали то и другое. Я так думаю, человек искал Зазроева, понимаешь?.. А теперь приготовься упасть со стула. Этот человек представился капитаном Лукшиным.

Я молчу. Я понимаю, что он не шутит.

— Ты почему молчишь? — волнуется на другом конце провода Ахалая. — Ты меня понял?

Я понял, как не понять? Капитан Лукшин — это я сам, и, насколько мне известно, ни двойников, ни родственников мужского пола, ни шутников-друзей у меня нет.

10

Утро начинается с того же, чем закончился минувший день: с раздумий. Иной раз чем больше голову ломаешь, тем меньше что-нибудь понимаешь, и именно так все было в данном случае. Предчувствия меня не обманули. В игре действительно участвует какой-то сторонний человек, который ведет странную партию. Он играет ни за нас, ни против нас. Он играет сам по себе. На этом определенность кончалась. Я набросал список лиц, в той или иной степени причастных к этому делу: каждый из них мог оказаться на переговорном пункте вечером шестнадцатого. Среди прочих в этом списке значились Борис Ахалая и даже я сам. Но даже самые невероятные предположения не проясняли образ мыслей и действий таинственного «капитана Лукшина». За каким чертом ему понадобилось называться моим именем? В его действиях чувствовался вызов. Он открыто смеялся над нашим недоумением. Этот человек был где-то рядом, ну вроде как бы вы открываете дверь, а он за ней стоит и в то же время недосыгаем, как обитатель преисподней. Лица, квартирующие в этом достойном месте, разумеется, в расчет не брались, хотя в поведении моего двойника и было что-то от лукавого.

В какой-то момент мое смятение заставляет меня сняться с места и двинуться в сторону кабинета шефа. Но, не доходя до него метров десять, я благоразумно поворачиваю назад. О чем мы с ним будем толковать? О моей несостоятельности?

В таком вот настроении меня застает телефонный звонок квартирной хозяйки Ольги. Между нами происходит диалог следующего содержания:

ОНА. Вы просили вам позвонить, если кто-нибудь будет спрашивать о моей жилище.

Я. И что, справлялись?

ОНА. Пришла открытка.

Я. Я сейчас приеду. Не возражаете?

ОНА. Это ваше дело.

Я. Вы будете дома?

ОНА. Я все время дома. Я, знаете, в таких годах, что без крайней надобности не выхожу.

Я. Приеду через час.

ОНА. Я вас жду.

Мчусь к метро «Ждановская». Дождь, всю последнюю неделю наводивший тоску на москвичей, взял бюллетень. В просветы между тучами нерешительны, как надежда, проглядывает солнце. Это хороший знак.

В парадном меня поджидает первая неожиданность: лифт не работает. Вбегаю по лестнице, по мере приближения финиша отмечая, что моя хваленая спортивная форма не столь высока, как того требуют обстоятельства. Минуту-другую посвящаю тому, чтобы восстановить дыхание, потом звоню.

Открывают немедленно — хозяйка будто караулит за дверью. — Здравствуйте, Марья Демьяновна, — как можно радушно приветствую я ее.

— Здравствуйте, — сухо отвечает старуха.

Она в том же виде, в том же состоянии здоровья и в столь же непоколебимой уверенности в превосходстве добрых старых нравов над нынешними. Стоит, загораживая проход.

— Вот то, за чем вы пришли.

Хозяйка протягивает мне открытку.

Верчу ее в руках. С облегчением констатирую, что обратный адрес имеется.

— Местная, — говорю я.

— Это уж я не знаю, местная или не местная, — изрекает старуха, публично выказывая свою незаинтересованность. Так уж я в нее и поверил. — От хахаля, наверное.

— Так уж сразу и от хахаля?

— А кто ж еще написать-то ей может! — Хозяйка молчит, словно прикидывая, стоит ли ей продолжать, потом все-таки спрашивает: — Были вы в Брянске?

Отвечаю, что был.

— Ну и что, нашли вашу Морозову?

Как бы ни прозвучал ответ, Ольга больше не будет здесь жить, это я могу гарантировать.

— Ее там нет.

— Я так и думала! — торжественно констатирует цербер в юбке.

— А вы злой человек, Марья Демьяновна, — говорю я и по ответному взгляду понимаю, что эти слова мне при случае припомнят.

— Если у вас больше ничего ко мне нет, то позвольте с вами проститься, — скрипит старуха. — Я себя неважно чувствую — пойду лягу.

Она захлопывает дверь. Опускаюсь на два пролета и, остановившись у окна, внимательно изучаю открытку. Четким крупным почерком на обратной стороне выведено следующее:

«ОЛЯ! НАМ НАДО ВСТРЕТИТЬСЯ. ЭТО ВАЖНО! ЖДУ ТЕБЯ В СЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА В СУББОТУ НА СТАРОМ МЕСТЕ. ПАВЕЛ».

Сегодня среда. Вышеупомянутое место известно лишь двоим — отправителю и адресату, к тому же меня не устраивают сроки. Остается обратный адрес.

Нахожу нужное мне парадное. Скрипит старый лифт, останавливается со вздохом. Хлопает его дверь. Искомая квартира — первая справа. Нажимаю кнопку. Непродолжительную тишину оглашает стандартизованный перезвон.

Мне открывает раньше срока постаревшая женщина.

— Вам кого? — спрашивает она.

— Извините, Павел дома? — в свою очередь, спрашиваю я.

— Паша, тебя! — зовет женщина.

Появляется высокий светловолосый парень, одетый в тренировочные брюки и темную рубашку в клетку, лицом похожий на открывшую мне женщину.

— Здравствуйте, — говорит парень.

— Здравствуйте, — отвечаю я. — Вы Павел, верно?

— Он самый.

Представляюсь. Удивление моего собеседника не выходит за рамки обычного. Он приглашает меня в комнату.

Комната как комната: футбольный мяч, магнитофон, гантели, книги. Одно лишь отличает ее от сотен тысяч таких же комнат: множество фотографий Ольги на стенах. Творческий почерк автора кажется мне знакомым. Вспоминаю, что одну из этих фотографий я видел в квартире у метро «Ждановская».

Сообщаю Павлу о поводе своего визита. Разумеется, в тех подробностях, в которых он должен об этом знать, и в ответ выслушиваю сбивчивое и искреннее признание. Сбивчивость объясняется волнением парня. Искренность — его возрастом. Судя по всему, человек он добрый, открытый и честный.

— Мы познакомились три года назад, — рассказывает Павел. — Вместе поступали в университет, на филологический. Я поступил. Ольга не прошла по конкурсу. Я уговорил ее остаться в Москве и на следующий год поступать снова. Она послушалась меня, осталась. Пошла работать секретаршей в какой-то трест. Она и сейчас там работает. В первые полгода мы виделись каждый день, меня из-за этого чуть из университета не выгнали. Первую же сессию завалил, еле выкарабкался. Потом стали встречаться реже. У нее появились новые друзья, не мне чета: рестораны, машины... Учиться она не хотела, даже поступать не пыталась. Говорила, что и так всего в жизни добьется. В общем, жила в свое удовольствие. В последний раз я встретил ее в конце августа. Случайно. Обрадовалась, потащила в Сокольники... Бродили до утра... Как в добрые старые времена... Она была чем-то расстроена, плакала. Говорила, что все надоело, что не может больше так жить... Сказала, что уедет... Я решил ей помочь. Ну не то чтобы помочь — вы понимаете? Я ведь люблю ее. Очень! Всегда любил... Договорился, что перейду на заочный, место на кафедре предложили. Не бог весть что, но нам на первых порах хватило бы... Написал вот эту открытку, просил о встрече...

Осторожно говорю о том, что на свидание девушка не придет.

— Что с ней? — тревожится Павел.

Как могу, успокаиваю парня. Не думаю, что он до конца мне верит, но не спрашивает. Очевидно, понимает, что я ограничен в возможности отвечать. Его деликатность мне по душе. Добрый, открытый и честный... Почему-то именно таким людям мало в этой жизни везет.

Обвожу глазами стены. С фотографий за мной следят знакомые глаза. Они словно вопрошают: что же ты?.. В самом деле, что ж это я?..

— Это фотографии... Они сделаны давно? — интересуюсь я, додумывая некую, внезапно пришедшую в голову мысль.

— Давно, — отвечает Павел. — В наш «голубой» период.

— В последнее время вы ее не снимали?

— Нет... Впрочем, постойте! В конце июня мы с нашей группой отмечали окончание третьего курса. Это было в кафе «Валдай» на Калининском проспекте. Поздно вечером перед самым закрытием неожиданно появилась Ольга с каким-то типом,

Я их несколько раз щелкнул во время танцев, сам не знаю зачем. Она увидела, разозлилась, выругала меня... Они тут же ушли.

— У вас есть эти фотографии? — поспешно перебиваю я.

Черт возьми, сегодня, кажется, не зря солнечный день!

— Да, конечно.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Павел поднимается, достает с полки большую картонную коробку, высыпает на стол содержимое, находит несколько снимков и протягивает мне.

Я просматриваю фотографии. Мне требуется все мое самообладание, чтобы не выказать удивления, ибо я узнал человека, стоявшего рядом с Ольгой.

— Можно, я возьму их с собой? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Павел. — Если хотите, я увеличу.

— Благодарю вас, не надо.

Мне пора. Понимая, что сейчас уйду, Павел решается сказать несколько трудно дающихся ему слов.

— Вы должны помочь ей, — говорит он, глядя куда-то в пол. — Она ни в чем не виновата.

— Надеюсь, — вздыхаю я.

Я не могу сказать ему ничего иного. Хотя, по чести говоря, должен.

11

У шефа есть возможность в приказном порядке в любую минуту заполучить меня к себе. Однако на следующее утро он предпочитает появиться у меня сам. Полковник считает, что отеческий разговор о наших нуждах-бедах лучше всего проводить на нейтральной территории. У него в кабинете такой разговор, хочешь не хочешь, получится чересчур официальным.

Играть человека озабоченного никакой необходимости нет, ибо я и так озабочен сверх всякой меры.

Что за польза Ростевану, что за выгода войскам.

Если их военачальник предан горю и слезам? — любопытствует Белопольский. Кавказские мотивы в данном случае вполне уместны. Что касается Руставели, то шеф не принадлежит к клану его наиболее экзальтированных поклонников вроде моего друга тамады. Он просто много знает.

Вопрос задевает меня за живое. Самое время показать, что наша, так сказать, озабоченность является следствием нашей, так сказать, активности. Приглашаю полковника в кинозал. На маршруте перехода и в зале, пока настраивается проектор, он не задает мне ни одного вопроса. Он задаст их потом. Но это уже будет другой разговор, в ином тоне.

Гаснет свет. На экране появляется изображение. Это один из двух снимков, переданных мне Павлом.

— Видите девушку в левом углу? Это Морозова, — говорю я. — А теперь обратите внимание на человека рядом с ней.

— В кожаной куртке? — уточняет Белопольский.

— Да. Здесь нечетко. Сейчас будет получше.

На экране возникает новый снимок интересующей нас пары.

На сей раз лицо мужчины, запечатленного в фас, видно во всех подробностях и интонациях. Ему явно не нравится, что его фотографируют.

— Никитин? — восклицает полковник.

Ему незачем скрывать свое изумление, как мне вчера.

— Он самый, — сдержанно подтверждаю я.

Восторгаться тут особенно нечем. Скорее наоборот.

Вспыхивает свет. Подхожу и сажусь рядом с шефом. Кинозал — одно из самых уютных мест в нашем офисе, его приятный полумрак хорошо стимулирует воображение. Последнее обстоятельство мне достаточно известно, я не без умысла устроил обсуждение увиденного именно здесь.

— Вот это поворот! — изумляется шеф. Он до сих пор еще не может прийти в себя, а этого человека удивить трудно. — Помнишь, наш разговор после того, как ты вернулся из поездки? Ты тогда сказал, что мы чего-то не учли с самого начала. Вот тебе и ответ!

Допустим, я не говорил, а только подумал, но это и неважно. Главное, мы оба думали об одном и том же. Как уж тут промахнуться?

— Мы и не могли учесть, — говорю я. — Уж слишком неправдоподобно...

— Факты — вещь точная, как бы неправдоподобно они ни выглядели, — вздыхает Белопольский. — Никитин и Морозова знакомы. Значит, тебе на дороге Морозова встретила не случайно. Никитин хотел знать, что ты будешь делать, а ты не понял...

В этом месте следует небольшая заминка, ибо шеф понимает, что перегнул палку.

— И я бы не понял, — поспешно добавляет он. — Попробуй догадайся. Идем дальше. Появляется человек, который шестнадцатого сентября вечером на переговорном пункте представляется капитаном Лукшиным. Это мог быть только Никитин! Возникает естественное предположение, что все эти дни он был где-то рядом.

Образцовый гражданин, «случайно» нашедший у себя в машине целое состояние и без промедления сообщивший об этом властям. Его «случайное» появление в самом центре событий в тот самый момент, когда он по нашей договоренности должен был находиться совсем в другом месте, и совершенно непонятное небрежение к опасности быть обнаруженным или вычисленным. Его знакомая, «случайно» оказавшаяся участницей затеянной нами игры... От всего этого голова кругом идет. Получается, что все это время нашим хорошо слаженным оркестром управлял совсем другой дирижер?

— В толк не возьму, зачем ему понадобилось называться моим именем, — бормочу я. — Он мог назвать любое другое...

— Есть такая категория людей, любящих риск: решительных, самонадеянных, дерзких, — раздумчиво произносит шеф. — Сознание собственного превосходства в них сильнее элементарной осторожности: вот он я, здесь, кручу вами как хочу, а попробуй возьми! Между прочим, при всей внешней уязвимости его действий рисковал он немногим. Его не было в нашей схеме. Не бы-ло! И он это знал. Если бы ты не обратил вни-

мания на некоторые странности в поведении Морозовой, — ловлю адресованный мне испытующий взгляд и отчаянно пытаюсь не покраснеть, — не было бы и сегодняшнего нашего разговора. К сожалению, брать Никитина мы пока не можем: знакомство с Морозовой и странная манера выдавать себя за другого — это еще не улика. Спросить бы Морозову...

— Дня через два-три, — говорю я, делая вид, что рассматриваю фотографии.

— Надо спешить — чувствует мое сердце. Хотелось бы знать, для чего ему понадобился весь этот маскарад с контейнером.

Ответ на этот вопрос из разряда тех, которые одним махом ставят все точки над всеми «и».

— Он искал Зазроева, — предполагаю я.

Мы уклонились в сторону от опасной темы, и теперь я могу отвлечься от фотографий.

— Допустим. Но зачем? Как думаешь, где Никитин может быть сейчас?

Где может, этого я не знаю. Говорю, где должен.

— Ты проверял?

— Я послал запрос.

Наш разговор окончен. Шеф встает и следует к выходу из кинозала. Его походка лишена обычной живости, ступает он с усилием, тяжело, как человек, который прошагал многие километры по бездорожью, и обнаружил, что искомый дядюшка убыл в неизвестном направлении, а на месте родимого села стоит большой металлургический завод. Я хорошо понимаю его состояние, ибо шагали мы вместе. У двери он останавливается и, повернувшись ко мне, произносит отеческим тоном:

— Будь осторожен. Это опасный преступник, Виктор!

Исковерканные «Жигули» Зазроева обнаруживают в полутора десятках километров от его дачи, на дне ущелья. Двумя часами позже Борис Ахалая — на месте. Спуск с почти отвесной пятидесятиметровой скалы — дело достаточно рискованное даже для специалиста, каковым он, к его несчастью, не является. В ущелье спускается лейтенант, у которого оказывается разряд по альпинизму и которому мой друг доверяет как самому себе. Пока лейтенант, благополучно достигнув дна, знакомится с местом происшествия, Борис столь же пристально приглядывается к окрестностям.

От обрыва, с которого сорвался автомобиль, до трассы полтора километра. Место глухое, безлюдное — завернуть сюда можно лишь с какой-то определенной целью. Сам обрыв отлично просматривается с дороги, не заметить его мало-мальски опытный водитель просто не в состоянии. Если, конечно, ему не помогли не заметить.

Через час с небольшим поступают первые сведения, свидетельствующие о том, что в определенном смысле нам повезло. Бензобак не взорвался, пожара не было. В салоне «Жигулей» обнаружен труп мужчины. Адвокат это или нет, позже установят эксперты, но Ахалая, уверен, что погибший — Зазроев. Небольшого прямоугольного предмета, исчезнувшего из сейфа на

даче, в салоне нет. Не найдут его и на следующий день при более тщательном осмотре.

Темнеет, дело движется к вечеру, но лейтенант решается спуститься еще раз и, как выясняется, не зря. Недалеко от того места, где покоятся «Жигули», он находит останки мотоцикла. Здесь поначалу везет меньше. Падение с высоты, взрыв и пожар почти полностью уничтожили мотоцикл. К счастью, огонь наполовину пощадил табличку с государственным номером. Оставшихся двух букв достаточно для того, чтобы искать владельца мотоцикла на побережье, а сохранившиеся две цифры делают эти поиски вполне реальными.

12

Снова сижу за столом в кабинете шефа. Белопольский стоит у окна, со стороны кажется, будто он что-то пытается рассмотреть сквозь залитые дождем стекла. Несмотря на то, что природа вновь ополчилась против населения столицы, настроение у нас приподнятое. Судя по всему, очередная картина второго акта будет последней в этом затянувшемся спектакле. Я пока не знаю, что автор приготовил мне еще один, финальный сюрприз.

Полковник отрывается от созерцания разгульной деятельности ливня.

— Как быстро меняется погода, — говорит он. — Вчера солнце, сегодня дождь... Скорее б уж завьюжило! Люблю зиму за ее постоянство, за размах, за надежность. За то, чего нам так часто не хватает самим. Ну что ж, будем ждать зиму. Кстати, в тех местах, откуда я родом, существует хорошее правило: все важные дела завершать к зиме. Как думаешь, успеем?

Я молчу. Отнюдь не потому, что мой ответ неоднозначен. Просто я суверен. Не очень. Самую малость.

— Пожалуйста, продолжай, — просит шеф, расхаживая по кабинету.

Ничем иным его возбуждение не обозначено.

— Тридцатого августа днем Никитин пригнал «Ниву» в гараж автобазы проверить двигатель, — говорю я. — Там его и нашел какой-то человек. Механик Лефтий, бывший напарник Никитина, утверждает, что этот человек приходил к Никитину и раньше. По словам Лефтия, незнакомец был взвинчен, прямо в гараже они с Никитиным повздорили. Неизвестный обвинил Никитина в «нечистой игре».

— Лефтий употребил именно эти слова? — уточняет полковник.

— Именно. Потом они сели в машину и уехали. Это был Арчил Нодаришвили — Лефтий узнал его на фотографии. Мотоцикл Никитин приобрел у гражданина Гоцирадзе. В числе прочих бывшему владельцу мотоцикла предъявили фотографию Никитина — он указал на нее. Таким образом, предполагаемые действия Никитина обозначаются довольно четко. Я только одного не пойму... Как он решился прийти к нам с контейнером? Там ведь целое состояние!..

Шеф раздумывает.

— Жертвуй меньшим, чтобы заполучить большее, — объясняет он. Объясняет ненавязчиво, как бы самому себе. — Через него они выходили за границу? Зачем? Я так думаю, Зазроев исподволь готовил свое бегство. Приближалось возвращение Ми-насяна. Двоим места на «троне» не было. Один из них должен был исчезнуть, и Зазроев резонно предполагал, что им может оказаться он. А тут «канал» — регулярный, доступный. Услугам, которые оказывал им Никитин, цены не было, а оплачивались они, надо думать, не очень щедро. Никитин же мечтал о главном куше; для этого надо было найти Зазроева, которого он не знал, а пока довольствовался тем, что удавалось урвать. По-видимому, часть ценностей, предназначенных к переправке за границу, не доходила до места и оседала у Никитина — вспомните контейнер. Преступники встревожились. Они послали к нему Нодаришвили — он единственный знал Никитина в лицо, за что и поплатился жизнью. Искать главаря в одиночку наш водитель не решился. Он побоялся открытой конфронтации с хорошо организованной шайкой преступников. Ему надо было действовать наверняка. Вот тогда и возник план, остроумный, дерзкий, — одним словом, в характере Никитина: найти его с нашей помощью. Перед тем как исчезнуть, Нодаришвили успевает сообщить: нечистый на руку «коллега» собирается в путешествие на собственной автомашине — «Ниве» красного цвета; его будет нетрудно перехватить по дороге и призвать к ответу. Под видом Никитина в поездку отправился ты. Оставалось не допустить твоего преждевременного контакта с людьми Зазроева. Это взяла на себя «случайная» попутчица Морозова. Между прочим, я консультировался с юристами — состава преступления в ее действиях нет.

Все это произнесено вскользь, как бы случайно, и я с трудом удерживаюсь от желания немедленно заключить свое начальство в объятия. Не за смысл сказанного. За то, что вскользь.

Шеф делает вид, что не замечает моей радости, которую-то и от человека менее наблюдательного не скроешь.

— А Никитин, — продолжает он, — обеспечив себе стопроцентное алиби — двухнедельную охоту в глухой тайге, — прилетел на место действия, убедился, что его так называемые компаньоны клюнули на «Ниву», и последовал за ними. Остальное, как говорится, было делом техники. Как ему удалось заполучить содержимое сейфа на даче, мы можем только предполагать. Я думаю, Зазроева успели предупредить. Тот, второй, который звонил ему утром семнадцатого. Адвокат смекнул, что серая «Волга» рано или поздно приведет нас к нему, почел за лучшее удариться в бег и угодил прямо в лапы Никитину. Теперь Никитин попытается уйти за границу. И, судя по всему, при первой же возможности. Впрочем, и это пока не более чем предположение...

— ...подтвердить которое может лишь один человек, — заканчиваю я.

Полковник кивает. Он знает имя.

В этом месте нас прерывает появление секретарши Белопольского.

— Извините, товарищ полковник, — говорит она. — Звонили из бюро пропусков. Товарищ Лукшин, — обращается ко мне

секретарша, — гражданин Никитин просит вас принять его.

Секретарша выходит, оставляя за дверью напряженную тишину. Ту самую, которая предвещает взрыв. Решимость покинула меня. Может быть, впервые за последний месяц я не знаю, что делать. Мне сейчас так нужна поддержка, но я не хочу просить ее, боясь выказать свою слабость, а шеф не спешит прийти на помощь.

— Не могу, — с усилием произношу я. — Я сейчас должен говорить с ним, улыбаться, жать руку... Не могу!

Белопольский глядит на меня с неожиданной суровостью.

— Иди, — строго говорит он.

Только-то... Что же, может быть, он и прав. С этим я должен справиться сам.

Возвращаюсь в свой кабинет. Звоню в бюро пропусков, заказываю пропуск. Сажусь за стол, бессмысленно перебираю какие-то бумаги. Сквозь монотонный шум дождя я различаю будничные звуки улицы. Шелестят по мокрому асфальту машины, гудит троллейбус, люди торопятся по своим делам, и для того, чтобы так было всегда, мы должны скромно и незаметно продолжать свое дело. Иной раз даже стиснув зубы.

В дверь стучат. Приглашаю войти. Входит Олег Михайлович Никитин. Он красив, подтянут и свеж. Его легкий загар с одинаковым успехом можно приобрести как на побережье, так и в горах. Мы одноклассники, я старше его на три месяца. Мы выросли в одной стране, нас окружали одни и те же люди, и вот к тридцати трем годам мы оказались по разные стороны баррикады... Я не готов анализировать, как это произошло, но то, что мы по разные стороны, придает мне сил. Он пришел узнать, как идут наши дела? Что ж, он узнает.

— Хорошо отдохнули? — вежливо улыбнувшись, интересуюсь я.

— Неплохо, — гласит ответ. — По тайге побродил, поохотился. Такого лося завалил!

Пусть думает, что завалил. Его заблуждению суждено жить недолго.

— Машину вам вернули? — снова интересуюсь я.

— В полной сохранности! Вот пришел поблагодарить...

— Ну, не совсем в полной...

— Не скромничайте, товарищ капитан! — цветет в улыбке гость. — Специалисты у вас что надо! Не хуже наших... Что, поймали преступников? — как бы между прочим интересуется он.

Вопрос с подтекстом, как и его неожиданный визит. Если бы поймал, наша беседа протекала бы в ином тоне.

— Ловим, — коротко говорю я.

Собеседник глядит на меня с сочувствием.

— Совсем я там в лесу одичал, — доверительно сообщает он. — Бродил, как леший. Ни людей, ни машин — одно зверье. У вас-то наверняка было повеселее?

— Да, не жалуюсь, — сдержанно отвечаю я, начиная смутно догадываться, куда он клонит.

— А вернулся и будто на другую планету попал. Вроде все то же самое, но как звучит!.. Цветы, улыбки, девушки!.. Все эти блага начинаешь ценить, только побыв отшельником.

Вот оно что! В назначенный день и час Ольга не явилась на встречу. Никитин забеспокоился. Телефонный звонок на квартиру близ метро «Ждановская», надо полагать, не внес ясности, если только хозяйка в пылу «благородного негодования» не упомянула «мужскому голосу» про мой визит, и удачливый «охотник на крупного зверя» со свойственной ему дерзостью решил справиться у меня. Улыбка не сходит с его лица, но в глазах — холод, и я про себя воздаю должное его выдержке.

— А я вот с удовольствием поменялся бы с вами, — вздыхаю я. — Человека, знаете, всегда тянет к тому, чего у него нет. И улыбки, и прекрасные попутчицы — все это было в изобилии. А цветами меня, можно сказать, забрасывали. Да что толку... Прекрасным попутчицам требуется внимание, — заканчиваю я с грустной улыбкой.

Голова у тебя варит, мог бы и сам догадаться, что, если ты у меня на правах гостя, ваша встреча с Ольгой не состоялась не по моей вине.

Удовлетворяет его услышанное или нет, но дальше он не идет. Дальше небезопасно.

— Товарищ Никитин, вы, возможно, еще понадобится, — говорю я, что вполне соответствует характеру наших легальных отношений. — Как вас можно найти?

— Отпуск-то мой — тютю!.. — мрачнеет Никитин, — В понедельник на работу. И пошло-поехало!.. Командировки, командировки... Вы, если что, звоните на автобазу. Мне передадут.

— Хорошо.

— Я могу идти?

— Да, конечно.

Гость встает.

— До свидания, товарищ капитан, — говорит он.

Безо всякого напряжения пожимаю протянутую мне руку.

Что ж, прощайте, гражданин Никитин. Или, точнее, до скорого свидания!

13

Белые стены, белый потолок, окно в подернутый утренней дымкой сад, два стула, маленький стол в углу и большой букет ярких осенних цветов на тумбочке. В этой комнате лежит Ольга. Главврач оставляет нас одних. Сажусь на стул у ног девушки и вижу ее глаза, огромные, во все лицо. Тугая позы-ка белоснежным водолазным шлемом опустилась на голову, оставив незащищенным овал лица; бледные щеки, растрескавшиеся губы, милый вздернутый носик. Волосы... Ее дивные волосы!.. В уголке левого глаза вырастает и медленно катится по щеке слеза.

В смятении гляжу на Ольгу, не зная, с чего начать. С этой девушкой мне суждено говорить часто и долго. Но этот первый разговор — самый трудный.

Семь часов спустя я нахожусь в кабинете начальника одного из контрольно-пропускных пунктов на западной границе. В эту самую минуту трейлер Никитина досматривают таможенники.

Досмотр закончен. До пересечения границы остаются считанные минуты. Наступает столь нужный мне момент полной ослабленности преступника: все позади, ничего изменить нельзя. Начальник КПП делает мне знак. Я встаю. Мой выход.

Выхожу и остаюсь на дороге, преграждая путь к шлагбауму. Водитель уже за рулем, но он ничего не знает, а его напарник меня не видит. Офицер, возглавляющий пограничный наряд, вручает ему документы. И когда Никитин занимает свое место в кабине и дает сигнал к отправлению, наши взгляды встречаются.

**На I, IV страницах обложки рисунки Юрия СЕМЕНОВА
к повести «СХОД НА ДЫМ»**

**На II странице обложки рисунок Владимира ВАСИЛЬЕВА
к повести «ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ»**

**На III странице обложки рисунок Вячеслава ЛОСЕВА
к повести «НЕПРИЯТНОСТИ НАЧНУТСЯ В ПОЛДЕНЬ»**

**Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и Е. КУЗЬМИНА
Редакторы выпуска Е. КУЗЬМИН и С. БЕЛОЗЕРОВ
Художественный редактор В. КУХАРУК
Технический редактор О. БОЙКО**

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 12.01.87. Подписано в печать 17.02.87. А00968.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 290 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 26.**

© «Искатель», 1987 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30,
Суцевская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Юрий ПЕРЕСУНЬКО

Иван ФРОЛОВ

Валерий МИГИЦКО

Цена 60 коп.

